

# ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЬ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1891.

№ 16.

АВГУСТЪ.—КНИЖКА ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:

Стр.

Слово въ день Успѣновенія главы Святаго Іоанна Крестителя. О стыдѣ и стыдливости. Преосвященнаго *Амеросія* . . . . . 193—205

Воспоминанія священника Православной Церкви Д-ра о. Владимира Гетте, бывшаго священникомъ римской церкви (продолженіе). *Н.* . . . . . 206—233

По поводу замѣтки: „Современная психіатрія и христіанство“. *А. Вечтомова* 234—256

II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:

Ученіе Канта о радикальномъ злѣ (окончаніе). *А. Кириловича* . . . . . 145—168

О благодѣянiяхъ (De Beneficiis). Л. Аннея Сенеки къ Эбуцію Либералію (продолженіе). \*\* . . . . . 169—186

III. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

Содержаніе. Списокъ лицъ Харьковской Епархіи, награжденныхъ Св. Синодомъ за труды по народному образованію.—Отъ Харьковскаго Епархіальнаго Попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія.—Отъ Правленія Харьковской Духовной Семинаріи.—Отъ Правленія Сумскаго Духовнаго Училища.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.



ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., д. № 16.

1891.

# „ВѢРА И РАЗУМЪ“

## СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный, въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзорѣніе замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе или менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ «Вѣра и Разумъ», издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства «Епархіальныя Вѣдомости», то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ «Листонъ для Харьковской епархіи», въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяць, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №  
Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 руб., а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТѢ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

Подписка принимается: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской Духовной Семинаріи, въ свѣчной лавкѣ при Покровскомъ монастырѣ, въ Харьковской конторѣ «Новаго Времени» на Екатерининской улицѣ, въ книжномъ магазинѣ В. и А. Бирюковыхъ на Московской ул. и въ конторѣ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи, контора В. Гиляровскаго, Столѣшниковъ переулокъ, д. Корзинкина; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Садовая ул., Гостинный Дворъ, № 45 и во всѣхъ конторахъ «Новаго Времени».

Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884, 1885, 1886, 1887, 1888 и 1889 годы, по уменьшенной цѣнѣ, т. е. по 7 рублей за каждый годъ, и «Харьк. Епарх. Вѣдомости» за 1883 годъ, по 5 (вмѣсто 7) рублей за экземпляръ съ пересылкой.

Πίστει νοοῦμεν.

*Вѣрою разумѣаемъ.*

Евр. XI. 3.

Дозволено цензурою. Харьковъ, Августа 31 дня 1891 года.

Временно-исправл. должность цензора,  
Протоіерей *Павелъ Солцевъ.*

# СЛОВО

Преосвященнаго Амвросія Архієпископа Харьковскаго  
въ день Устъкновенія главы Святаго Іоанна Крестителя.

О стыдѣ и стыдливости.

*Есть стыдъ наводня грѣхъ, и есть стыдъ  
слава и благодать (Спр. 4, 25).*

Это изреченіе древняго библейскаго мудреца разъясняетъ намъ одну нравственную черту, выразившуюся въ обстоятельствахъ мученической кончины святаго Іоанна Крестителя. Стыдъ Ирода сознаться предъ своими придворными въ безразсудности клятвы, данной угодившей ему танцовщицѣ — исполнить всякую ея просьбу; довель его до преступнаго повелѣнія предать смерти величайшаго праведника, противъ собственнаго его убѣжденія. Это внутреннее его убѣжденіе въ невинности и благотворномъ вліяніи св. Іоанна на его собственную загрузѣвшую въ преступленіяхъ душу возбуждало въ немъ смущеніе и стыдъ предъ самимъ собою. Но въ порочномъ его сердцѣ проблескъ стыда истиннаго предъ своею совѣстію былъ подавленъ стыдомъ ложнымъ передъ людьми. Для выхода изъ затруднительнаго положенія путемъ признанія въ безразсудствѣ данной клятвы и раскаянія, у него не достало чест-

ности и мужества,—и преступленіе совершено. Такъ *есть* одинъ *стыдъ* наводяй *грѣхъ*, и *есть* другой *стыдъ* слава и благодать.

Конечно, не безъ особенной цѣли св. Евангелистомъ Маркомъ съ такою ясностію раскрыта въ печальномъ опытѣ эта борьба между стыдомъ ложнымъ и истиннымъ, и эта несчастная побѣда перваго надъ послѣднимъ. Цѣль эта, — общая всѣмъ евангельскимъ повѣствованіямъ, — преподать нравственный урокъ вѣрующимъ на всѣ времена. А этотъ урокъ о вниманіи къ стыду истинному и о храненіи себя отъ стыда ложнаго особенно нуженъ христіанамъ нашего времени.

Нѣтъ надобности много объяснять, какую страшную силу получилъ въ наше время *стыдъ ложный*, т. е. стыдъ передъ людьми и ихъ мнѣніемъ, становящійся на мѣсто стыда истиннаго предъ Богомъ и совѣстію. Возобладали въ ученomъ мѣрѣ враждебныя христіанству ученія,—нельзя не слѣдовать имъ, или по крайней мѣрѣ неудобно бороться съ ними: стыдно показаться врагомъ современнаго просвѣщенія; хотя съ чужаго голоса, хотя наобумъ, а надобно повторять современные такъ называемыя либеральныя мысли. Вводятся обычаи, разрушающіе нравственный порядокъ церковной и семейной жизни,—нельзя не слѣдовать имъ, хотя совѣсть и возстаетъ противъ нихъ: стыдно идти противъ общаго направленія вѣка, когда всѣ такъ восхваляютъ современные усовершенствованія во всѣхъ родахъ жизни—частной и общественной. Выходитъ мода въ одеждѣ нерѣдко безобразная, и неудобная, и вредная для здоровья—нельзя не слѣдовать ей: стыдно передъ людьми, когда всѣ ей слѣдуютъ, хотя для большинства любителей моды это и дорого, и средствъ у нихъ мало, и семейства ихъ отъ этого страдаютъ. Смущается юноша, когда развратные товарищи влекутъ

его къ преступнымъ удовольствіямъ,—нельзя бѣжать отъ нихъ: это значило бы противиться современной цивилизаціи, да и стыдно показаться недорослемъ боящимся гнѣва отца и матери и неумѣющимъ завоевать себѣ свободу. Внутренно страдаетъ дѣвица, попавшая въ общество людей, поставившихъ себѣ цѣлю развитіе и высвобожденіе женщины изъ подъ вліянія старинныхъ христіанскихъ правилъ скромности и цѣломудрія, но она вопреки совѣсти молчитъ и не выражаетъ негодованія: стыдно показаться непонимающею современнаго движенія къ установленію полноправности и равенства женщины съ мужчиною и свободнаго отношенія половъ. Вотъ *стыдъ наводилъ грѣхъ*. И мы видимъ своими глазами, какое множество грѣховъ отъ него разливается въ нашемъ обществѣ.

Раскроемъ съ большею подробностію библейское ученіе о другомъ стыдѣ, плодами котораго являются *слава и благодать*, т. е. совершенство и благополучіе.

Стыдъ истинный, какъ прирожденное свойство души человѣческой, проявляется въ двухъ видахъ. Первое, наиболѣе для насъ понятное, движеніе стыда—это страданіе души по совершеніи нравственно неприличнаго поступка, или преступленія. Мы съ дѣтства помнимъ, какъ во дни невинности мы внутренно страдали, когда уличали насъ во лжи, употребленіи неприличныхъ словъ, обидѣ братьевъ и сестеръ и т. под. Еще болѣе памятны намъ первыя паденія, состоявшія въ свободномъ и сознательномъ нарушеніи заповѣдей Божіихъ, разрушившія нашъ внутренній миръ и блаженное состояніе невинности. Здѣсь стыдъ есть болѣзненное ощущеніе души, входящее въ составъ цѣлаго ряда нравственныхъ страданій, называемыхъ угрызениями совѣсти, и относится какъ къ внутреннему сознанію нашего униженія, такъ и къ виѣшнему обнаруженію грѣ-

ха, когда грѣшнику кажется, что всѣ знаютъ объ его преступленіи и всѣ видятъ на лицѣ его слѣды его позора. Въ этомъ состояніи грѣшникъ готовъ скрыться отъ себя самого и отъ всего міра; такъ скрылись наши прародители послѣ грѣхопаденія, услышавъ *гласъ Господа Бога, ходящаго въ рай* (Быт. 3, 8). Освободиться отъ этого стыда можно только искреннимъ раскаяніемъ во грѣхахъ, исправленіемъ жизни и внѣшняго поведенія.

Другой видъ стыда, менѣе нами понимаемый и наблюдаемый, есть стыдъ предварительный, предупреждающій грѣхи и преступленія. Онъ есть смущеніе души при видѣ нравственнаго неприличія, при появленіи соблазна и приближеніи грѣха. Онъ переходитъ въ страданіе, когда невинная душа предъ опасностію грѣха трепещетъ какъ горлица при появленіи хищнаго ястреба. Это прирожденное и драгоценное свойство души человѣческой. Еслибы матеріалисты обратили на него должное вниманіе, то по одному этому чувству не смѣшали бы человѣка съ безсловесными животными. Стыдъ въ этомъ смыслѣ можно назвать *обоняніемъ души*, которое даетъ ей возможность издали чувствовать смрадъ грѣха и отвращаться отъ него. Какъ тѣлесное чувство обонянія предохраняетъ насъ отъ вредной пищи, питья и отъ зараженнаго воздуха: такъ чувство стыда предохраняетъ насъ отъ грѣха. Какъ притупленное обоняніе лишаетъ насъ способности замѣчать вредное для нашего здоровья: такъ ослабленіе, или утрата естественнаго чувства стыда подвергаетъ насъ опасности освоиться съ зловоніемъ грѣха, придышаться и привыкнуть къ нему, какъ бѣдные люди привыкаютъ къ зараженному воздуху въ гнилыхъ помѣщеніяхъ. Есть и внѣшній показатель сохраненія въ насъ цѣльности и чистоты этого тонкаго чувства—это краска стыда на

лицѣ невиннаго человѣка при одномъ двусмысленномъ словѣ или при видѣ неприличнаго поступка. Есть внѣшнее свидѣтельство и утраты стыда,—это безпечное, а при глубокомъ развращеніи и дерзкое выраженіе въ лицѣ человѣка даже при видѣ самыхъ возмутительныхъ картинъ разврата. Въ первомъ случаѣ при тщательномъ охраненіи чувства стыда и при вниманіи къ его указаніямъ на опасности соблазна и грѣха воспитывается въ душѣ нашей въ качествѣ навыка, имѣющаго характеръ добродѣтели, — *стыдливость*, или постоянная опасливость грѣха. Библейскій мудрецъ особенно высоко ставитъ стыдливость въ женщинѣ: *благодать на благодати жена стыдлива*, говоритъ онъ (Сир. 26, 18), т. е. высшее достоинство и красота женщины есть ея стыдливость. Во второмъ случаѣ, при постепенно возрастающемъ пренебреженіи къ чувству стыда и при тупленіи его, является равнодушіе къ соблазнительнымъ явленіямъ; а потомъ и совершенное *безстыдство* не только при видѣ, но и при совершеніи преступленій.

Изъ этого видно, какое великое значеніе въ нашей нравственной жизни имѣютъ стыдъ и стыдливость. По ученію христіанскому, сѣмя грѣха появляется въ умѣ нашемъ въ видѣ нечистой мысли, потомъ падаетъ въ сердце и въ почвѣ его пускаетъ корень въ видѣ нечистыхъ ощущеній, затѣмъ обнаруживаетъ свои горькіе листья въ соблазнительныхъ словахъ, и наконецъ приноситъ свой смертельный плодъ въ преступленіи закона Божія: *похоть зачении рождаетъ грѣхъ, грѣхъ же содѣянь рождаетъ смерть*. (Іак. 1, 15). На всѣхъ этихъ степеняхъ развитія грѣха стыдъ преслѣдуетъ его. Въ состояніи невинности мы стыдимся собственной своей грѣшной мысли и чувства, стыдимся своего и чужаго нецѣломудреннаго слова, и при первомъ страстномъ порывѣ къ грѣху чувствуемъ стыдъ въ видѣ общаго душевнаго

потрясенія и страха, сопровождающагося внутреннею борьбою, и только въ самозабвеніи, проломивши эту спасительную ограду, низвергаемся въ пропасть грѣха, оставаясь со стыдомъ посрамленія и печалію въ сердцѣ. Эта исторія нашихъ грѣхопаденій всѣмъ извѣстна. Поэтому мы можемъ понять, какое охраненіе невинности и доброй нравственности составляетъ стыдливость, и какія широкія ворота грѣху въ нашу душу растворяются съ утратою стыда. При стыдливости человѣкъ бѣжитъ отъ грѣха; при утратѣ этого чувства, движимый плотскими побужденіями, самъ ищетъ грѣховныхъ наслажденій. При стыдливости онъ уклоняется отъ общества развратныхъ людей; при безстыдствѣ ему любезнѣе товарищество буйныхъ развратниковъ, чѣмъ людей нравственно благородныхъ и честныхъ. При стыдливости и малая допущенная вольность въ нравственномъ отношеніи надолго оставляетъ сожалѣніе въ душѣ неиспорченнаго человѣка; при безстыдствѣ любимый разговоръ развращенныхъ людей составляютъ соблазнительные рассказы и въ видѣ особеннаго геройства выставляются безнравственные успѣхи и побѣды. При остаткѣ стыдливости и испорченный человѣкъ старается скрыть свои нравственные недуги, а при совершенной потерѣ стыда порокъ выставляется наружу, зло становится открытымъ и соблазнъ принимаетъ размѣры нравственной заразы, поражающей цѣлыя общества. Таковы въ наше время собранія и гульбища сопровождаемая безнравственными оргіями; таковы театральныя представленія, соблазнительныя по мысли и содержанію, безстыдныя по обстановкѣ. А одобренія и восторги, изъясняемые при такихъ представленіяхъ со стороны зрителей, представляютъ доказательство крайней испорченности общества и утраты не только стыдливости, но и чистаго эстетическаго вкуса.

Что стыдливость есть охрана добродѣтели и узда порока, это знали и языческіе лучшіе мыслители и учителя нравственности; они высоко ставили стыдливость и вооружались противъ открытаго разврата. Но во всей полнотѣ это ученіе раскрыто въ христіанствѣ подъ общимъ именемъ *цѣломудрія*, т. е. цѣльности, правоты и чистоты духа, при которой становится преступленіемъ и нечистая мысль и *воззрѣніе съ воздержаніемъ*. (Мат. 5, 28.). Осторожныя и цѣломудренныя отношенія половъ ставятся въ основаніе душевной чистоты, такъ какъ ничто столь рѣшительно не разрушаетъ правильнаго теченія нашей внутренней жизни, какъ преступныя плотскія связи наполняющія умъ нечистыми помыслами и сердце страстными вождельніями, разслабляющія силу воли и поражающія душу нашу болѣзненною немощію въ совершеніи всякой добродѣтели. Здѣсь-то по преимуществу и поставляется ученіемъ христіанскимъ на стражѣ цѣломудренная стыдливость, очищаемая молитвою и охраняемая всегда присущею душѣ христіанина благодатію Божіею. Она-то, эта ангельская стыдливость не допускаетъ разсѣяннаго взгляда, неосторожнаго слова и прикосновенія по опасенію, что страсть, какъ электрическій токъ, быстро передается отъ одного лица другому. Она-то и охраняла въ народахъ христіанскихъ молодя поколѣнія отъ нравственнаго растлѣнія до заключенія благословенныхъ супружескихъ союзовъ и обезпечивала на всю послѣдующую жизнь добрую нравственность и благополучіе семействъ.

Въ нашъ вѣкъ какъ будто намѣренно все направляется къ изгнанію изъ обществъ стыдливости и водворенію въ нихъ не ограниченной свободы въ обнаруженіи всѣхъ дурныхъ свойствъ природы человѣческой. Современная философія не признаетъ наслѣдственной порчи природы человѣческой вслѣдствіе грѣхопаденія

прародителей, и потому всякія порочныя явленія въ ней признаются законными, потому что они естественны. Наука безъ всякой осторожности для пользы тѣлесной, въ ущербъ нравственной, раскрываетъ даже предъ дѣвицами всѣ тайны природы, требующія прикрытія. Искусство въ изваяніяхъ, картинахъ, рисункахъ періодическихъ изданій выставляетъ соблазнительныя изображенія тѣлесной красоты и сладострастныя сцены безъ всякой заботы о томъ, кто и съ какими мыслями будетъ наслаждаться этими произведеніями. Всѣмъ извѣстно, по какимъ распутіямъ разврата и преступленій водить читателей обоюго пола и всѣхъ возрастовъ легкая европейская, а отчасти и наша литература послѣдняго времени, какъ бы заботясь о томъ, чтобы дать образованнымъ людямъ самыя вѣрныя средства утратить скорѣе внутреннюю стыдливость, и пріучить ихъ къ разврату въ дѣйствительной жизни. Въ общественной жизни, кромѣ безстыдныхъ зрѣлищъ, о которыхъ мы говорили, свобода отношеній между полами, во многихъ публичныхъ собраніяхъ, нецѣломудренность въ одеждѣ и разговорахъ, все располагаетъ къ уtratѣ тонкаго чувства стыдливости. Даже дѣти обоихъ половъ въ нарочно устраиваемыхъ собственно для нихъ балахъ, и, такъ называемыхъ, дѣтскихъ утрахъ какъ бы заранѣе освобождаются отъ своей невинности и робости. Удивительно ли послѣ этого, что у насъ жены бросаютъ мужей, а мужья женъ своихъ, дочери убѣгаютъ изъ домовъ родительскихъ въ развратныя запрещенныя сборища молодыхъ людей не только здѣшнихъ, но и заграничныхъ; сыновья съ ранняго возраста оставляютъ книги и бросаются во всѣ роды преступныхъ удовольствій? Многими и многое въ этомъ порядкѣ жизни извиняется и оправдывается; иные, и сознавая опасность такого положенія, съ чувствомъ безпомощности

говорять: „что дѣлать? нынѣ такое время“. Какъ будто время есть какая-то непобѣдимая сила, влекущая насъ противъ воли къ развращенію и бѣдствіямъ, какъ будто не мы сами дѣлаемъ время такимъ, или другимъ, т. е. благопріятнымъ для христіанской добродѣтели, или затрудняющимъ исполненіе нравственныхъ обязанностей. Измѣнимся сами каждый въ своемъ кругу, усугубимъ осторожность и бдительность по отношенію къ современнымъ соблазнамъ,—и измѣнится наше время. Это трудно при общемъ нравственномъ расслабленіи, но необходимо для нашего собственнаго блага. При доброй волѣ и помощи Божіей все возможно.

Но древній мудрецъ, какъ мы видѣли, въ особенное совершенство, а слѣдовательно и въ особенную обязанность вмѣняетъ стыдливость женскому полу: *благодать на благодати жена стыдлива*. Сама природа одаряетъ женщину особенною силою стыдливости, и тѣмъ даетъ понять, что въ женскомъ полѣ она должна быть охраняема съ особенною заботливостію. Если общество безстыдныхъ мужчинъ представляетъ противное зрѣлище, то общество утратившихъ стыдъ женщинъ становится еще болѣе возмутительнымъ и жалкимъ. Можно по справедливости сказать: погибло то общество, гдѣ женщины утратили стыдъ. И въ этомъ не трудно убѣдиться. Женщинѣ принадлежитъ первоначальное воспитаніе дѣтей. На ней лежитъ обязанность охранять невинность дѣтскихъ душъ, и заблаговременно подавлять въ нихъ всякое проявленіе дурныхъ склонностей. Но какъ это дѣлается? Не наставленіями и разсужденіями, которыхъ малыя дѣти не понимаютъ, а простымъ пробужденіемъ въ нихъ естественнаго чувства стыда, простымъ и короткимъ словомъ: „стыдно“. Это краткое указаніе на естественную потребность хра-

нить чистоту нравственнаго чувства, соединяемое съ христіанскимъ, столь-же краткимъ, указаніемъ: „грѣхъ“, пробуждающимъ въ невинной душѣ чувство страха Божія, —составляетъ самый вѣрный способъ первоначальнаго нравственнаго воспитанія. И вокругъ понимающей это матери, и представляющей въ себѣ примѣръ цѣломудренной стыдливости, вы никогда не увидите дѣтей неприлично одѣтыхъ, распущенныхъ и дерзкихъ. *Стыдливая жена* не только дѣвицъ, но и взрослыхъ сыновей, занимающихъ внѣ дома неблаговидныя привычки, однимъ своимъ словомъ приводитъ въ порядокъ; она и забывающагося мужа одною краскою стыда на лицѣ своемъ и выраженіемъ оскорбленнаго достоинства заставляетъ опомниться; она и на гостей своихъ, кто бы они ни были, однимъ своимъ скромнымъ видомъ и цѣломудреннымъ взглядомъ налагаетъ печатать сдержанности и приличія. Это могущественное вліяніе женской стыдливости признають даже испорченные мужчины, прекращая при появленіи женщины вольныя рѣчи. Не то видимъ мы въ семействахъ, гдѣ хозяйка дома и своимъ и чужимъ подаетъ примѣръ развязности и вольности, давая понять, что въ ея домѣ царствуетъ свобода, что у нея все позволено. Изъ такихъ домовъ и выходятъ дѣти, которымъ впослѣдствіи никакими усиліями нельзя внѣдрить въ душу утраченную стыдливость, и которыхъ такъ трудно удержать на пути чести и нравственнаго приличія. Какое значеніе каждая женщина имѣетъ въ своемъ семейномъ кругу, такое же и всѣ женщины, взятыя вмѣстѣ, имѣютъ въ цѣломъ обществѣ относительно окружающей ихъ среды. Тамъ, гдѣ онѣ во всѣхъ вселяютъ уваженіе къ себѣ и опасеніе оскорбить ихъ нравственное чувство, тамъ сдерживаются страсти и соблюдаются нравственныя приличія; тамъ же, гдѣ это вліяніе утрачивается, вся-

кому обществу представляется возможность превращать свои собранія въ болѣе или менѣе шумныя оргіи. Но великое несчастіе нашего времени состоитъ въ томъ, что все, какъ мы сказали, нынѣ направлено къ тому, чтобы лишить современную женщину этой нравственной силы и этого лучшаго ея украшенія. Не только сторонніе молодые люди, пропитанные современными воззрѣніями на положеніе женщины въ обществѣ, стараются освободить ее отъ стѣснительныхъ узъ стыдливости, но и сами мужья при поздней женитьбѣ, пропедши въ холостой жизни всѣ роды развлеченій и пріобрѣтши дурныя привычки, становятся во вредъ себѣ и семействамъ своимъ, скажемъ прямо, развратителями своихъ женъ.

Какъ же возвратить стыдливость и цѣломудріе въ наши семейства и въ общество, когда они утрачиваются?

Для этого нужно, во-первыхъ, возстановить въ семействахъ подъ руководствомъ нашей воспитательницы, православной церкви, благочестивое настроеніе въ поведеніи всѣхъ взрослыхъ членовъ семьи.—родителей, родственниковъ и старшихъ дѣтей, чтобы и малолѣтки чувствовали этотъ духъ благочестія, который столь-же животворно дѣйствуетъ на нравственное теченіе духовной жизни, какъ чистый воздухъ на здоровье тѣла. Благоговѣйное отношеніе ко всему божественному и священному, прилежаніе и порядокъ въ занятіяхъ, приличіе въ одеждѣ, осторожность въ словѣ при напоминаніяхъ молодымъ людямъ о приличіи нравственномъ, обязательномъ не только для христіанина, но и для всякаго честнаго человѣка,—вотъ совокупность средствъ, или, лучше, среда, гдѣ воспитываются и охраняются чувство страха Божія и родственная этому религіозному чувству естественная стыдливость и цѣломудріе.

Во-вторыхъ, въ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ родителей замѣняютъ воспитатели, долженъ быть сохраняемъ тотъ

же характеръ христіанской семьи, откуда должны быть изгоняемы всякія вольности дѣтей и юношей, всякія неприличныя рѣчи и движенія, чтобы въ жилищѣ науки все соотвѣтствовало его благородному назначенію. И это наблюденіе за приличнымъ поведеніемъ воспитанниковъ несравненно нужнѣе, чѣмъ самая исправность въ приготовленіи уроковъ, такъ какъ всякій выходящій изъ школы можетъ пополнить свое образованіе впоследствии, но утраченной внутренней стыдливости возратить не можетъ, а только много-много, если замѣнить ее соблюденіемъ наружныхъ приличій. Причина этому очевидна: при недостаткѣ какихъ-либо познаній остается въ умѣ и памяти пустое мѣсто, которое легко наполнить, если не опущено время, а при утратѣ добраго свойства нравственнаго немедленно на мѣсто его вселяются противоположныя ему помыслы и влеченія, которые изгонять трудно, а замѣнять добрыми навыками и еще труднѣе.

Наконецъ, въ третьихъ, мы много говоримъ о правильномъ настроеніи общественнаго мнѣнія, но еще больше нужно говорить и заботиться объ охраненіи общественнаго приличія, о развитіи въ обществѣ нравственнаго порядка и чистаго вкуса. Допущеніе безнравственныхъ зрѣлищъ въ театрахъ и еще болѣе безнравственныхъ гульбищъ въ общественныхъ садахъ и на улицахъ большихъ городовъ,—это общественныя школы разврата для молодыхъ людей. Охраненіе народной нравственности настолько выше и важнѣе научнаго образованія, насколько дѣло важнѣе мысли и слова. Умноженіе многознающихъ говоруновъ не столько необходимо для блага государствъ и народовъ, сколько умноженіе честныхъ и благородныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ общественной жизни. Отсюда видно, что обязанности начальствъ и правительствъ въ

христіанскихъ государствахъ относительно народной нравственности еще важнѣе, чѣмъ обязанности школьныхъ учителей и воспитателей. Не всѣ милліоны народовъ проходятъ чрезъ школы, но всѣмъ доступны публичныя увеселенія, и чѣмъ менѣе будетъ наблюденія за разумностію и нравственнымъ характеромъ этихъ увеселеній, тѣмъ быстрѣ пойдетъ развращеніе и разложеніе народовъ.

Что дѣлаетъ нашъ вѣкъ изъ дѣвицъ и юношей, куда ведетъ онъ народы христіанскіе при торопливости, легкости и односторонности въ дѣлѣ образованія и при ложныхъ взглядахъ на развитіе общества,—объ этомъ страшно и думать. Крѣпокъ и силенъ духомъ былъ нашъ православный народъ, поставленный промысленіемъ Божиимъ подъ руководство Церкви, а теперь и онъ видимо слабѣетъ, мельчаетъ и развращается. И это въ наше такъ называемое просвѣщенное время...

Скажемъ въ духѣ покаянія словами пророка: *Господу Богу нашему правда, а намъ стыднѣе лицъ.* (Вар. 1, 15). Аминь.

---

# ВОСПОМИНАНІЯ

## СВЯЩЕННИКА ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

### Д-ра о. Владиміра Гетте,

ВЫВШАГО СВЯЩЕННИКОМЪ РИМСКОЙ ЦЕРКВИ.

(Продолженіе \*).

#### XI.

Священная Конгрегація Института Франціи.—Г. де-Сальванди признаетъ, что я заслуживаю награды Гобера (*Gobert*).—Почему Институтъ не можетъ дать мнѣ ее.—Странная теорія исторіи г. де-Сальванди.—Священная-Конгрегація Палаты-Правосудіи.—Духовное завѣщаніе моего друга Шарена дю-Шателе признается законнымъ, исключая того пункта, который относится ко мнѣ.—Почему.—Судьи и наследники всё вмѣстѣ должны мнѣ пять тысячъ франковъ съ процентами. Нѣтъ моей заслуги въ томъ, что я всю сумму перевелъ на бѣдныхъ.—Императорскій прокуроръ желаетъ испугать меня.—Дарбоа, Парижскій архіепископъ, не желаетъ, чтобы я носилъ названіе аббата.—Я смѣюсь надъ архіепископомъ и его прокуроромъ.—Я никогда не подвергался *запрещенію*.—Что означаетъ это слово.—Клерикальные журналы усвоятъ мнѣ это названіе, по поводу одной брошюры, которая не принадлежала мнѣ.—Я преслѣдую ихъ судомъ.—Сверхъ всякаго ожиданія судъ оказалъ мнѣ справедливость, благодаря первому предсѣдателю Венедикту Шампи.—Даже архіепископскій дворъ заявляетъ, что я никогда не подвергался *запрещенію*.

Я никогда не имѣлъ намѣренія вступать въ Институтъ. Мнѣ было хорошо извѣстно, что я не буду принятъ ни въ одинъ изъ классовъ этого научнаго и литературнаго общества, несмотря на то, что я писалъ больше и лучше многихъ изъ тѣхъ, которые считались его членами. У меня никогда не возникла мысль конкурировать изъ-за наградъ, назначаемыхъ каждый годъ этимъ обществомъ. Между тѣмъ, я однажды принужденъ былъ конкурировать, вслѣдствіе настояній одного изъ почтенныхъ членовъ Института, моего друга Гарсена де-Тас-

\*) См. ж. «Вѣра и Разумъ», № 13-й, 1891 г.

си (Garcin de-Tassy). По мнѣнію этого превосходнаго друга, Институтъ не могъ отказать въ наградѣ Гобера (Gobert) такому сочиненію, какъ *Исторія французской церкви*, болѣе научному, чѣмъ всѣ представленныя въ теченіе года на конкурсъ.

Я откровенно заявилъ Гарсену де-Тасси, что не удостоюсь награды даже въ томъ случаѣ, если бы мое сочиненіе было еще научнѣе и лучше написано, чѣмъ теперь; но Викторъ Леклеркъ (Victor Leclerc) былъ такого же мнѣнія, какъ и Гарсенъ де-Тасси. Я принужденъ былъ уступить, и представилъ Институту пять экземпляровъ, требуемыхъ правилами. Я былъ огорченъ, когда отправлялъ туда свои шестьдесятъ томовъ, будучи увѣренъ, что я не много приобрѣту этимъ. Я не охотно согласился на эту жертву.

Институтъ избралъ виконта де-Руже (Rougé), чтобы дать отзывъ о моемъ сочиненіи. Г. де-Руже отказался, сказавъ, что онъ не компетентенъ въ этомъ отношеніи. И, на самомъ дѣлѣ, онъ былъ египтологомъ, что не имѣло никакого отношенія къ *Исторіи французской церкви*. Онъ просилъ меня не считать его отказъ признакомъ враждебности противъ моего сочиненія.

Послѣ его отказа, Институтъ уполномочилъ дать отзывъ о моей книгѣ графу Сальванди (Salvandy), бывшему министру народнаго просвѣщенія въ царствованіе Людовика-Филиппа. Г. Сальванди согласился. Спустя одинъ или два мѣсяца, онъ написалъ мнѣ и просилъ меня зайти къ нему. Я отправился по его приглашенію.

Я нашелъ въ немъ человѣка чрезвычайно довольнаго самимъ собой и убѣжденнаго въ своихъ достоинствахъ. Онъ сказалъ мнѣ: „г. аббатъ, вы написали большое и прекрасное сочиненіе. При видѣ вашихъ двѣнадцати томовъ, я сначала думалъ, что у меня не достанетъ храбрости прочесть ихъ. Но я прочелъ ихъ съ величайшимъ интересомъ. Вы, безъ всякаго сомнѣнія, заслуживаете награды Гобера; но я долженъ вамъ съ одинаковой откровенностью замѣтить, что Институтъ не будетъ въ состояніи дать вамъ эту награду. Онъ не можетъ противорѣчить Римскому Индексу и показать видъ будто бы онъ желаетъ учить его. Вы, конечно, сами понимаете это“. Я отвѣчалъ: „графъ, я совсѣмъ этого не понимаю. Для Института и даже для фран-

цузской церкви Индексъ не существуетъ. Если бы между Индексомъ и мной дѣло касалось только вопроса о чистотѣ вѣроученія или вопроса объ ультрамонтанствѣ, то, конечно, Институтъ не долженъ былъ бы вмѣшиваться; онъ можетъ только оцѣнить историческое значеніе моего сочиненія. Но поэтому вопросу Индексъ не издалъ, да и не могъ издать никакого постановленія. Слѣдовательно, Институтъ, выразивъ мнѣ свое одобреніе, не становится въ противорѣчіе съ Индексомъ. И даже въ томъ случаѣ, если бы онъ постановилъ рѣшеніе, противорѣчащее рѣшенію одной изъ римскихъ Конгрегацій, то и тогда я не видѣлъ бы, въ чемъ состояло бы при этомъ неудобство для него. Развѣ Институтъ Франціи долженъ унижаться передъ собраніемъ, составленнымъ изъ нѣсколькихъ римскихъ монаховъ, и сообразовать свои рѣшенія съ ихъ рѣшеніями?“ „Нѣтъ, сказалъ Сальванди, но нужно соблюсти нѣкоторыя условія“. „Какія, отвѣчалъ я?“—„Я не хочу спорить по поводу этого вопроса; а скажу вамъ только то, что я понимаю, почему осуждено ваше сочиненіе. Вы слишкомъ откровенны. Такъ, на примѣръ, описавъ весьма точно и чрезвычайно занимательно Вареломеевскую ночь, вы прибавляете, что папа, узнавъ о рѣзнѣ протестантовъ, повелѣлъ торжественно пропѣть „Тебе Бога хвалимъ“ въ церкви Святаго Петра въ Римѣ. Странно читать о подобномъ фактѣ въ сочиненіи духовнаго лица“.—„Развѣ фактъ этотъ не вѣренъ, г. графъ?“—„Да, конечно, онъ вѣренъ“.—„Въ такомъ случаѣ лучше, если его констатируетъ духовное лицо, нежели пройти его молчаніемъ. Если бы я ничего не сказалъ объ этомъ, то могли бы заключить, что я хотѣлъ скрыть его, и что мое сочиненіе не было исторіей, но апологіей духовенства. Если папы и духовенство дѣлали ошибки, то лучше самостоятельно указывать на нихъ, нежели дать возможность врагамъ церкви пользоваться ими, и подать поводъ думать, будто церковь отвѣтственна за ошибки нѣкоторыхъ изъ своихъ пастырей. Вотъ почему я желалъ быть откровеннымъ въ своемъ сочиненіи. Въ своей откровенности я не перешелъ границъ. Я могъ бы написать ужасныя вещи о нравахъ духовенства и монаховъ среднихъ вѣковъ, но я ограничился только нѣсколькими общими соображеніями, и мое

сочиненіе, не смотря на откровенность, можетъ читаться всѣми и не вызывать соблазна.—„Безъ сомнѣнія, аббать, сочиненіе ваше чрезвычайно нравственно и глубоко религіозно, но я все-таки держусь того мнѣнія, что Институтъ не можетъ дать вамъ награды Гобера. Но онъ можетъ дать вамъ лестный отзывъ о замѣчательномъ сочиненіи, которое вы написали.—„Я долженъ вамъ замѣтить, графъ, что Институтъ не можетъ дать мнѣ подобнаго отзыва, не компрометируя себя такъ же какъ и наградой Гобера передъ Конгрегаціей Индекса. Что касается меня, то я положительно отказываюсь отъ всего того, что Институтъ могъ бы мнѣ дать, помимо заслуженной, какъ вы говорите, мною награды. Я долженъ получить или эту награду или ничего.—Я составлю свой отзывъ, г. аббать, а Институтъ объявить свое рѣшеніе“.

Сальванди составилъ рапортъ, и хотя высказался противъ награды Гобера, но желалъ, чтобы Институтъ далъ мнѣ хотя похвальный отзывъ. Мои друзья, Гарсенъ де Тасси и Викторъ Леклеркъ, высказались противъ его рапорта и заявляли, что я долженъ получить или награду или ничего, потому что, присуждая мнѣ что либо другое, меня поставили бы ниже моихъ конкурентовъ; а это было бы незаслуженнымъ оскорбленіемъ, противъ котораго я, конечно, долженъ былъ бы протестовать.

На основаніи всѣхъ этихъ соображеній Институтъ не присудилъ мнѣ ничего. Это меня нисколько не удивило. Въ рядахъ Института было много писателей—противниковъ религіи, заслуживавшихъ болѣе меня осужденія Индекса; они дѣйствовали за одно съ ультрамонтантами и политиками, и священная конгрегація Института сдѣлалась помощницею священной конгрегаціи Индекса. Она одобрила странную историческую теорію Сальванди, плохого историка и плохого писателя, но который былъ великимъ лицомъ, потому что его сдѣлали министромъ народнаго просвѣщенія и членомъ института.

Эта почтенная и священная конгрегація Института Франціи должна была бы по крайней мѣрѣ возвратить мнѣ мои шестьдесятъ томовъ, которые я ей представилъ, сообразно съ ея правилами. Она оставила ихъ у себя, и я не знаю ничего объ ихъ участи.

Кто бы могъ подумать, что вліяніе іезуитовъ будетъ ощутительно даже подъ куполомъ Института?

Но это вліяніе оказало свое дѣйствіе на меня даже и въ Судебной Палатѣ.

Мой почтенный другъ Марціаль Паренъ дю Шателе умеръ. По вскрытіи его завѣщанія оказалось, что онъ завѣщалъ мнѣ 5000 франковъ. Духовное завѣщаніе, оспариваемое его зятьями, было признано Судомъ дѣйствительнымъ и законнымъ; Судъ призналъ даже имѣніе, завѣщанное старому священнику, духовнику Парена дю Шателе, не смотря на то, что законъ считаетъ не дѣйствительными имѣнія завѣщанныя духовникамъ.

Одни только 5000 франковъ, завѣщанные мнѣ, были не признаны Судомъ, подъ предлогомъ, будто бы они, подъ моимъ именемъ, были завѣщаны какому то обществу.

Я спросилъ, какое было это общество, но мнѣ на это не отвѣтили, да въ дѣйствительности и не могли даже отвѣтить; потому что я никогда не принадлежалъ ни къ какому обществу дозволенному или не дозволенному. Я заявилъ, что они должны представить доказательства того, что утверждали: я прибавилъ, что никто не можетъ оспаривать моихъ правъ, и доказалъ самымъ очевиднымъ образомъ, что я не принадлежалъ ни къ какому обществу.

Не входя въ разсмотрѣніе вопроса, Судъ не призналъ завѣщанныхъ мнѣ денегъ.

Относительно меня судъ преобразился въ священную конгрегацию Палаты-Правосудія или вѣрнѣе *неправосудія*. Какъ только дѣло касалось того, чтобы вредить мнѣ въ институтѣ ли, или въ такъ называемой Палатѣ Правосудія, то всякія средства считались хорошими.

Не менѣе достовѣрно и то, что наслѣдники моего друга Парена-дю-Шателе, а также и судьи, которые такъ любезно наградили ихъ 5000 франковъ, не принадлежавшихъ имъ, взаимно отвѣтственны передо мной въ этой суммѣ съ процентами.

Такъ какъ я былъ увѣренъ въ томъ, что они никогда не возвратятъ мнѣ этого долга, то и не считаю жертвой съ своей стороны то, что я всѣ свои права на эти деньги перевелъ на бѣдныхъ.

Я опять увидѣлъ Палату *неправосудія*, по поводу одной не-особенно вѣжливой записки, которую получилъ отъ императорскаго прокурора. Я былъ чрезвычайно удивленъ тѣмъ, что меня потребовали въ квартиру такого господина, котораго я совсѣмъ не зналъ и которому мнѣ нечего было разъяснять. Когда я вошелъ въ его кабинетъ, то вышеозначенный господинъ отнесся ко мнѣ съ такой грубостью, какъ будто бы я былъ преступникъ. Я посмотрѣлъ на него съ презрѣніемъ, и, не отвѣчая ничего, направился къ двери. Тогда онъ всталъ и сказалъ мнѣ: „останьтесь, мнѣ нужно говорить съ вами“. М. г., я никогда не отвѣчаю грубымъ людямъ; если вамъ нужно что нибудь спросить меня, то вѣжливо напишите мнѣ и я отвѣчу вамъ“. Вышеупомянутый господинъ сразу смягчился. „Войдите м. г., я васъ прошу объ этомъ“, и онъ придвинулъ мнѣ кресло. Тогда я согласился сѣсть и слушать его. Преступленіе мое заключалось въ томъ, что я къ своему имени присоединялъ названіе *аббата*. Это было дѣло Дарбоа, который сдѣлался Парижскимъ архіепископомъ, и донесъ на меня по этому поводу императорскому прокурору. „Я не знаю, м. г., имѣете ли вы право на этотъ санъ, но парижскій архіепископъ говоритъ, что вы не имѣете на это права, и я долженъ былъ потребовать васъ къ себѣ по этому поводу“. Я отвѣчалъ: „м. г., на этотъ санъ я имѣю такое же право, какъ и мой бывшій другъ Дарбоа, который прибѣгаетъ въ настоящее время ко всѣмъ средствамъ, даже самымъ низкимъ, для удовлетворенія своей ненависти. Я не нуждаюсь въ этомъ санѣ и уже думалъ о томъ, чтобы избавиться отъ него; но въ виду того, что Дарбоа воображаетъ, будто я не имѣю на него права, я сохраню его настолько долго, насколько это мнѣ покажется нужнымъ. Я священникъ незапрещенный (*integrī status*), и никогда никто не можетъ доказать того, что я лишился хотя бы одного изъ своихъ священническихъ правъ. Итакъ я буду продолжать присоединять, какъ это принято, названіе аббата къ своему имени“.

Прокуроръ сдѣлалъ мнѣ нѣсколько вопросовъ, по поводу моихъ отношеній съ архіепископскимъ дворомъ. Я рассказалъ ему все подробно, и это, очевидно, интересовало его. Послѣ довольно продолжительнаго разговора, во время котораго им-

ператорскій прокуроръ былъ любезенъ со мною, мы разстались добрыми друзьями, и онъ соблагОВОЛИЛЪ пожать мнѣ руку.

Этотъ небольшой фактъ можетъ служить доказательствомъ до какой степени Дарбоа былъ взбѣшенъ на меня. Я не боялся его и ограничивался презрѣніемъ къ нему. Онъ прекрасно зналъ, что я никогда не былъ запрещенъ и что на основаніи этого я всегда пользовался всѣми своими священническими правами; но онъ и его приближенные тайно называли меня *запрещеннымъ священникомъ*, чтобы этимъ вредить мнѣ, и распространять обо мнѣ это ложное мнѣніе. Я зналъ это и остерегался, твердо рѣшившись преслѣдовать судомъ тѣхъ, въ отношеніи къ которымъ могъ имѣть юридическія доказательства.

Случай представился скоро. Одинъ изъ моихъ друзей г. Фужеръ (Faugère), принадлежавшій къ числу высшихъ должностныхъ лицъ министерства иностранныхъ дѣлъ, напечаталъ брошюру подъ названіемъ: *Римъ и Французскіе епископы* (Rome et les évêques de France). Уже всѣ привыкли возлагать на меня всѣ грѣхи Израиля, потому что я, дѣйствительно, совершилъ ихъ достаточное число, печатая брошюры, которыя всѣмъ не нравились ультрамонтантской сектѣ. Итакъ брошюру Фужера приписали мнѣ. Для того, чтобы повредить брошюрѣ, и тому, кого называли ея авторомъ, въ одной изъ тѣхъ корреспонденцій, которыя печатались въ провинціальныхъ и иностранныхъ журналахъ, было заявлено, что вышеозначенная брошюра не имѣла никакого значенія, потому что авторомъ ея былъ г. Гетте *запрещенный священникъ*. Такимъ образомъ я имѣлъ въ рукахъ доказательство клеветы, тайно распространяемой всѣми іезуитскими средствами и способами. Нѣсколько ультрамонтантскихъ журналовъ перепечатали эту парижскую корреспонденцію. Узнавъ о томъ, что я желалъ начать противъ нихъ судебное преслѣдованіе, они поспѣшили взвалить эту клевету на вышеуказанную корреспонденцію, въ чемъ признали себя виновными и просили извиненія. Я охотно согласился на ихъ просьбу, но я преслѣдовалъ судомъ автора корреспонденціи и жур. *France centrale*, который не былъ уже издаваемъ г. де-Бело, и который позорилъ меня по внушенію епископскаго двора. Редакторъ этого журнала и Блоасскій епи-

скопскій дворъ прекрасно, между тѣмъ, знали то, что я никогда не былъ *запрещенъ* и никогда не заслуживалъ быть имъ, слѣдовательно, они позорили меня съ особенною не добросовѣстностью.

Названіе *запрещеннаго священника* означаетъ въ римской церкви священника, лишеннаго своего священства за преступленія и за важныя погрѣшности при отправленіи священническаго долга. Поэтому то я не могъ оставить безъ вниманія подобное оскорбленіе, и вызвалъ въ судъ автора корреспонденціи, который призналъ себя отвѣтственнымъ въ ней, и жур. *France centrale*, который напечаталъ клевету этой корреспонденціи.

Признаюсь откровенно—я имѣлъ мало надежды на хорошій исходъ дѣла. Судебная палата доказала мнѣ, что относительно меня она была палатой *неправосудія* и что я не долженъ рассчитывать на ея безпристрастіе. По счастью, первый предсѣдатель г. Венедиктъ Шампи (Benoit Champy) заинтересовался моимъ дѣломъ и назначилъ его въ первое отдѣленіе гражданскаго суда, гдѣ онъ былъ предсѣдателемъ. Онъ зналъ Ламенне и ему было извѣстно, сколько выстрадалъ этотъ великій писатель отъ своихъ противниковъ, не смотря на то, что онъ стоилъ гораздо больше ихъ самихъ. Шампи навелъ обо мнѣ и о моихъ сочиненіяхъ самыя точныя справки. Его сынъ говорилъ моему адвокату Эмилю Жею: „Г. аббатъ Гетте и не подозрѣваетъ, какія серіозныя справки наводитъ мой отецъ о немъ и о его сочиненіяхъ. Онъ придаетъ большое значеніе его дѣлу“.

Жур. *France centrale* былъ защищаемъ г. Андралемъ, внукомъ Руае-Коллара (Royer-Collard). Я зналъ его еще ребенкомъ въ замкѣ Ферте-Богарне (Fertè-Beauharnais). Будучи священникомъ въ Сентъ-Эньянь, я былъ нѣсколько разъ у г. Руае-Коллара, который былъ удивленъ тѣмъ, что двадцатипятилѣтній священникъ такъ хорошо зналъ философскіе вопросы. Онъ находилъ удовольствіе разговаривать со мною. Когда я уходилъ отъ Руае-Коллара, то игралъ одну партію на билліардѣ съ его внукомъ, и я почти всегда выигрывалъ. Я потерялъ изъ виду г. Андрала, и встрѣтилъ его только въ судѣ, гдѣ онъ адво-

катствовалъ противъ меня, чтобы защитить своего кліента. Онъ признался, что я никогда не былъ *запрещенъ*, но судя по моей манерѣ держать себя, можно было подумать, что я дѣйствительно *запрещенъ*; потому что меня вездѣ встрѣчали одѣтымъ эцентрическимъ образомъ, съ большой сигарой во рту.

Въ дѣйствительности же я одѣвался всегда во все черное, и такъ сильно походилъ на священника, что дѣти часто говорили мнѣ, встрѣчаясь со мной: „Здравствуйте, священникъ“. Что же касается до знаменитой сигары, то могу положительно утверждать, что она никогда не только не касалась моихъ устъ, но что я никогда не выкурилъ ни одной маленькой папиросы. Доказательство г. Андраля было только шуткой, и мой адвокатъ такъ сильно смѣялся надъ ней, что Андралю сдѣлалось стыдно.

Чтобы яснымъ образомъ доказать Суду, что я никогда не былъ *запрещенъ*, я написалъ аббату Буке, первому главному викарію архіепископскаго двора, и просилъ его засвидѣтельствовать, что я никогда не подвергался никакому осужденію и никогда не былъ *запрещенъ*.

Буке всегда относился ко мнѣ съ большимъ участіемъ. Онъ порицалъ слабость архіепископа Сибура, который измѣнилъ мнѣ, и старался дать понять Морло, что онъ долженъ исправить несправедливость, которой я сталъ жертвой. Изъ-за меня его держали въ подозрѣніи, во время управленія Сибура. Этимъ объясняется маленькая приписка одного изъ писемъ Лёкё, приведенная мною раньше. Но Дарбоа имѣлъ слишкомъ большое вліяніе при Сибурѣ и Морло, а потому я не могъ добиться справедливости. Этотъ маленькій человѣчекъ, угрюмый и злой, воспылалъ ко мнѣ ненавистью и доказывалъ мнѣ ее всѣми способами, которые имѣлъ въ своемъ распоряженіи. Если онъ и не сдѣлалъ большаго зла, то это потому, что не могъ сдѣлать его. Почему я не повергался къ его ногамъ? Зачѣмъ я нѣсколько разъ поставлялъ его на подобающее мѣсто? Съ моей стороны, это было такое преступленіе, которое я долженъ былъ искупить.

Г. Буке отвѣтилъ мнѣ весьма вѣжливо, что я никогда не былъ ни осужденъ, ни *запрещенъ* въ епархіи Парижа. Я пе-

редалъ его письмо своему адвокату. Г. Андраль просилъ его сообщить ему это письмо, и *потерялъ его* (sic). Я принужденъ былъ опять обратиться къ г. Буке и онъ прислалъ мнѣ копію своего перваго письма.

Мой адвокатъ Эмиль Жей имѣлъ въ рукахъ епископскія письма, какъ напримѣръ, епископа Кёра. Онъ далъ ихъ прочесть въ Судѣ, я также составилъ для него замѣтки, взятыя изъ сочиненій ученѣйшихъ канонистовъ. Его защита привлекла въ Палату массу адвокатовъ, интересовавшихся этимъ вопросомъ, столь новымъ для нихъ.

Г. Андраль былъ адвокатомъ только тридцать шестой пробы, хотя въ президенство Макъ-Магона г. де-Брольи бомбардировалъ его въ вице-президенты государственнаго совѣта. Онъ былъ слишкомъ смущенъ и не могъ отвѣчать моему адвокату. Онъ заявилъ, что такъ какъ его кліентъ не настолько ученъ, какъ кліентъ его собрата, то поэтому онъ и не можетъ представить научныхъ доказательствъ, а потому ограничится тѣмъ, что представить въ видѣ обстоятельствъ уменьшающихъ вину то, что жур. *France centrale* не имѣлъ дурныхъ намѣреній позорить меня.

Судъ не былъ соблазненъ этими *красноречивыми* соображеніями, и осудилъ моихъ противниковъ, какъ *недобросовѣстныхъ клеветниковъ*. Я не требовалъ наказанія и вознагражденія. Мои противники должны были только напечатать рѣшеніе Суда и помѣстить его въ нѣсколькихъ журналахъ. На это рѣшеніе они апеллировали, но Палата утвердила рѣшеніе Суда.

Таковъ былъ первый случай, когда я добился правосудія.

---

## XII.

Какъ я познакомился съ о. протоіереемъ Іосифомъ Васильевымъ.—Посредникомъ между нами былъ г. Сергѣй Сушковъ.—Обманутый іезуитами г. С. Сушковъ обращается къ о. Васильеву, который знакомитъ его съ жур. *Observateur catholique*.—Г. Сушковъ дѣлаетъ мнѣ визитъ и предлагаетъ мнѣ видѣться съ о. Васильевымъ.—Я дѣлаю визитъ о. протоіерею.—Нашъ богословскій разговоръ.—Наши свиданія становятся болѣе частыми.—Основаніе жур. *Union chretienne*.—Пресвященный Леонтій прѣзжаетъ въ Парижъ для освященія новаго русскаго православнаго храма.—Мои сношенія съ нимъ.—Я признанъ священникомъ Русской Православной Церкви.—Я издаю книгу: *Схизматическое папство* съ цѣлю доказать, что вступая въ Православную Церковь, и остался вѣренъ великимъ католическо-православнымъ принципамъ и оставляю только папскій расколъ.—Мое сочиненіе запрещено Индексомъ.—Любопытное совпаденіе.—Одобрительное письмо отъ Патріарха Константинопольскаго приходитъ ко мнѣ въ одинъ и тотъ же день, когда я узнаю о римскомъ запрещеніи.—Я вступаю въ борьбу съ противниками православія.—Вопросъ о духовной власти Императора Всероссійскаго.—Письма къ еписколу Наптскому о. Васильева.—Диссертация аббата Гиллоа.—Онъ прекращаетъ борьбу.—Опроверженія лже-русскихъ Гагарина и Галицина.—Низкіе памфлеты Николая Галицина.—Онъ бѣжитъ изъ Парижа изъ боязни, что я могу арестовать его.—Стрѣла Парелнская; она не достигаетъ меня.—Отецъ Гондани.—Опроверженіе его сочиненій.—Онъ старается запретить жур. *Union chretienne*.—Мои принципы соединенія Церквей.—Мои принципы противопоставляютъ смѣшныя преслѣдованія.—Они одерживаютъ побѣду.

Я продолжалъ преслѣдовать папскую систему и этимъ путемъ достигъ православія. Между тѣмъ я еще не читалъ ни одного православнаго сочиненія; но я съ большимъ вниманіемъ читалъ сочиненія ультрамонтанъ и провѣрялъ ихъ сочиненія съ текстами св. отцовъ и соборовъ, на которые они ссылались для доказательства своей системы. Такимъ образомъ, я былъ знакомъ со всѣми преданіями, на которыхъ основывался пресловутый вопросъ о папствѣ; и удостовѣрился въ томъ, что всѣ тексты цитируемые въ пользу папской власти ложны, искажены и извращены въ ихъ истинномъ смыслѣ, что съ помощью этихъ искаженій были составлены ложныя преданія, совершенно отличныя отъ истинныхъ. Жур. *Observateur catholique* сталъ настоящимъ православнымъ изданіемъ. Въ немъ, въ частности, я печаталъ спеціальныя труды о папствѣ, чтобы доказать, что папское учрежденіе возникло только съ девятаго вѣка, и не имѣетъ никакого божественнаго основанія; что папа сталъ первымъ патріархомъ Церкви по опредѣленію первыхъ вселенскихъ соборовъ.

Когда я напечаталъ этотъ трудъ, то меня посѣтилъ одинъ русскій, г. Сергѣй Сушковъ. Во время своего пребыванія въ Парижѣ, г. Сушковъ имѣлъ сношенія съ нѣкоторыми изъ своихъ соотечественниковъ, которые оставили православіе и старались привлечь его на свою сторону. Чтобы отвѣчать на ихъ нападки на православную Церковь, г. Сушковъ обратился къ о. протоіерею Іосифу Васильеву, въ то время настоятелю русской Церкви, этотъ послѣдній былъ подписчикомъ жур. *Observateur catholique*. Онъ показалъ г. Сушкову трудъ, изданный мною противъ папства, говоря, что г. Сушковъ найдетъ здѣсь отвѣты на всѣ возраженія лже-русскихъ. Г. Сушковъ, прочтя мой трудъ, остался такъ имъ доволенъ, что пожелалъ лично познакомиться со мною. Онъ пришелъ ко мнѣ, и я въ первый разъ видѣлъ русскаго. Я съ удовольствіемъ принялъ его, и онъ предложилъ мнѣ сдѣлать визитъ о. протоіерею Васильеву, взявшись быть нашимъ посредникомъ. Я согласился и отправился вмѣстѣ съ нимъ къ о. протоіерею. У насъ тотчасъ же возникли правильныя и интимныя сношенія. Само собой разумѣется, что наши разговоры были сосредоточены на богословскихъ вопросахъ.

Послѣ нѣсколькихъ разговоровъ, о. Васильевъ сказалъ мнѣ: „Если-бы вы изучали богословіе въ Московской Духовной Академіи, то не могли бы стать бѣльшимъ православнымъ, чѣмъ какимъ вы теперь“. Въ сущности я всегда былъ православнымъ, исключая ученія о мнимой папской власти, которое было внушено мнѣ, какъ догматъ вѣры, и которое я принялъ, какъ принимаютъ догматы той церкви, къ которой принадлежать отъ рожденія. Это заблужденіе неизбѣжнымъ образомъ привело меня къ другимъ заблужденіямъ, которыя были слѣдствіемъ его, но какъ только ультрамонтскія крайности, которыхъ я сталъ жертвою, побудили меня къ глубокому изслѣдованію всей папской системы, то эта система и вытекающія изъ нея несомнѣнныя заблужденія рушились, какъ стѣны Іерихона отъ трубныхъ звуковъ Іисуса Навина.

Относительно всѣхъ другихъ вопросовъ, ученіе великихъ западныхъ богослововъ было православное, и я былъ православнымъ вмѣстѣ съ ними. Поэтому то и о. Васильевъ нашелъ меня настолько православнымъ, какъ будто бы я учился въ Московской духовной академіи

Въ моихъ разговорахъ съ о. Васильевымъ былъ возбужденъ вопросъ объ изданіи „Православнаго Обозрѣнія“, къ которому могъ бы присоединиться и мой журналъ *Observateur catholique*, и такимъ образомъ, могъ бы расширить кругъ своей дѣятельности. Въ предполагаемомъ новомъ изданіи мы не должны были ограничиваться однимъ лишь опроверженіемъ западныхъ заблужденій, но хотѣли точно изобразить Восточную католическую православную Церковь и противопоставить ея апостольское ученіе заблужденіямъ папства и его приверженцевъ. Эта идея была принята: такимъ то образомъ возникъ журналъ *Union Chrétienne*, первый православный журналъ, появившійся на Западѣ. Когда вышла первая книжка журнала (numéro-programme), то она вызвала большое сочувствіе. Она заинтересовала преимущественно англиканъ, но возбудила противъ меня ярость папистовъ.

Журналъ *Union Chrétienne* сталъ выходить, когда преосвященный Леонтій, викарный епископъ высокопреосвященнаго Исидора, митрополита Новгородскаго и Петербургскаго, пріѣхалъ въ Парижъ для освященія русско-православнаго храма, выстроеннаго о. протоіереемъ Васильевымъ.

Я присутствовалъ на освященіи и на обѣдѣ послѣ освященія. Меня посадили возлѣ преосвященнаго Леонтія, который былъ чрезвычайно привѣтливъ со мною. Изъ нашего разговора обнаружилось, что хотя я и не принадлежалъ къ православной Церкви, но былъ православнымъ писателемъ, и не принадлежалъ уже къ католической Церкви, которая осуждала меня, и которую я осуждалъ въ свою очередь. „Мое искреннее желаніе, сказалъ я преосвященному, заключается въ томъ, чтобы принадлежать къ Русской Православной Церкви, но я не знаю русскаго языка, и вслѣдствіе этого не могу быть ей полезенъ“.

Преосвященный отвѣтилъ мнѣ, что, живя въ Парижѣ и продолжая работать въ пользу православія, я буду чрезвычайно полезенъ для Церкви. Было условлено, что я вручу ему прошеніе въ Святѣйшій Правительствующій Синодъ, прося этотъ уважаемый соборъ принять меня въ число священниковъ православной русской Церкви. Преосвященный Леонтій передалъ это прошеніе въ Синодъ и, спустя нѣкоторое время, я получилъ

указъ, по которому я былъ принятъ въ русскую Церковь, и получилъ дозволеніе совершать всѣ священническія требы среди православныхъ.

Такимъ то образомъ я вступилъ въ святую и досточтимую Православную Русскую Церковь.

Мои противники и преимущественно Паллю, епископъ Бласскій, льстили себя надеждой, что я сдѣлаюсь протестантомъ и радовались этому. Съ ихъ точки зрѣнія, вступая въ протестантство, я этимъ отрекся бы отъ вѣры, хотя среди протестантовъ встрѣчаются лучшіе христіане, чѣмъ они сами.

Я не имѣлъ никакого расположенія къ протестантству. Его основные принципы не удовлетворяли меня. Всѣ мои научныя изысканія, приводя меня къ православію, утверждали меня въ истинныхъ принципахъ *каволическихъ*, и я нашелъ эти принципы, во всей ихъ чистотѣ, въ православной Церкви. Я всегда считалъ себя исключительно *каволикомъ* въ нѣдрахъ папства. Но мои научныя занятія доказали мнѣ, что я ошибался, и что папство, вмѣсто того, чтобы быть *каволическимъ* въ подлинномъ смыслѣ этого слова, создало расколъ въ Церкви Іисуса Христа. Итакъ я долженъ былъ сдѣлаться православнымъ, чтобы достигнуть истиннаго *каволичества*.

Во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ я никогда не уклонялся отъ этого ученія, и во имя *истиннаго каволическаго принципа*, я нападалъ на ту церковь, которая, не будучи *каволической*, однакоже незаконно усвоила себѣ названіе католической.

Мои враги были смущены, узнавши, что я избралъ этотъ путь. Они начали кричать, что я сдѣлался *схизматикомъ*, вступивъ въ *Церковь схизматическую*. Я отвѣтилъ имъ сочиненіемъ, подъ названіемъ: *Схизматическое папство*. Сочиненіе это привело въ ярость моихъ враговъ. Я получилъ массу анонимныхъ писемъ, въ которыхъ меня оскорбляли самымъ нелѣпнымъ образомъ. Вмѣсто того, чтобы отвѣчать мнѣ, меня называли *ужаснымъ схизматикомъ* и говорили мнѣ, что моя рука должна была бы дрожать при написаніи даже одного заглавія столь страшнаго сочиненія.

Моя рука не дрожала нисколько, потому что въ душѣ и по совѣсти я былъ глубоко убѣжденъ въ томъ, что *самый ужасный схизматикъ* есть папа

Меня могли оскорблять,—но не опровергать.

Мой превосходный другъ Мартинъ де-Нуарлье прекрасно понялъ причину моего вступленія въ Православную Церковь. Проѣзжая Баварію, во время поѣздки къ своему королю, графу Шамбору, для засвидѣтельствованія ему почтенія, Мартинъ де-Нуарлье посѣтилъ одного великаго нѣмецкаго богослова, и спросилъ его мнѣніе о соч. *Схизматическое папство*. Онъ отвѣчалъ ему: „это такое сочиненіе, которое невозможно опровергнуть“.

Однажды Мартинъ де-Нуарлье отправился въ русскую Церковь въ Парижѣ. Осмотрѣвши ее со всѣми подробностями, онъ повергся на ступеняхъ алтаря противъ Царскихъ Вратъ и произнесъ въ полголоса: „Благодарю Тебя Господи за то, что Ты удостоилъ меня увидѣть Церковь Твою такою, какою она была въ древнія времена“. Затѣмъ добрый священникъ этотъ удалился, представивши новыя доказательства своего уваженія и благоговѣнія.

Римская Курія, которая не могла опровергнуть меня, была достаточно талантлива, чтобы осудить меня и зачислить мою книгу въ каталогъ Индекса. Въмѣсто всякой полемики съ свящ. Конгрегаціей Индекса, я поблагодарилъ ее за честь, которой она удостоила меня. Въ тотъ самый день, когда я узналъ изъ журналовъ о зачисленіи въ Индексъ моего сочиненія, я получилъ чрезвычайно похвальное письмо отъ его святѣйшества вселенскаго Константинопольскаго патріарха. Этотъ досточтимый епископъ считается первымъ патріархомъ Церкви, съ тѣхъ поръ, какъ римскій епископъ, своимъ расколомъ и ересью, потерялъ права, дарованныя ему первыми вселенскими соборами.

Если бы я нуждался въ утѣшеніи по поводу осужденія Индексомъ, то былъ бы утѣшенъ даже съ избыткомъ, похвалами перваго епископа Церкви. Можно замѣтить, что я вступалъ въ православную Церковь при счастливыхъ обстоятельствахъ.

Изъ числа русскихъ православныхъ епископовъ, поздравившихъ меня со вступленіемъ въ ихъ досточтимую Церковь, я долженъ упомянуть о его высокопреосвященствѣ митрополитѣ Исидорѣ, который писалъ мнѣ какъ къ брату, и о его высокопреосвященствѣ митрополитѣ Филаретѣ московскомъ. По

иниціативѣ именно этого святого и ученаго епископа, Московская Духовная Академія предложила Святѣйшему Правительствующему Синоду наградить меня степенью доктора за сочиненіе *Схизматическое папство*, равно какъ и за другія православныя сочиненія, изданныя мною.

Я тѣмъ болѣе былъ польщенъ этой честью, что никогда не ходатайствовалъ о ней, и она была дарована мнѣ по иниціативѣ ученаго епископа, чтимаго во всей русской Церкви. Я съ почтеніемъ взглянулъ, въ присланномъ мнѣ дипломѣ, на подпись знаменитаго митрополита и на слѣдовавшія за нею подписи докторовъ Горскаго и Терновскаго, и другихъ профессоровъ ученой Академіи. Такой дипломъ вполне вознаграждалъ меня за оскорбительныя преслѣдованія папскихъ писакъ, которые, несмотря на все ихъ желаніе обвинить меня, никогда не могли найти во всѣхъ моихъ многочисленныхъ сочиненіяхъ ни одного дѣйствительнаго заблужденія. Они могли упрекнуть меня только въ одномъ: я не преклонилъ головы передъ безстыдными ученіями ультрамонтанъ. Признаюсь, они имѣли основаніе упрекать меня въ этомъ, но я горжусь этимъ и считаю себя счастливымъ, что еще до вступленія въ досточтимую православную Церковь, я могъ такъ ясно открыть истину въ отношеніи ко многимъ вопросамъ, которые были извращены папствомъ.

Главными сотрудниками изъ православныхъ въ жур. *Union chretienne* были о. протоіерей Васильевъ и г. Сушковъ.

Но едва только журналъ сталъ появляться, какъ онъ встрѣтилъ на своемъ пути секту лже-русскихъ, которые изъ православія перешли въ папизмъ. Бывшій князь Гагаринъ былъ во главѣ ихъ. Этотъ іезуитъ, а также другой іезуитъ—Балабинъ, не отличались большими способностями, но за нихъ работалъ третій іезуитъ—Мартыновъ. Рядомъ съ іезуитами работалъ плохой писатель, который, благодаря своему имени, открылъ себѣ доступъ въ нѣсколько журналовъ,—это былъ князь Августинъ Галицинъ. Я выдерживалъ борьбу съ ними безъ особеннаго труда. Мои *Письма къ опигу Гагарину* показали имъ, что безразсудно было преслѣдовать меня, и они пришли къ заключенію, что пора оставить борьбу и замкнуться въ ихъ обык-

новенную систему скрытой клеветы, распространяемой ихъ приверженцами. Въ числѣ этихъ приверженцевъ былъ князь Николай Галицинъ, который въ Россіи выдавалъ себя за православнаго, а на западѣ называлъ себя *Grec-uni*, но который въ сущности былъ сообщникомъ іезуитовъ. Этотъ господинъ не былъ знакомъ со мною; онъ, вѣроятно, никогда не видѣлъ меня. Русско-іезуитская секта избрала его своей говорильной трубой. На него взвалили гнусные памфлеты, главною цѣлію которыхъ было безчестіе и оскорбленіе меня. Эти памфлеты появились въ видѣ тайной литературы, безъ имени издателя. Августинъ Галицинъ писалъ въ то время въ одномъ Анжерскомъ журналѣ, наз. *Union de l'Ouest*. Я добылъ нѣсколько номеровъ этого журнала, и этимъ приобрѣлъ доказательство, что памфлетъ былъ напечатанъ такимъ же шрифтомъ, какъ и журналъ.

Хотя я велъ борьбу съ Августинѣмъ Галицинымъ, но наши письменныя сношенія оставались въ границахъ вѣжливости. Итакъ я написалъ ему, что, вѣроятно, ему извѣстны позорные памфлеты, изданные его родственникомъ и другомъ Николаемъ Галицинымъ, тѣмъ болѣе, что они были напечатаны такимъ же шрифтомъ, какъ и жур. *Union de l'Ouest*, и что были отправлены на почту Версальской желѣзной дороги, гдѣ онъ тогда жилъ. Я просилъ его сказать мнѣ, дѣйствительно ли онъ принималъ участіе въ этихъ низкихъ писаніяхъ.

А. Галицинъ началъ увертываться, торжественно заявляя, что онъ отвѣчаетъ за то, что издаетъ, хотя это было не совсемъ вѣрно. Несмотря на высокомерный тонъ князя, я положительно зналъ, что онъ принималъ участіе въ другихъ памфлетахъ Николая Галицина. Такъ какъ этотъ господинъ появлялся только временно въ Парижѣ, то секта думала, что ему всегда будетъ легко бѣжать за границу, въ случаѣ если бы я началъ преслѣдовать его судомъ за клевету. И потому Августинъ Галицинъ могъ безнаказанно брать на себя отвѣтственность за всѣ гадости его сораскольниковъ. Вотъ причина—того, что онѣ были взвалены на него.

Послѣ тайнаго изданія вышеупомянутыхъ памфлетовъ, Николай Галицинъ исчезъ. Когда онъ нашелъ возможнымъ вернуться безопасно въ Парижъ, то приѣхалъ и помѣстился въ

маленькомъ отелѣ на улицѣ Сентъ-Оноре, вблизи протестантскаго храма Ораторіи. Я былъ тотчасъ же увѣдомленъ объ этомъ. Я не имѣлъ никакого желанія преслѣдовать судомъ моего клеветника, и смотрѣлъ на его возвращеніе въ Парижъ, какъ на случай, дающій мнѣ возможность убѣдиться въ участіи Ав. Галицина въ низкихъ памфлетахъ, издаваемыхъ его двоюроднымъ братомъ. Итакъ я написалъ ему, что, узнавъ о пріѣздѣ друга и родственника Николая Галицина, я надѣялся, что онъ представитъ мнѣ доказательства своей непричастности въ его низостяхъ, передавъ мнѣ его адресъ, который ему былъ, вѣроятно, извѣстенъ,—чтобы я могъ обратиться къ нему непосредственно. Спустя два дня, послѣ отправленія моего письма въ Версаль, гдѣ жилъ Ав. Галицинъ, я отправился въ маленькій отель, гдѣ скрывался Николай Галицинъ. Хозяинъ отеля отвѣтилъ мнѣ слѣдующее: „Князь уѣхалъ изъ отеля, не потребовавъ своего счета и захвативъ съ собою только часть своего багажа. Куда онъ уѣхалъ? Объ этомъ никто ничего не знаетъ“.

Я узналъ объ этомъ спустя уже нѣсколько дней, когда получилъ маленькую брошюру, переполненную ошибками во французскомъ языкѣ, и во французскомъ правописаніи; въ ней князь обнаружилъ свое прекрасное воспитаніе, осыпая меня самыми грубыми оскорбленіями. Итакъ, я пріобрѣталъ ясное доказательство хорошихъ отношеній, существовавшихъ между этими превосходными князьями—Августиномъ и Николаемъ Галициными. Этого мнѣ было достаточно.

Николай Галицинъ, направляя на меня парѳанскую стрѣлу, промахнулся и не ранилъ меня. Оскорбленія подобныхъ людей дѣлаютъ честь тѣмъ, кто ихъ получаетъ. Я узналъ потомъ, что онъ велѣлъ отправить въ Берлинъ остальной свой багажъ, вѣроятно, заплативъ сначала свой долгъ хозяину отеля. Онъ до того испугался, что возвратился въ Россію, избѣгая моихъ преслѣдованій. Изъ этого стало ясно, что козелъ отпущенія іезуито-лже-русской секты имѣлъ не спокойную совѣсть, и что онъ умышленно совершилъ свой низкій поступокъ. Онъ упрекалъ меня не только въ томъ, что я былъ защитникомъ Верже—убійцы Сибура, но и въ томъ, что я былъ его сообщни-

комъ. Это было низко. Впрочемъ, это въ обычаѣ всѣхъ іезуитовъ.

Въ числѣ враговъ православной Церкви, съ которыми я долженъ былъ бороться, слѣдуетъ упомянуть объ аббатѣ Тиллоа (Tilloy). Я зналъ его лично, и видѣлъ его у аббата Дофина (Dauphin), декана капелановъ св. Женевиевы, къ которымъ принадлежалъ и аббатъ Тиллоа. Аббатъ Тиллоа не былъ силенъ въ умственномъ отношеніи. Не смотря на это, онъ считалъ себя достаточно сильнымъ, чтобы трактовать по вопросу о восточно-каѳолическо-православной Церкви въ отношеніи къ церкви римско-папистской. Онъ избралъ этотъ предметъ диссертациі, которую представилъ въ богословскій факультетъ, для полученія степени доктора. Онъ сдѣлалъ нѣсколько визитовъ о. протоіерею Васильеву, подъ предлогомъ получить разъясненія по нѣкоторымъ вопросамъ. Изъ благодарности, Тиллоа предложилъ ему одинъ экземпляръ своей диссертациі. Васильевъ подарилъ его мнѣ. Достаточно было взглянуть на диссертацию, чтобы увидѣть, что она была переполнена непростительными ошибками. Я тотчасъ же началъ ея опроверженіе. Замѣчанія мои были настолько неоспоримы, что авторъ побѣжалъ къ своему книгопродавцу, и извлекъ изъ продажи выставленные имъ экземпляры. Когда я пришелъ къ книгопродавцу, чтобы купить одинъ экземпляръ, то этотъ добрякъ отвѣтилъ мнѣ съ фальшивой и чисто іезуитской улыбкой, что онъ не знаетъ о чемъ я его спрашиваю. „Но, отвѣчалъ я ему, я имѣю одинъ экземпляръ того труда, о которомъ я васъ спрашиваю, и ваше имя ясно обозначено на обложкѣ и въ заглавіи его“. Книгопродавецъ улыбнулся опять также іезуитски-фальшиво, какъ и въ первый разъ, говоря: „Я не знаю, м. г., что вы хотите сказать; мнѣ не извѣстно то сочиненіе, о которомъ вы спрашиваете“. Это все, чего я могъ добиться. И потому я вывелъ заключеніе, что аббатъ Тиллоа, стыдясь тѣхъ ошибокъ, которыя я обнаружилъ въ его диссертациі, поспѣшилъ взять ее обратно изъ продажи. Я продолжалъ свои рецензіи и доказалъ, что кандидатъ, домогавшійся степени доктора богословія, ровно ничего не зналъ о тѣхъ вопросахъ, о которыхъ взялся разсуждать.

Я присутствовалъ на диспутѣ, когда аббатъ Тиллоа долженъ былъ отвѣчать на вопросы профессоровъ факультета. Я не получилъ приглашенія, но Васильевъ заслужилъ эту честь. Мы были одни въ залѣ. Г. Маре (Maret), председатель, не сказалъ ничего. Г. Фрепшель (Frerrel) доказалъ, что кандидатъ цитировалъ поддѣльные тексты св. Игнатія Антиохійскаго. Аббатъ Барже (Bargès) сдѣлалъ ему нѣсколько возраженій, на которыя онъ не могъ отвѣтить. Бѣдный аббатъ Тиллоа былъ крайне смущенъ, и пробормоталъ нѣсколько словъ, которыя не имѣли даже здраваго смысла. Засѣданіе кончилось, и я не думаю, чтобы могли рѣшиться дать степень доктора этому жалкому неучу. Но факультетъ не пользовался частыми случаями возведенія въ степень доктора. Онъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы доставить себѣ это удовольствіе, и аббатъ Тиллоа былъ объявленъ докторомъ Парижскаго факультета. Бѣдная зала сорбонны, огласившаяся этимъ объявленіемъ! Еслибы старые ученые этой знаменитой школы услышали ее, то должны были бы спрятать головы въ свои горностаи! Я не пропустилъ ни одной страницы изъ диссертациі аббата Тиллоа; но онъ не сказалъ мнѣ ни одного слова, и на мои рецензіи отвѣчалъ мнѣ столько же, какъ и на добродушныя возраженія профессоровъ.

Изъ этого мы вывели заключеніе, что можно весьма легко получить степень доктора въ богословскомъ факультетѣ французскаго университета. Если доктора такъ учены, то что надобно сказать о другихъ? Впрочемъ, сами профессора знали очень мало. Нѣкоторые изъ нихъ, въ числѣ которыхъ былъ аббатъ Лавижери, не имѣли никакого права читать лекціи въ факультетѣ. Они не имѣли необходимыхъ для этого степеней. Ихъ бомбардировали профессорами, такъ-же какъ и сами они бомбардировали докторовъ. Они прекрасно изучили искусство брать на себя роль ученыхъ; но какъ только желали представить доказательства своихъ научныхъ познаній, то тотчасъ же обнаруживали свое невѣжество.

Изъ числа папистовъ, опровергаемыхъ журналомъ *Union chrétienne*, слѣдуетъ отнести почетное мѣсто и о. Тондини (Tondini). Преподобный о. Тондини, барнабитъ, былъ учени-

комъ того бѣднаго графа Шувалова, который совратился въ конгрегацию барнабитовъ, гдѣ онъ былъ такъ несчастливъ.

Тондини выучился немного славянскому и русскому языку въ школѣ графа Шувалова, и воспылалъ высокимъ рвеніемъ обращать русскихъ въ романскій панизмъ. Онъ основалъ общество молящихся объ *обращеніи* Россіи, и издалъ нѣскольکو небольшихъ сочиненій въ доказательство, что русскіе, сдѣлавшись папистами, возвратились бы къ своимъ національнымъ преданіямъ. Тондини пытался основать свое положеніе на текстахъ церковныхъ книгъ православной католической Церкви. Съ его точки зрѣнія, весьма важно было доказать, что ап. Петръ былъ поставленъ главой Церкви Самимъ Иисусомъ Христомъ, и что римскіе епископы суть преемники ап. Петра въ этомъ достоинствѣ. Для доказательства истинности своего положенія, онъ собралъ всѣ тексты, гдѣ говорится объ ап. Петрѣ, и вывелъ изъ нихъ самыя преувеличенныя заключенія. Чтобы отвѣтить ему, мы собрали изъ тѣхъ же церковныхъ книгъ православной Церкви массу текстовъ, въ которыхъ приписывались ап. Павлу, а также и другимъ апостоламъ и даже многимъ святымъ такія же и даже большія названія, какъ и ап. Петру. Очевидно было, что названія, собранныя отцемъ Тондини, не усвоились исключительно ап. Петру, и потому изъ нихъ нельзя было выводить того, что желалъ вывести о. Тондини.

Полемика жур. *Union chretienne* не правилась доброму патеру. Онъ вообразилъ, что если нашъ журналъ будетъ запрещенъ, то одинъ только онъ будетъ имѣть право голоса и будетъ считать себя правымъ. Со времени войны 1870 г., я печаталъ жур. *Union chretienne* въ Брюсселѣ. Милый о. Тондини вообразилъ, что можно будетъ перехватывать нашъ журналъ на границѣ; и что такимъ образомъ онъ будетъ отъ него избавленъ. По словамъ дружественныхъ намъ и достойныхъ довѣрія людей, — добрый отецъ этотъ отправился къ г-жѣ Макъ-Магонъ—женѣ президента Республики въ тѣ времена, и умолялъ ее помочь доброму дѣлу, которымъ онъ такъ сильно интересовался. Нужно думать, что г-жа Макъ-Магонъ была болѣе сильна въ богословіи, нежели ея мужъ. Итакъ отданъ былъ приказъ объ арестованіи журн. *Union chretienne* на Бельгій-

ской границѣ. Я спросилъ въ префектурѣ полиціи, для чего была принята эта мѣра. Мнѣ отвѣтили, что они исполняли только приказъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Тогда я обратился въ это министерство. Директоромъ прессы былъ въ то время г. Лаведанъ (Lavedan), называемый *Figaro графомъ Гранльё (большое мѣсто)*, а нами *графомъ де-Петильё (маленькое мѣсто)*.

Извѣстно, что во время президентства Макъ-Магона, католики, называемые либеральными, были во главѣ правленія. Франція была управляема Брольи и его друзьями. Это было прекрасное управленіе. Г. Лаведанъ—приказчикъ Брольи, ставшій директоромъ прессы, долженъ былъ отвѣчать мнѣ. Чтобы какъ-нибудь отдѣлаться отъ меня, онъ написалъ мнѣ, что мѣра, на которую я жаловался, была принята до его вступленія въ министерство, а онъ только долженъ былъ исполнить ее. Онъ далъ только согласіе на вышеупомянутую мѣру. Это было самое лучшее, что могъ сдѣлать католикъ, называемый либеральнымъ. Я искалъ способа избавиться отъ этого либерализма. Тюкъ, заключавшій нумера журнала, назначеннаго въ Парижъ, былъ отосланъ съ границы обратно въ Брюссель. Я сдѣлалъ распоряженіе, чтобы на экземпляры была наклеена бандероль. И такимъ образомъ ихъ переслали по почтѣ, и всѣ они достигли мѣста своего назначенія. Такимъ-то образомъ были одурачены мною о. Тондини и графъ Лаведанъ Петильё. Вскорѣ царство Брольи и Лаведана прекратило свое существованіе и журн. *Union chretienne* сталъ появляться безпрепятственно.

Журн. *Union chretienne* не легко было запугать;—онъ объявилъ войну преосвящен. Жакеме (Jasquet), епископу Нантскому. Въ одномъ изъ своихъ пастырскихъ посланій къ своимъ епархіальнымъ прихожанамъ, этотъ епискомъ представилъ царя главою православной Церкви въ духовномъ отношеніи. Я предложилъ о. протоіерею Васильеву отвѣчать ему. Его письма епископу Нантскому и архіепископу Ліонскому по тому же вопросу имѣли большой успѣхъ. Августинъ Галицинъ, нападаая на нихъ, старался въ особенности унижить о. Васильева тѣмъ, что старался показать, будто письма были написаны не имъ. Слогъ, по словамъ Галицина, имѣлъ скорѣе запахъ береговъ Дуары, чѣмъ береговъ Невы. Не смотря однакоже на все это,

епископъ Нантскій и архіепископъ Ліонскій были побиты, и и не могли отвѣчать ни одного разумнаго слова.

Вопросъ о мнимой духовной власти царя былъ такъ тщательно разработанъ на столбцахъ журн. *Union chrétienne*, что серіозные люди и даже фанатическіе журналы признали истиннымъ то, что въ немъ было доказываемо. Въ настоящее время одни только невѣжественные фанатики, при своихъ нападкахъ на православную Церковь, рѣшаются утверждать, будто бы царь имѣетъ въ Церкви такое же значеніе, какъ и папа. Утвержденіе это признано теперь настолько нелѣпымъ, что человекъ, хотя немного серіозный, не рѣшится взять на себя отвѣтственность въ немъ. Подобный образъ дѣйствій пригоденъ только Соловьеву, который, въ подтвержденіе этого положенія, цитируетъ ложный текстъ, и, не смотря на приведенныя доказательства ложности этого текста, все же продолжаетъ ссылаться на него.

Нужно предоставить этихъ людей ихъ мономаніи, которая не имѣетъ ничего опаснаго.

Есть сумасшедствіе совершенно безвредное.

Во всѣхъ полемическихъ статьяхъ своихъ журн. *Union chrétienne* держался слѣдующихъ основныхъ началъ:

Единство церквей должно имѣть своимъ основаніемъ единство ученія.

Единство ученія относится только къ ученію откровенному, а не къ мнѣніямъ, которыхъ каждый имѣетъ право держаться, если этимъ не нарушается ученіе откровенное.

Свобода мнѣній такъ же священна, какъ и вѣра въ ученіе откровенное.

Ученіе откровенное есть то, которому училъ насъ Христосъ и Его апостолы, и о которомъ всегда свидѣтельствовали апостольскія Церкви.

Свидѣтельство это вытекаетъ изъ апостольскихъ посланій, принятыхъ съ первыхъ вѣковъ всѣми Церквами; изъ писаній св. Отцовъ Церкви, признанныхъ толкователями ученія, принятого въ ихъ время; изъ постановленій соборовъ, а въ особенности соборовъ вселенскихъ, бывшихъ эхомъ вѣры своей эпохи.

Изъ этихъ основныхъ началъ вытекаетъ слѣдующее:

Истинная Церковь есть та, которая передавала апостольское традиціонное ученіе, не прибавляя къ нему ничего, а равно и не исключая изъ него ничего.

Всякая Церковь, которая уничтожила какое либо ученіе въ первоначальномъ смыслѣ вѣры, или же прибавила къ нему что нибудь новое—есть церковь ложная.

Изъ этого вытекаетъ слѣдующее: восточно православная католическая Церковь—есть Церковь истинная; церковь же римская или протестантская суть церкви ложныя.

Я никогда не уклонялся отъ этихъ началъ.

Эти начала были принимаемы и древними западными церквами. *Критерій* ихъ вѣры былъ тотъ же, котораго держится православная Церковь и въ настоящее время. Пусть прочтутъ знаменитый трактатъ *De Locis theologicis* ученаго епископа Мельхиора Кано (Melchior Cano) и *Введеніе въ богословіе* нашего ученаго современника Макарія, бывшаго митрополита Московскаго, и они увидятъ, что эти два сочиненія настолько сходны, что могутъ показаться списанными одно съ другого. Въ настоящее время римско-папистская церковь перемѣнила свой *критерій* вѣры и создала новые догматы. Мы должны были доказывать это, и оспаривать эти мнимые догматы; мы должны были установить, что, поступая подобнымъ образомъ, церковь эта руководилась дурнымъ обычаемъ, противорѣчившимъ тѣмъ началамъ, которыя она наружно признавала. Отсюда возникла полемика, заставившая меня написать сочиненіе подъ названіемъ: *Еретическое папство (La papauté hérétique)*. Я не имѣлъ надобности прибѣгать къ противникамъ римскаго папизма для доказательства пововведеній папъ; потому что западные ученые и богословы снабдили меня достаточными доказательствами по этому предмету. Я доказалъ, что папство, которое произвело расколъ между Востокомъ и Западомъ, исказило христіанство и замѣнило традиціонное апостольское ученіе, ученіями новыми, противными древнимъ дагматамъ, о которыхъ всегда свидѣтельствовали всѣ Церкви.

Для избѣжанія послѣдствій, которыя вытекали изъ римскихъ нововведеній, нѣкоторые богословы изобрѣли тайное преданіе которое будто бы мало-по-малу стало общеизвѣстнымъ и имѣ-

ло папу своимъ непогрѣшимымъ органомъ. Эти богословы не могли лучше доказать, что ихъ церковь оставила истинный *ка-толическій критерій*. Что такое—тайное преданіе? Это нѣчто такое, что не существуетъ совсѣмъ. Когда римско-папистская церковь сохраняла еще, по крайней мѣрѣ, по наружности *ка-толическій критерій*, то она признавала преданіемъ только свидѣтельство всѣхъ церквей, свидѣтельство всеобщее и непрерывное въ подтвержденіе истинности ученія всѣми *принимаемаго и исповѣдываемаго*. Такъ понимали это дѣло наиболѣе древніе учителя и отцы церкви. Тертуліанъ въ своемъ сочиненіи „О предписаніяхъ“, св. Иринея въ своемъ сочиненіи „О ересяхъ“. Этотъ великій епископъ-богословъ доказывалъ, что ереси должны быть поражаемы свидѣтельствомъ всѣхъ апостольскихъ Церквей въ отношеніи къ истинности откровеннаго ученія. Онъ дѣлаетъ себѣ слѣдующее возраженіе: какимъ образомъ можно удостовѣриться въ истинности этого свидѣтельства? Онъ утверждаетъ, что это легко узнать. И прибавляетъ, что для достиженія этого результата нѣтъ надобности вдаваться въ трудныя изслѣдованія. Мы имѣемъ вблизи римскую церковь. Римъ—столица имперіи и масса христіанъ отправляется туда непрерывно. По прибытіи своемъ въ Римъ, они вступаютъ въ сообщеніе съ христіанами, живущими въ этомъ городѣ, и вѣрою, исповѣдываемою ими, свидѣлствуютъ объ ученіи тѣхъ церквей, къ которымъ принадлежатъ. Такимъ-то образомъ всеобщая вѣра засвидѣлствуется тѣми, которые приходятъ въ Римъ со всѣхъ сторонъ, и свидѣтельство Рима есть краткій итогъ свидѣтельства всеобщаго.

Въ настоящее время свидѣтельство римской церкви не имѣетъ своего прежняго значенія, потому что церковь эта впала въ ересь, не составляетъ уже центра для всего міра, и противъ нея свидѣлствуютъ всѣ апостольскія Церкви. Но легкость сношеній, существующихъ между различными частями христіанскаго міра, позволяетъ знать въ совершенствѣ то ученіе, которому вѣрятъ и исповѣдуютъ всѣ апостольскія Церкви, и убѣдиться въ ересяхъ, которыми папство замѣнило древнее откровенное ученіе.

Я старался выяснитъ въ жур. *Union chretienne* это великое

ученіе. Въ теченіе тридцати лѣтъ я веду изъ-за него борьбу и преслѣдую римскія ереси во всѣхъ ихъ видахъ. Могу сказать, что тридцать томовъ этого изданія составляютъ самое полное собраніе всевозможныхъ вопросовъ, которые возбуждались между Восточною и Западною Церквами, и что я не оставилъ въ нихъ безъ отвѣта ни одного возраженія, направленаго противъ православія.

*Union chretienne* есть первый православный журналъ, основанный на Западѣ. Если Богъ продлитъ мою жизнь, то я почту за счастье продолжать его до конца жизни. Противники православія могли организовать противъ этого журнала заговоръ молчанія; это систематическое молчаніе служитъ только прикрытіемъ ихъ собственнаго пораженія. Они прекрасно знаютъ, что не могутъ отвѣчать мнѣ; и вмѣсто того, чтобы открыто вести борьбу со мной, они всегда прибѣгали къ средствамъ низкимъ и смѣшнымъ, лишь бы только убить мое изданіе.

Я уже упомянулъ о нѣкоторыхъ изъ моихъ противниковъ. Но вотъ представляю еще одного, съ которымъ будетъ не лишнимъ познакомиться.

Во время царствованія пресловутаго Верюэля, названнаго Наполеономъ III, существовалъ законъ, въ силу котораго нельзя было говорить о политикѣ въ журналѣ, который не имѣлъ штемпеля. Понятно, что политику можно было найти повсюду. Цѣль же закона была та, чтобы по крайней мѣрѣ не *штемпельные* журналы не занимались дѣлами правительства; но всякій желавшій могъ затрогивать политику въ статьяхъ историческихъ, экономическихъ, философскихъ и т. д.

Въ журналѣ *Union chretienne* не могли найти ни одной фразы, относившейся до политики Наполеона III и его правительства. И потому никто не могъ думать, что меня можно было преслѣдовать судомъ, при строгомъ моемъ подчиненіи закону. Но вотъ вспомнили о штемпельныхъ чиновникахъ (*du Timbre*), которые уполномочены были не быть слишкомъ разборчивыми въ этого рода дѣлахъ.

По внушенію моихъ добрыхъ друзей, штемпельное управленіе (*du Timbre*) потребовало отъ меня пятьдесятъ франковъ за то, что я писалъ о политикѣ въ одномъ изъ номеровъ жур-

нала, не имѣя штемпеля. Я совсѣмъ не имѣлъ желанія платить эту маленькую сумму, которую не былъ долженъ, но о. Васильевъ, писавшій вмѣстѣ со мною, посоветовалъ мнѣ заплатить, не говоря ни слова, во избѣжаніе большихъ притѣсненій. Я весьма неохотно заплатилъ эту сумму, будучи увѣренъ, что вскорѣ ободренное управленіе (*le Timbre*) потребуетъ отъ меня еще большаго. Я не ошибся. Управленіе потребовало отъ меня во второй разъ триста пятьдесятъ франковъ, несмотря на то, что число не штемпелеванныхъ номеровъ журнала было то же, что и при первомъ требованіи платежа. Тогда я пересталъ слушаться сотрудниковъ журнала и отправился къ юрисконсульту г. Лаферриеру, который упрекнулъ меня за то, что я заплатилъ въ первый разъ, и советовалъ мнѣ противопоставить полнѣйшее молчаніе какимъ бы то ни было требованіямъ предъявляемымъ мнѣ: „Когда прійдетъ штемпельное требованіе, сказалъ онъ мнѣ, и вы будете вызваны въ судъ, то тогда видно будетъ, что вы должны будете дѣлать“. Советъ былъ хорошъ, и я послѣдовалъ ему.

Я получилъ значительное количество меньшаго формата бумагъ отъ одного господина, вѣроятно, *штемпелеваннаго*, который подписывался весьма неразборчиво. Въ первыхъ изъ этихъ бумагъ онъ показалъ мнѣ большіе зубы, — выражаясь фигурально, хотя я не знаю, имѣетъ ли онъ ихъ въ дѣйствительности. Онъ угрожалъ мнѣ всѣми своими громами, въ случаѣ если я не отправлюсь въ штемпельное управленіе, чтобы заплатить деньги. Отвѣта не послѣдовало. Тогда я получилъ опять маленькую бумагу, въ которой *меня просили* внести наложенный на меня штрафъ. Отвѣта тоже не послѣдовало. Послѣ этого, я еще получилъ маленькую бумагу, въ которой господинъ писалъ мнѣ, что онъ самъ былъ въ конторѣ журн. *Union chretienne*, для переговоровъ со мною по моему дѣлу, но тамъ не засталъ меня. Отвѣта тоже не послѣдовало. Потомъ я получилъ еще маленькую бумагу, въ которой мнѣ говорили, что съ меня снимется штрафъ, если я напишу прошеніе министру финансовъ. Я и теперь ничего не отвѣчалъ.

Журн. *Union chretienne* издавался тогда въ Парижѣ. Я предупредилъ своего типографа, чтобы онъ не обращалъ внима-

нія на это дѣло, и что если онъ заплатитъ что-нибудь, то онъ сдѣлаетъ это на свой счетъ. Господинъ съ неразборчивой подписью явился къ моему типографу и заявилъ ему, что со мной начать процессъ. Типографъ отвѣчалъ: „этого то и желаетъ г. редакторъ журн. *Union chretienne*“. Это категорическое заявленіе сразу потушило молніи господина съ неразборчивой подписью, и онъ предложилъ моему типографу подписать прошеніе министру финансовъ, чтобы снять съ меня наложенный на меня штрафъ. Добрякъ не встрѣтилъ въ этомъ никакого затрудненія. Таковъ то былъ по истинѣ смѣшной результатъ, котораго достигли враги журн. *Union chretienne*.

Интриги лицемѣрныя и глупыя—вотъ все, что они могли противопоставить тому журналу, который выступалъ противъ нихъ среди бѣлаго дня, облачалъ ихъ заблужденія и ставилъ ихъ въ невозможность отвѣчать ему.

Чѣмъ болѣе я опирался на истинно *каѳолическій критерій* для разоблаченія ихъ ересей, тѣмъ болѣе они чувствовали себя слабыми, чтобы отвѣчать православному писателю — искреннему, честному и образованному. Нельзя не отдать чести нашему журналу за то, что даже среди непріятельскаго лагеря онъ такъ высоко и такъ твердо держитъ знамя христіанской истины, *безъ страха и упрека*, какъ говорили древніе рыцари.

К.

(Продолженіе будетъ).

---

ПО ПОВОДУ ЗАМѢТКИ:

## „СОВРЕМЕННАЯ ПСИХІАТРІЯ И ХРИСТІАНСТВО“.

Д-ра мед. Н. Пясковскаго. «Церк. Вѣст.». 1891 г. № 12. Марта 21.

Д-ръ Н. Пясковскій подчеркиваетъ въ своей замѣткѣ слѣдующія, какъ онъ говоритъ, „характерныя“ мѣста изъ рѣчи профессора-психіатра Чижа, сказанной на послѣднемъ (IV пи-роговскомъ) съѣздѣ врачей въ Москвѣ, имѣющей заглавіе: „Нравственность душевно-больныхъ“: „нравственность есть самое послѣднее, сложное, высшее проявленіе нашей души, а слѣдовательно и нервной системы...“ „только при совершенно здоровой нервной системѣ человѣкъ можетъ быть нравственнымъ...“ „нравственное совершенство еще болѣе, чѣмъ умственное, возможно только при вполне здоровой нервной системѣ...“ „нравственность христіанскаго ученія была недоступна изнѣженному обезсиленному древнему цивилизованному міру; первые воспріятіе это небесное слово были крѣпкіе, здоровые рыбаки...“

Попытаемся уяснить и оцѣнить эти положенія съ христіанской точки зрѣнія.

„Нравственность есть самое послѣднее, сложное, высшее проявленіе нашей души, а слѣдовательно и нервной системы...“ Это выраженіе представляетъ собою сокращенный силлогизмъ, полная форма котораго должна быть такая: нравственность есть самое послѣднее, высшее проявленіе нашей души, а такъ какъ душа есть ничто иное, какъ проявленіе (продуктъ?) нервной системы, то и нравственность есть самое высшее проявленіе той же системы.

Д-ръ Н. Пясковскій говоритъ, что рѣчь профессора Чижа „неминуемо должна вызвать пріятное чувство среди нашихъ ученыхъ богослововъ“, что проф. Чижъ „весьма дружественно, такъ сказать, подаетъ руку христіанскому богослову.“ Но спрашивается: можетъ ли христіанскій богословъ принять руку (да еще съ пріятнымъ чувствомъ), протянутую съ такимъ недвусмысленнымъ ученіемъ? Вѣдь всякій христіанскій богословъ признаетъ душу „самобытною силою“<sup>1)</sup>, хотя и проявляющеюся въ этомъ матеріальномъ мірѣ при посредствѣ тѣла и во взаимодействіи съ нимъ, и потому самому никакъ не можетъ считать ее „проявленіемъ“ нервной системы,— подобно тому какъ музыкальный геній, проявляющійся при посредствѣ музыкальнаго инструмента, никѣмъ не можетъ быть сочтенъ проявленіемъ этого послѣдняго. Что общаго между христіанскимъ ученіемъ о душѣ и ученіемъ о ней проф. Чижа?

„Только при совершенно здоровой нервной системѣ человѣкъ можетъ быть нравственнымъ...“ „нравственное совершенство еще болѣе, чѣмъ умственное, возможно только при вполне здоровой нервной системѣ...“

Для оцѣнки этихъ выраженій мы поставимъ вопросъ: что значитъ быть нравственнымъ съ христіанской точки зрѣнія? Вся христіанская нравственность выражена въ словахъ Спасителя: „возлюби Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всею душею твоею, и всѣмъ разумѣніемъ твоимъ... возлюби ближняго твоего, какъ самого себя“. (Мат. 22, 37 и 39). Эти заповѣди, раздѣльныя по своему выраженію, составляютъ по существу единую, цѣльную заповѣдь: онѣ объединяются единствомъ Бога, какъ Творца и Отца всѣхъ людей, какъ Законодателя и какъ Судии; а потому смыслъ ихъ можетъ быть выраженъ такъ: возлюби Господа Бога твоего всѣмъ существомъ твоимъ и возлюби ближняго твоего въ Господѣ же Богѣ, т. е. какъ возлюбленное чадо Божіе,—возлюби твоего ближняго въ той же мѣрѣ, какъ любишь себя. Слѣдовательно Господь Богъ является исходнымъ и средоточнымъ пунктомъ всей нравственности, вся нравственная жизнь должна быть проникнута мыс-

<sup>1)</sup> Цособіе въ изученію психологіи. Свящ. А. Гиляревскаго. 183 стр.

лію о служеніи Богу, или—какъ это говорится—нравственность не можетъ быть отдѣлена отъ религіи. Но если быть нравственнымъ значить въ сущности служить Богу, опредѣляться въ своей жизни волею Божіею, то весьма возможно, что эта воля по неисповѣдимымъ судьбамъ Божіимъ повелитъ человѣку возлечь на одръ болѣзни, и тогда отъ самого человека будетъ зависѣть сдѣлать эту болѣзнь состояніемъ нравственнымъ или ненравственнымъ. Проникнется человѣкъ мыслию, что болѣзнь послана ему въ наказаніе за его грѣхи и вмѣстѣ съ тѣмъ для его вразумленія и исправленія, и положить въ сердцѣ своемъ твердое намѣреніе исправить свою жизнь, или онъ усмотритъ въ своей болѣзни испытующую десницу Божію, сочтетъ болѣзнь средствомъ къ возвышенію своей вѣры и добродѣтели, и со смиреннымъ сердцемъ предастъ себя въ волю Божію,—въ обоихъ случаяхъ болѣзнь явится высокимъ нравственнымъ состояніемъ. И пусть никто не подумаетъ, что въ болѣзни нравственность выражается одностороннимъ образомъ, т. е. является лишь отношеніемъ къ Богу, безъ отношенія къ ближнему! Нѣтъ, не можетъ того быть, чтобы человѣкъ, живущій среди своихъ ближнихъ, когданибудь могъ стать совершенно внѣ сферы отношеній къ нимъ. Правда, въ болѣзни нравственное отношеніе человека къ ближнимъ часто не можетъ быть активнымъ и непосредственнымъ, а является лишь пассивнымъ и посредственнымъ, но существо дѣла отъ этого не страдаетъ. Если болящій не можетъ *дѣйствовать* нравственно среди своихъ ближнихъ, за то онъ можетъ безмолвно, но тѣмъ не менѣе сильно и разительно *поучать* ближнихъ,—поучать собственнымъ живымъ примѣромъ, являя въ себѣ то образъ покаянія и упованія на Божіе милосердіе, то образъ терпѣнія и смиренной преданности въ волю Божію. Но намъ могутъ сказать, что бываютъ болѣзни нервныя, сопровождающіяся разстройствомъ душевной дѣятельности,—какъ же въ этихъ болѣзняхъ можетъ осуществиться нравственность? Отвѣчаемъ: до тѣхъ поръ, пока нервная болѣзнь не разстроила совершенно умственной дѣятельности больного, пока послѣдній сознаетъ ненормальность своего положенія въ его отличіи отъ состоянія нормального,—до тѣхъ поръ

нравственная область для него незакрыта; но другое дѣло, если нервная болѣзнь вогнала больного въ бѣшенство, безуміе или идиотизмъ: тогда, дѣйствительно, не можетъ быть никакой рѣчи о нравственности; тогда состояніе больного есть состояніе невмѣняемости... Но смѣемъ думать, что и такіе больные не могутъ считаться мертвыми для послѣдней цѣли нравственной дѣятельности—для жизни вѣчной. Въ этомъ убѣждаетъ насъ вѣра въ милость Божію, которая во всѣхъ судахъ Божіихъ сопровождаетъ Божію правду и на основаніи которой мы не должны отчаяваться въ спасеніи кого бы то ни было изъ нашихъ ближнихъ; убѣждаютъ также библейскіе примѣры, изъ которыхъ видно, что человѣкъ по Божію попущенію иногда предается на изможденіе плоти, „чтобы духъ былъ спасенъ въ день Господа нашего Іисуса Христа“ (1 Кор. 5, 5), иногда ввергается въ скотоподобное состояніе, какъ было съ Навуходоносоромъ,—для наказанія <sup>1)</sup>, при чемъ, по исполненіи срока наказанія, къ человѣку опять возвращается разумъ его, и онъ восстанавливается въ своемъ человѣческомъ достоинствѣ (Дан. 4, 33) <sup>2)</sup>. Такимъ образомъ и нервныя болѣзни, сопровождающіяся разстройствомъ душевной дѣятельности, не могутъ служить преградой къ осуществленію послѣдней цѣли нравственной дѣятельности, и съ религіозно-нравственной точки зрѣнія состояніе безумнаго или идиота ничуть не хуже состоянія чевѣка, цвѣтушаго здоровьемъ, но утопающаго въ грѣхахъ. (Срав. пс. 48, ст. 13).

Препятствіемъ къ нравственной жизни для тѣхъ душевнобольныхъ, которые еще не подверглись совершенному раз-

1) Наказаніе можетъ постигнуть чевѣка не только за свои грѣхи, какъ было съ Навуходоносоромъ, но и за грѣхи предковъ (Исх. 20, 5; Исх. 34, 7; Числ. 14, 18; Втор. 5, 9 и др.).

2) Срав. «опытъ показываетъ, что всякій видъ помѣшательства исчезаетъ незадолго до смерти во многихъ случаяхъ, непосредственно предъ смертію во всѣхъ, и нормальный ходъ мышленія завершаетъ жизнь». Правосл. Обзор. 1891. Мартъ. Къ вопросу о душѣ. Prof. Schmick. «Die Unsterblichkeit der Seele naturwissenschaftlich und philosophisch begründet». Zweite Aufgabe. Leipzig. 1886. Замѣтимъ при этомъ, что, какъ бы ни были кратки моменты такого просвѣтленія духа, они вполне достаточны для подъема духа на высочайшую степень религіозно-нравственной жизни.

стройству душевныхъ способностей, служить, по мнѣнію проф. Чижа, то, что такіе люди („нравственно-слабоумны“) <sup>1)</sup> „никогда не могутъ понять, почему къ человѣку нельзя относиться, какъ къ средству, а слѣдуетъ относиться, какъ къ цѣли, почему личность человѣка для насъ священна“... „Умъ на столько несовершенный, что не можетъ возвыситься надъ міромъ явленій, не можетъ обнять общею идеею всего существующаго, не можетъ понять, что такое долгъ; вотъ почему, какъ думаю я, нравственно-слабоумные не могутъ понимать добра и зла“. Изъ такихъ и подобныхъ выраженій видно, что проф. Чижъ понимаетъ нравственность какъ результатъ отвлеченнаго, философскаго мышленія. Но такое возрѣніе на нравственность. приличное язычнику Сократу, не понятно въ устахъ ученаго христіанина. Вѣдь нравственность, возвѣщенная Христомъ, тѣмъ и отличается отъ всякой измышленной людьми нравственности, что она имѣетъ всеобъемлющій характеръ, доступна людямъ всѣхъ временъ и состояній и всякихъ способностей, что, давая неисчерпаемую пищу человѣку самаго развитаго ума, она въ тоже время можетъ быть воспринята и усвоена малоспособнымъ простецомъ. И это вполне понятно, такъ какъ исходный и средоточный пунктъ христіанской нравственности—Богъ воспринимается только вѣрою, для которой можетъ быть открыто сердце всякаго человѣка <sup>2)</sup>. Вѣра въ божественный авторитетъ нравственныхъ заповѣдей христіанства—вотъ что вполне можетъ искупить недостатокъ или даже отсутствіе философской обоснованности этихъ заповѣдей. Мало того, спасеніе Господь Іисусъ обѣщаетъ только одной вѣрѣ („Иже вѣру иметъ... спасенъ будетъ“ Мар. 16, 16), показывая этимъ, что по отношенію къ наслѣдію царства небеснаго вѣра неизмѣримо выше знанія.

Мысль, что только при совершенно здоровомъ состояніи нер-

<sup>1)</sup> Полагаемъ, что профессоръ не разумѣетъ подъ нравственно-слабоумными безумныхъ, бѣшенныхъ или идиотовъ, такъ какъ онъ отрицаетъ у нихъ способность къ отвлеченному, философскому мышленію, но не къ мышленію конкретному, такъ сказать, обыденному.

<sup>2)</sup> Разумѣется, если только человѣкъ не дошелъ до скотоподобнаго состоянія, если въ немъ не умерщвлена грѣхомъ воспримчивость къ небеснымъ истинамъ.

вовъ можно быть нравственнымъ, выводится проф. Чижемъ изъ наблюденія того факта, что съ развитіемъ болѣзни нервной системы болѣе и болѣе разрушается и нравственность больнаго. „Недоразвитіе или разрушеніе идеаловъ и сопряженныхъ съ нимъ (?) чувствованій—говорить проф. Чижа—есть самое первое проявленіе несовершенства нервной системы.... Не понимая добра и зла, больной не можетъ руководствоваться мотивами долга, а лишь мотивами удовольствія; онъ не понимаетъ необходимости уважать и любить ближнихъ. Затѣмъ болѣзнь нервной системы ведетъ къ ослабленію и, наконецъ, къ полной утратѣ симпатіи къ ближнимъ, всѣ помыслы, поступки больнаго направлены лишь къ достиженію собственныхъ удовольствій. Наконецъ, болѣзнь нервной системы ведетъ къ ослабленію воли, почему больной не можетъ руководствоваться мотивами собственной пользы, даже если онъ вполне разумно понимаетъ свои интересы. Вотъ обычный порядокъ разрушенія нравственной сферы, вотъ изъ чего образована нравственная сторона человѣка, насколько это выясняется изученіемъ нравственнаго уродства и разрушенія нравственности, обусловленныхъ врожденною или приобрѣтенною психическою болѣзнію“.

Но и въ этихъ фактахъ, послужившихъ для проф. Чижа основаніемъ вышеозначеннаго вывода, есть указаніе, что нравственность проф. Чижа—не Христова нравственность. Именно: на послѣдней, указанной профессоромъ, стадіи развитія душевной болѣзни, когда ослабѣваетъ воля больнаго, больной все-таки *можетъ* иногда „вполнѣ разумно понимать свои интересы“; но такъ какъ вполнѣ разумное пониманіе своихъ интересовъ непременно предполагаетъ такое же пониманіе интересовъ чужихъ (о другихъ мы всегда судимъ по себѣ), то можно сказать, что на означенной стадіи болѣзни больной иногда сохраняетъ разумное пониманіе интересовъ—вообще. Представимъ же въ такомъ положеніи человѣка вѣрующаго, сознающаго свою обязанность любить Бога и ближняго. Понимая свое положеніе, понимая невозможность для себя *внѣшняго дѣятельнаго* осуществленія нравственности, такой человѣкъ имѣетъ полную возможность сосредоточить всѣ нравственныя отноше-

нія внутри себя <sup>1)</sup>: если онъ навлекъ на себя болѣзнь своими прежними грѣхами, то искреннее покаяніе предъ Богомъ, глубокое смиреніе не только предъ Богомъ, но и предъ ближними, которыхъ онъ оскорблялъ своими грѣхами, которыхъ обременилъ своею болѣзнію, этимъ результатомъ грѣха, наконецъ молитва за ближнихъ—вотъ нравственное внутреннее дѣланіе, которое не менѣе цѣнно предъ Богомъ, чѣмъ самая многосторонняя и плодотворная внѣшняя дѣятельность <sup>2)</sup>. Если же болѣзнь постигла вѣрующаго не по его винѣ, то одна глубокая покорность и всецѣлая преданность Господу Богу, безъ воли Котораго и волосъ не падаетъ съ головы человѣка, можетъ поставить страждущаго на высочайшей степени нравственнаго совершенства (праведный Іовъ). Но если даже на послѣдней, указанной профессоромъ, стадіи развитія душевной болѣзни больной можетъ быть нравственнымъ, то что препятствуетъ ему сохранить свою нравственность (хотя и въ измѣненной формѣ) на двухъ первыхъ стадіяхъ? Правда, эти двѣ стадіи, по проф. Чижу, тѣмъ именно и характеризуются, что на нихъ разрушаются нравственные идеалы, больной утрачиваетъ пониманіе добра и зла, начинаетъ руководствоваться не мотивами долга, а мотивами удовольствія, теряетъ симпатію къ ближнимъ,—но какъ все это возможно, когда разумное пониманіе интересовъ своихъ и чужихъ, возможное даже на послѣдней стадіи развитія душевной болѣзни, несомнѣнно сохраняется больнымъ и на первыхъ двухъ стадіяхъ? Это возможно въ томъ случаѣ, когда у человѣка нѣтъ прочнаго базиса для нравственности—вѣры въ Бога, когда онъ руководствовался до болѣзни самоизмышленною нравственностью, или же—когда онъ жилъ безъ всякой нравственности, подмѣняя истинно-нравственныя отношенія къ другимъ мнимо-нравственными, вытекающими изъ добродушнаго настроенія, порождаемаго здоровьемъ организма. Съ человѣкомъ же, вѣрующимъ въ Бога, ничего подобнаго не можетъ случиться. Не утративъ всецѣло

<sup>1)</sup> При этомъ помимо своей воли,—если не разумѣть молитву за ближнихъ,—пассивно и посредственно онъ будетъ, какъ мы уже говорили, оказывать нравственное воздѣйствіе и на ближнихъ своихъ.

<sup>2)</sup> Припомнимъ разбойника, покаявшагося на крестѣ.

разумнаго пониманія, разума, онъ не можетъ утратить и вѣры въ Бога, не можетъ утратить и пониманія добра и зла, какъ того, что повелѣвается и что запрещается Богомъ.... И пусть онъ будетъ вслѣдствіе болѣзни не въ силахъ осуществить внѣшнимъ образомъ добра,—Богъ, призирающій своимъ благоволеніемъ на внутреннее человѣка, а не на внѣшнее (само по себѣ) <sup>1)</sup>, не вмѣнитъ ему сего въ грѣхъ.

Подтвержденіе вышеозначеннаго вывода проф. Чижъ находитъ въ наблюденіяхъ надъ сновидѣніями, въ изученіи врожденныхъ преступниковъ и, наконецъ, въ данныхъ всемірной исторіи. „Давно замѣчено, — говоритъ онъ, — что человѣкъ въ сновидѣніяхъ не испытываетъ угрызений совѣсти, что онъ не понимаетъ безнравственности имъ совершаемаго. Исторія всѣхъ народовъ подтверждаетъ заключеніе, что нравственность пропорціональна здоровью нервной системы. Евреи въ то время, когда были способны воспринять путемъ откровенія высшій, совершенный нравственный законъ, были крѣпкій, здоровый народъ: стихъ 3 гл. 1 Исхода свидѣтельствуетъ: „сынове же израилевы возрасташа и умножишася и мнози быша и укрѣпишася зѣло зѣло“. Нравственность христіанскаго ученія была не доступна изнѣженному, обезсиленному древнему цивилизованному міру; первые воспринявшіе это небесное слово были крѣпкіе, здоровые рыбаки; молодя, здоровыя, полныя силъ германскія и славянскія племена раньше другихъ народовъ и полнѣе ихъ осуществили въ жизни евангельскую нравственность. Мы и теперь видимъ, что здоровыя, способныя къ жизни племена, напр., негры—скоро усваиваютъ евангельскія истины; способность воспринять и осуществить это ученіе есть вѣрный залогъ жизнеспособности народа; тѣ же обдѣленные природою племена, которыя не могутъ усвоить христіанской морали, напр., индѣйцы, обречены на вымираніе: ихъ организація несовершенна; мы еще мало знаемъ, въ чемъ состоитъ это несовершенство, но мы не можемъ отрицать столь убѣди-

<sup>1)</sup> «Жертвы Ты не желаешь,—и далъ бы ее; къ всесоженію не благоволишь. Жертва Богу духъ сокрушенный; сердца сокрушеннаго и смиреннаго Ты не презришь, Боже». Ис. 50, 18—19 ст.

тельнаго факта. Вырожденіе и вымираніе народа прежде всего выражается упадкомъ его въ нравственномъ отношеніи, какъ это доказывается исторіей многихъ государствъ“.

Итакъ, въ сновидѣніи человѣкъ „не понимаетъ безнравственности имъ совершаемаго“ <sup>1)</sup>. Это наблюденіе мы сопоставимъ съ слѣдующими психологическими фактами: „самымъ обильнымъ источникомъ сновидѣній служитъ *воспоминаніе* прошедшаго. Чаще всего воспроизводятся въ сновидѣніяхъ впечатлѣнія прожитаго дня и вообще событія недавняго времени; но нерѣдко воспроизводятся въ сновидѣніяхъ событія всей нашей прошедшей жизни, иногда самыя смутныя и далекія по времени. Затѣмъ, весьма важнымъ источникомъ сновидѣній и, въ то же время, причною, сообщающею имъ своеобразное направленіе, служатъ тѣ чувствованія и настроенія, которыя наполняли душу въ бодрственномъ состояніи. Въ сновидѣніяхъ проявляются по большей части наши постоянныя и продолжительныя чувствованія любви, ненависти, страха, сильныя упреки совѣсти и т. п. Жизнь нашего сердца непременно сообщаетъ снамъ соотвѣтствующую окраску. Такъ, человѣку счастливому снятся и сны радостныя, а человѣку несчастному—сны тревожныя и печальныя. Наконецъ, рядъ причинъ, обуславливающихъ различныя видоизмѣненія въ содержаніи и направленіи сновидѣній, заключается въ темпераментъ, степени умственнаго и нравственнаго развитія, возрастъ, половомъ развитіи, въ жизненной обстановкѣ и т. п. Поэтому, въ сновидѣніяхъ каждый переживаетъ такія событія, въ которыхъ выражаются отличительныя особенности его бодрственной жизни:

---

1) Собственно проф. говоритъ: «замѣчено, что человѣкъ въ сновидѣніяхъ не испытываетъ угрызений совѣсти, что онъ не понимаетъ безнравственности имъ совершаемаго». Эти выраженія неопредѣленны: можно думать, что отсутствіе угрызений совѣсти и непониманіе безнравственности поступковъ, замѣчаемыя въ сновидѣніяхъ, касаются поведенія человѣка въ бодрственномъ состояніи; но можно думать, что это отсутствіе угрызений совѣсти и это непониманіе безнравственности относятся къ дѣйствіямъ, совершаемымъ въ сновидѣніяхъ же. Такъ какъ первое предположеніе явно противорѣчитъ опыту, то мы и не думаемъ, чтобы профессоръ имѣлъ въ виду именно эту—первую мысль, а потому допускаемъ второе предположеніе; изъ двухъ же выраженій профессора беремъ только одно, какъ содержащее ту же мысль, что и другое.

корыстолюбивому снятся деньги, сластолюбивому — пріятныя кушанья, разсѣянному—удовольствія и т. п. „Сновидѣнія часто предательски выдають человѣку его дурныя помыслы, дурныя наклонности, не сознаваемыя во время бодрственной жизни. Сновидѣнія въ этомъ отношеніи можно назвать, по справедливости, *тайнымъ судомъ* человѣка, гдѣ онъ самъ себя судить“ (Карусъ) <sup>1)</sup>. Вся эта выдержка свидѣтельствуеть, что сновидѣнія имѣють такой характеръ, какимъ отличается бодрственная жизнь; отсюда слѣдуетъ, что сновидѣнія человѣка нравственнаго имѣють нравственный характеръ, безнравственнаго—безнравственный. И если безнравственный человѣкъ не сознаеть во снѣ безнравственности имъ совершаемаго (во снѣ же), такъ это нисколько не удивительно и не можетъ подтвердить вывода проф. Чижа: было бы противно психологіи, если бы грѣшникъ, услаждающійся своими грѣхами въ бодрственномъ состояніи, относился къ нимъ иначе во время сна. Но бывають ли безнравственныя сновидѣнія у человѣка нравственнаго? Прежде чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, мы примемъ во вниманіе, что нравственное состояніе имѣеть различныя степени, что преобладающее большинство такъ называемыхъ нравственныхъ людей (разумѣется—съ христіанской точки зрѣнія) находится въ состояніи борьбы съ грѣхомъ и часто совершаетъ не то, что хотѣлось бы („добраго, котораго хочу, не дѣлаю, а злое, котораго не хочу, дѣлаю“. Рим. 7, 19), что высшей степени нравственнаго совершенства достигаютъ, вѣроятно, только очень немногіе. Эти послѣдніе, безъ сомнѣнія, никогда не имѣють безнравственныхъ сновидѣній <sup>2)</sup>. Что же касается людей, находящихся въ состояніи нравственной борьбы, то, конечно, они не избавлены отъ того, чтобы гнѣздящаяся въ нихъ грѣховность отображалась въ ихъ сновидѣніяхъ. Но опять было бы

1) Пособіе къ изученію психологіи. Свящ. А. Гиляревскаго 223—224 стр.

2) „Итакъ, мнѣ думается, что демоны (въ сновидѣніяхъ) вносятъ образы въ умъ, приводя въ движеніе память; потому что органы чувствъ въ то время держатся сномъ въ бездѣйствіи. Но спрашивается опять, какъ память приводятъ они въ движеніе? Посредствомъ ли страстей? Да (если имѣть во вниманіи страстные сны), и это явствуеть изъ того, что чистые и безстрастные не терпятъ ничего подобнаго“. Писанія Евагрія монаха. О сновидѣніяхъ. Добротолубіе. Т. I. 1883 г. 647 стр.

противно психологіи, если бы такіе люди во снѣ услаждались грѣхомъ, „не понимали безнравственности совершаемаго“ ими во снѣ: то, что въ бодрственномъ состояніи возбуждаетъ въ человѣкѣ отвращеніе, побуждаетъ его къ борьбѣ, то въ сновидѣніяхъ должно возбуждать въ немъ такія же чувствованія, такъ же должно воздѣйствовать на него <sup>1)</sup>. Слѣдовательно, то положеніе, что человѣкъ въ сновидѣніи „не понимаетъ безнравственности совершаемаго“ имъ, имѣетъ ограниченный смыслъ и свидѣтельствуется только о нравственной неразвитости или недоразвитости сновидца, но не служитъ подтвержденіемъ той мысли, что только при совершенно здоровомъ состояніи нервовъ можно быть нравственнымъ. Послѣдняя мысль, по нашему мнѣнію, находится въ противорѣчьи и съ тѣмъ наблюденіемъ психологіи, что, когда сонъ наступаетъ встѣдствіе утомленія нервовъ, то въ началѣ его сновидѣнія отличаются высшимъ, духовнымъ характеромъ; когда же нервная система нѣсколько укрѣпится, сновидѣнія получаютъ низшій, чувственно-животный характеръ <sup>2)</sup>. Съ точки зрѣнія вышеуказанной мысли проф. Чижа должно бы быть какъ разъ наоборотъ: въ началѣ сна должны бы быть сновидѣнія низшаго характера, а далѣе—высшаго. Очевидно, укрѣпленная, здоровая нервная система, по крайней мѣрѣ во время сна, болѣе склонна работать въ грубо-чувственномъ направленіи, чѣмъ въ духовномъ <sup>3)</sup>.

Мысль, что только здоровый нервами человѣкъ можетъ быть нравственнымъ, подтверждается, далѣе, по проф. Чижу, изученіемъ врожденныхъ преступниковъ. Это изученіе, безъ сом-

<sup>1)</sup> Впрочемъ, мы должны допустить, что такіе люди могутъ иногда во снѣ «не понимать безнравственности совершаемаго» или, именно тогда, когда извѣстныя безнравственныя наклонности не были или слабо были сознаваемы человекомъ въ бодрственномъ состояніи и не вызывали его на борьбу. Срав: «темною сновидѣній весьма часто служатъ самыя слабыя впечатлѣнія, едва сознаваемыя въ бодрственномъ состояніи». Физиологическое ученіе о снѣ и сновидѣніяхъ. В. Снегпрева. Правосл. Собесѣдникъ. 1884. Ч. I. 279 стр.

<sup>2)</sup> Пособіе въ изученію психологіи. Свящ. А. Гиляревскаго. 223 стр.

<sup>3)</sup> Да не возразятъ намъ при этомъ, что духовное само по себѣ не есть еще нравственное, а чувственное—безнравственное. Если это и такъ, то все-таки духовное есть та почва, на которой рождается и развивается нравственность; оно, такъ сказать, ближе къ нравственности, чѣмъ чувственное, которое если и получаетъ нравственное значеніе, то только *посредствомъ* духовнаго.

нѣнія, констатируетъ фактъ болѣзненнаго измѣненія или недоразвитія нервной системы означенныхъ лицъ. Но, не говоря о нѣкоторой странности самаго термина: „врожденный преступникъ“ (такъ какъ, по Слову Божію, всѣ мы врожденные преступники. Рим. 5 гл. 12, 18 и 19 ст.), мы спросимъ: находились ли эти „врожденные преступники“ отъ самаго рожденія до совершенія преступленія въ возможно лучшихъ нравственныхъ условіяхъ? Если не находились, то вина въ ихъ преступности падаетъ, быть можетъ, въ значительной степени на воспитавшую ихъ среду, а не на нервную систему ихъ самихъ; если же, не смотря на наилучшія нравственныя условія, они все-таки оказались неисправимо тупыми въ нравственномъ смыслѣ, то мы склонны видѣть въ этомъ фактѣ выраженіе гнѣва Божія за грѣхи отцовъ, погубившихъ своею безнравственною жизнію всякія условія нравственности въ своихъ потомкахъ. Совершенная нравственная тупость потомковъ произошла отъ крайней безнравственности отцевъ; и потому, — примѣнительно къ данному случаю, — вмѣсто выраженія: „только при совершенно здоровой нервной системѣ можно быть нравственнымъ“, глубже и вѣрнѣе будетъ сказать: нравственность возможна только тамъ, гдѣ предыдущія поколѣнія трудились надъ развитіемъ нравственныхъ задатковъ, заключающихся въ ихъ природѣ; тамъ же, гдѣ эти поколѣнія совершенно изсушили въ себѣ источники нравственности (своею безнравственною жизнію), — тамъ гнѣвъ Божій выражается, между прочимъ, въ болѣзненныхъ измѣненіяхъ организма и въ нравственной тупости потомковъ. Эта мысль, подтверждаемая опытомъ жизни, вытекаетъ и изъ тѣхъ мѣстъ Св. Писанія, гдѣ Богъ опредѣляетъ наказаніе отцамъ за грѣхи ихъ въ дѣтяхъ и дѣтяхъ дѣтей до третьяго и четвертаго рода (напр. Исх. 20, 5; Исх. 34, 7; Числ. 14, 18; Втор. 5, 9 и др.).

„Исторія всѣхъ народовъ, — говоритъ проф. Чижевскій, — подтверждаетъ заключеніе, что нравственность пропорціональна здоровью нервной системы. Евреи въ то время, когда были способны воспринять путемъ откровенія высшій, совершенный нравственный законъ, были крѣпкій, здоровый народъ: стихъ 3 (на самомъ дѣлѣ 7) гл. 1 Исхода свидѣтельствуетъ: „сынове

же израилены возрасташа (на самомъ дѣлѣ: „возрастоша“) и умножишася и мнози быша и укрѣпишиися зѣло зѣло“.—Здѣсь фактъ принятія евреями Богооткровеннаго Закона представляется свидѣтельствомъ о высокомъ нравственномъ состояніи этого народа; само же нравственное состояніе поставляется въ зависимость отъ тѣлеснаго здоровья. Но каково было нравственное состояніе евреевъ въ указанный моментъ, объ этомъ ясно свидѣтельствуется вся исторія путешествія этого народа въ землю обѣтованную. Изъ этой исторіи видно, что евреи, не смотря на многочисленные факты Божія о нихъ промысленія, выразившагося во многихъ и великихъ чудесахъ, заявили себя какъ народъ ропотливый, раздражающій Господа (Исх. 14, 11—12; Исх. 15, 24; Исх. 16, 2—8; Исх. 17, 1—3; Числ. 11, 1; Числ. 14, 11; Числ. 21, 5), какъ народъ непокорный (Числ. 20, 10), буйный (Исх. 32, 22), необузданный (Исх. 25, 3). Самъ Господь называлъ этотъ народъ жестоковѣрнымъ (Исх. 25, 9); Онъ неоднократно намѣревался истребить его (Исх. 32, 10; Числ. 14, 11—12; Числ. 16, 45), неоднократно даже начиналъ истреблять его (Числ. 11, 1; Числ. 25, 11); наконецъ изрекъ такое опредѣленіе объ этомъ народѣ: „всѣ, которые видѣли славу Мою и знаменія Мои, сдѣланныя Мною въ Египтѣ и въ пустынѣ, и искушали Меня уже десять разъ и не слушали гласа Моего, не увидятъ земли, которую Я съ клятвою обѣщаль отцамъ ихъ: (только дѣтямъ ихъ, которые здѣсь со Мною, которые не знаютъ, что добро, что зло, всѣмъ малолѣтнимъ, ничего не смыслящимъ, имъ дамъ землю, а) всѣ, раздражавшіе Меня, не увидятъ ея“ (Числ. 14, 22—23). Такимъ образомъ, не отрицая, что евреи въ моментъ призванія ихъ къ принятію Откровеннаго Закона были народомъ здоровымъ, мы ясно видимъ, что они не стояли на высотѣ своего призванія <sup>1)</sup>, не были народомъ высоко-нравственнымъ; и если проф. Чижевъ видитъ основаніе для противоположнаго мнѣнія въ самомъ фактѣ принятія евреями Бого-откровеннаго Закона, то такое мнѣніе, какъ мнѣніе посредственное, выводное, дол-

<sup>1)</sup> Вспомнимъ, что они даже въ тѣ священные дни, когда Господь вручалъ Моисею свержалаи Закона, отступили отъ Него и стали поклоняться золотому тельцу.

жно ступшеваться предъ яснымъ и прямымъ свидѣтельствомъ Слова Божія <sup>1)</sup>).

„Нравственность христіанскаго ученія,—продолжаетъ проф. Чиждъ,—была недоступна изнѣженному, обезсиленному древнему цивилизованному міру; первые воспринявшіе это небесное слово были крѣпкіе, здоровые рыбаки; молодыя, здоровыя, полныя силъ германскія и славянскія племена раньше другихъ народовъ и полнѣе ихъ осуществили въ жизни евангельскую нравственность“ и проч. Итакъ, съ одной стороны, тѣлесная слабость является препятствіемъ къ усвоенію христіанской нравственности, съ другой же стороны, тѣлесная крѣпость служитъ причиной ея воспріятія... Но обратимся къ Слову Божію и

<sup>1)</sup> Здѣсь естественно можетъ возникнуть вопросъ: однако почему же евреи именно въ извѣстный моментъ удостоены были сообщенія Откровеннаго закона? Но этотъ вопросъ находится въ неразрывной связи съ другимъ вопросомъ: почему евреи въ извѣстный моментъ чудеснымъ образомъ изведены были Богомъ изъ Египта?—такъ какъ законъ, устроившій всю жизнь ихъ, сталъ необходимъ имъ именно съ тѣхъ поръ, какъ они выдѣлились въ народъ особенный и стали на путь самостоятельной жизни. Въ Библии же какъ на причину изведенія евреевъ изъ Египта указывается на то, что «услышалъ Богъ стenanіе ихъ и вспомнилъ Богъ завѣтъ Свой съ Авраамомъ, Исаакомъ и Іаковомъ» (Исх. 2, 24. Подобное же въ Исх. 3, 6—8; Исх. 3, 15—16; Исх. 6, 2—9). Значитъ, ради предковъ евреевъ и ради тяжкихъ страданій ихъ самихъ вывелъ ихъ Богъ изъ Египта, а не ради праведности ихъ. Послѣдняя мысль видна и изъ тѣхъ мѣстъ Библии, гдѣ говорится, что въ Египтѣ евреи служили богамъ египетскимъ (I. Нав. 24, 14; Іез. 23, 3), что «отъ самага чрева матерняго» израиль «прозванъ отступникомъ» (Ис. 48, 8), что Богъ далъ ему овладѣть обѣтованною землею «не за праведность» его, ибо онъ «народъ жестоковѣрный» (Втор. 9, 6). Но указанная причина все-таки причины одностороннія; въ разсматриваемомъ же случаѣ, безъ сомнѣнія, дѣйствовали и другія причины, заключающіяся какъ въ томъ народѣ, изъ среды котораго извелъ Богъ евреевъ, такъ и въ народахъ, въ землю которыхъ ввелъ. Исходя изъ того положенія, что евреи, какъ хранители истинной религіи, имѣли своею задачею возвѣщать эту религію другимъ народамъ, основываясь затѣмъ на томъ откровенномъ фактѣ, что ангелы тѣхъ народовъ, въ рабство которымъ предаваемы были израильтяне, противились освобожденію ихъ изъ рабства (Дан. 10 гл.),—разумѣется въ виду благихъ послѣдствій отъ пребыванія Бого-избраннаго народа среди поработителей,—мы можемъ думать, что и египетскому рабству евреи подпали, между прочимъ, въ видахъ Божіи попеченія о египтянахъ и изведены отъ работы египетской въ то только время, когда сама египтяне сдѣлали жизнь порабощенныхъ невыносимою, когда воля израильскаго народа отъ приставниковъ его коснулась слуха Божія (Исх. 3, 7). Что-же касается народовъ, въ землю которыхъ введены были евреи, то относительно ихъ мы имѣемъ ясное свидѣтельство Слова Божія, что «за нечестіе и беззаконія народовъ сихъ» изгналъ ихъ Господь отъ лица евреевъ (Втор. 9, 5).

тамъ поищемъ объясненія, почему древній языческій міръ не принялъ Христова ученія. „Открывается гнѣвъ Божій съ неба,—говоритъ Св. Ап. Павель,—на всякое нечестіе и неправду человѣковъ, подавляющихъ истину неправдою. Ибо, что можно знать о Богѣ, явно для нихъ: потому что Богъ явилъ имъ. Ибо невидимое Его, вѣчная сила Его и Божество, отъ созданія міра чрезъ разсматриваніе твореній видимы, такъ что они безотвѣтны. Но какъ они, познавъ Бога, не прославили Его, какъ Бога, и не возблагодарили, но осуетились въ умствованіяхъ своихъ, и омрачилось несмысленное ихъ сердце; называя себя мудрыми, обезумѣли, и славу нетлѣннаго Бога измѣнили въ образъ, подобный тлѣнному человѣку, и птицамъ, и четвероногимъ, и пресмыкающимся: то и предалъ ихъ Богъ въ похотяхъ сердецъ ихъ нечистотѣ, такъ что они сквернили сами свои тѣла. Они замѣнили истину Божию ложью, и поклонялись, и служили твари вмѣсто Творца, Который благословенъ во вѣки, аминь. Потому предалъ ихъ Богъ постыднымъ страстямъ“... (Рим. 1. 18—26). Такимъ образомъ крайнее умственное заблужденіе и глубокая нравственная испорченность или—выражаясь словами того же Апостола—„невѣжество и ожесточеніе сердца“ (Ефес. 4, 18) были причиною отчужденія древнихъ язычниковъ отъ жизни Божіей. Слѣдовательно для принятія Христова ученія нуженъ былъ (какъ и всегда нуженъ) незагрязенный идолопоклонствомъ и предрасудками умъ и чистое, открытое, дѣтское сердце (Мат. 18, 3—4; Мар. 10, 15; Лук. 18, 17); при этомъ здоровье и болѣзнь, богатство и нищета и другія различія между людьми не имѣли никакого значенія. И если первыми послѣдователями Христа были здоровые рыбаки, то не слѣдуетъ забывать и того, что великій Апостоль языкъ былъ съ жаломъ во плоти (2 Кор. 12 7), что Христово ученіе находило послѣдователей и среди изнѣженнаго цивилизованнаго общества (1 Кор. 1, 26), что всякаго рода больные—хромые, слѣпые, прокаженные, бѣсноватые—вступали въ царство Искупителя, такъ какъ у нихъ Господь и Апостолы Его находили сердце отверстымъ для вѣры. Мало того, къ такимъ-то людямъ, скорбящимъ, и озлобленнымъ, Спаситель былъ (какъ и всегда есть) ближе и относился (какъ и всегда относится), такъ сказать, съ большимъ участіемъ, чѣмъ къ людямъ

благополучнымъ. „Прийдите ко Мнѣ, говорилъ Онъ, всѣ труждающіеся и обремененные, и Я успокою васъ“ (Мат. 11, 289). „Духъ Господень на Мнѣ; ибо Онъ помазалъ Меня благовѣствовать нищимъ и послалъ Меня исцѣлять сокрушенныхъ сердцемъ, проповѣдывать плѣннымъ освобожденіе, слѣпымъ прозрѣніе, отпустить измученныхъ на свободу“ (Лук. 4, 18).

Чтобы не оставалось никакого сомнѣнія въ томъ, что не тѣлесное здоровье рыбаей послужило причиною, что имъ первымъ ввѣрено было новое Слово Божіе, приведемъ свидѣтельство св. Апостола: „когда міръ своею мудростію не позналъ Бога въ премудрости Божіей, то благоугодно было Богу юродствомъ проповѣди спасти вѣрующихъ. Ибо и Іудеи требуютъ чудесъ, и Еллины ищутъ мудрости; а мы проповѣдуемъ Христа ряспятаго, для Іудеевъ соблазнъ, а для Еллиновъ безуміе, для самихъ же призванныхъ, Іудеевъ и Еллиновъ, Христа, Божію силу и Божію премудрость. Потому что немудрое Божіе премудрѣе человѣковъ, и немощное Божіе сильнѣе человѣковъ. Посмотрите, братія, кто вы, призванные: не много изъ васъ мудрыхъ по плоти, не много сильныхъ, не много благородныхъ. Но Богъ избралъ немудрое міра, чтобы посрамить мудрыхъ, и немощное міра избралъ Богъ, чтобы посрамить сильное; и незнатное міра и уничиженное и ничего незначащее избралъ Богъ, чтобы упразднить значущее; для того, чтобы никакая плоть не хвалилась предъ Богомъ. Отъ Него и вы во Христѣ Іисусѣ, Который сдѣлался для насъ премудростію отъ Бога, праведностію и освященіемъ и искупленіемъ; чтобы было, какъ написано, хвалящійся хвалился Господомъ (Іерем. 9, 24)“<sup>1)</sup>. Отсюда ясно, что мудрость древняго міра далека была отъ мудрости Христа; древніе мудрецы не понимали тайны искупленія человѣческаго рода чрезъ крестную смерть Бога, содѣлавшагося человѣкомъ; такой образъ искупленія былъ „безуміемъ“ въ глазахъ ихъ.... Но если тайна искупленія представлялась мудрецамъ вѣка сего безуміемъ, то, съ другой стороны, и мудрость вѣка сего была въ очахъ Божіихъ суетой („осутились въ умствованіяхъ своихъ“), пустотой, „невѣже-

<sup>1)</sup> 1 Кор. 1, 21—31.

ствомъ". Слѣдовательно двѣ мудрости, небесная и мірская, какъ противоположныя по самому существу своему, не могли слиться воедино, и Провозвѣстникъ небесной мудрости, естественно, обратился прежде всего къ умамъ, свободнымъ отъ надменной мудрости міра, простымъ, открытымъ для Божія глагола („избралъ немудрое міра“). При этомъ, фактомъ обращенія къ простымъ умамъ предотвращалась столь свойственная грѣшному человѣчеству кичливость ума: такъ какъ мірская мудрость, соединившись съ мудростію Божіей, устремилась бы по грѣховности своей стать на мѣсто мудрости Божіей, себѣ приписать истины, сообщенныя Богомъ, къ своей силѣ отнести распространеніе и утвержденіе ихъ въ человѣчествѣ; другими словами, въ человѣчествѣ явилось бы стремленіе къ обожествленію себя, возникъ бы грѣхъ, подобный первородному... „Но Богъ избралъ немудрое міра, чтобы посрамить мудрыхъ, и немощное міра избралъ Богъ, чтобы посрамить сильное; и незнатное міра и уничиженное и ничего незначущее избралъ Богъ, чтобы упразднить значущее; для того, чтобы никакая плоть не хвалилась предъ Богомъ.... чтобы было, какъ написано, хвалящійся хвались Господомъ“.

Основываясь на библейской точкѣ зрѣнія, мы утверждаемъ, что и способность цѣлыхъ народовъ скоро усвоить и возможно-полно осуществлять евангельскую нравственность не находится въ прямой, необходимой зависимости отъ тѣлеснаго здоровья этихъ народовъ; не тѣлесная крѣпость, а извѣстный духовный строй, извѣстная духовная приспособленность служитъ причиною того, что евангельскія истины скорѣе и глубже проникали и проникаютъ въ одинъ народъ, чѣмъ въ другой <sup>1)</sup>).

Въ подтвержденіе этого положенія мы приведемъ свидѣтельство исторіи о духовномъ строѣ славянъ, которые, воспринявши Христово ученіе, одни только въ чистотѣ сохранили его <sup>2)</sup>).

1) Различная степень приспособленности къ евангельскимъ истинамъ зависитъ въ свою очередь отъ большей или меньшей степени удаленія извѣстнаго народа отъ Бога, отъ большей или меньшей грѣховности его.

2) Понятное дѣло, что въ отношеніи къ воспринчивости Христова ученія мы не можемъ, подобно проф. Чижу, поставить наряду съ славянами германскія племена, утратившія чистоту этого ученія.

„Имъ (славянамъ),—говоритъ М. Каррьеръ,—доселѣ чужды и смѣло-проторгающійся духъ германцевъ, и непосѣдная жажда новизны кельтійскихъ племенъ, ведущіе то къ завоевательнымъ походамъ, то къ революціямъ: они берутся за оружіе только въ оборону роднаго края, а не для того, чтобы ратнымъ дѣломъ жить и промыслять. Въ то время какъ германцы разрушали западную римскую имперію, славяне медленно вдвигались въ предѣлы восточной; вплоть до самой Эллады окрестили они рѣки и горы новыми названіями, а императорскій тронъ въ Византіи все-таки еще оставался нерушимъ“<sup>1)</sup>. Они миролюбивы и склонны къ осѣдлой жизни. „Мнѣніе Гердера, будто они предназначены владѣть землею, имѣетъ тотъ смыслъ, что они земледѣльцы по рожденію; не городъ, какъ у грековъ и римлянъ, не крѣпостца и однодворокъ, какъ у кельтовъ и германцевъ, но цѣлая деревня, сельскій міръ,—вотъ что лежитъ въ основѣ ихъ общественнаго быта“...<sup>2)</sup>. Они кротки и общительны (семейственны). Копитаръ сказалъ не даромъ: „глубокое чувство семейнаго счастья и общесемейной заботы, имя твое—славянинъ!“<sup>3)</sup>. Такимъ образомъ кротость и миролюбіе—вотъ существенныя черты славянъ, сдѣлавшія ихъ болѣе другихъ народовъ способными усвоить небесное ученіе, исполненное любви и мира.

Не съ другой, а только съ вышеуказанной точки зрѣнія мы можемъ объяснить себѣ и тотъ фактъ, что нѣкоторые народы и племена не скоро воспринимаютъ евангельское ученіе, а нѣкоторые крайнимъ развращеніемъ своимъ и совсѣмъ подавляютъ въ себѣ способность къ воспринятію его; при этомъ тѣлесная организація извѣстнаго народа можетъ быть крѣпка и мощна<sup>4)</sup>. Для большей обоснованности своей точки зрѣнія, мы приведемъ на память древній міръ, который не внималъ вразумленіямъ Господнимъ (пренебрегалъ Духа Господня) и истребленъ былъ потопомъ за свое великое развращеніе. Какъ

1) Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры и идеалы человѣчества. Соч. Морица Каррера. Т. III. 243. стр.

2) Ibid. 244 стр.

3) Ibid. 245 стр.

4) Впрочемъ мы не упускаемъ изъ виду, что безнравственность въ концѣ концовъ непремѣнно приводитъ и къ тѣлесному вырожденію.

мощно было тѣлесное развитіе этого грѣшнаго міра, объ этомъ свидѣтельствуесть Библія: „въ то время были на землѣ исполины, особенно же съ того времени, какъ сыны Божіи стали входить къ дочерямъ человѣческимъ, и онѣ стали раждать имъ. Это сильные, издревле славные люди“ (Быт. 6, 4). На этотъ же избытокъ тѣлеснаго развитія могутъ указывать и слѣдующія слова Господа: „не вѣчно Духу Моему быть пренебрегаемому человѣками (сими), потому что они плоть“ (Быт. 6, 3). Приведемъ также на память обитателей земли Ханаанской, которые изгнаны были Богомъ отъ лица евреевъ. Когда мужи, посланные Моисеемъ изъ пустыни Фаранъ для осмотра обѣтованной земли, возвратились по исполненіи порученія, то начали распускать (кромя І. Навина и Халева) худую молву о землѣ той, говоря: „земля, которую проходили мы для осмотра, есть земля, поядающая живущихъ на ней, и весь народъ, который видѣли мы среди ея, люди великорослые. Тамъ видѣли мы и исполиновъ, сыновъ Энаковыхъ, отъ исполинскаго рода; и мы были въ глазахъ нашихъ предъ ними, какъ саранча; такими же были мы и въ глазахъ ихъ“ (Числ. 13, 33—34). Во Второзаконіи Моисей внушаетъ израильтянамъ: „слушай, Израиль, ты теперь идешь за Іорданъ, чтобы пойти, овладѣть народами, которые больше и сильнѣе тебя, городами большими съ укрѣпленіями до небесъ, народомъ (великимъ), многочисленнымъ и великорослымъ, сынами Энаковыми, о которыхъ ты знаешь и слышалъ: кто устоитъ противъ сыновъ Энаковыхъ?...“ (9 гл. 1—2 ст.). Но эти сильные народы, эти исполины были чужды нравственной жизни и изгнаны изъ своей земли „за нечестіе и беззаконія“.

Такимъ образомъ, съ одной стороны, не здоровье тѣла дѣлаетъ того или другаго человѣка, тотъ или другой народъ способнымъ усвоить евангельскую нравственность, а здоровье духа, т. е. нѣкоторая предрасположенность, нѣкоторая близость его къ духу евангельскаго ученія; здоровый же духъ (здоровый—въ указанномъ смыслѣ) можетъ быть и въ больномъ тѣлѣ. Если же, съ другой стороны, здоровое тѣло и способствуетъ болѣе удобному и болѣе широкому осуществленію человѣкомъ нравственныхъ истинъ, то—не само по себѣ, а подъ условіемъ

здоровья духа; въ случаѣ же болѣзненности послѣдняго, т. е. отчужденности отъ духа ученія Христова, здоровое тѣло является только орудіемъ для болѣе удобнаго и болѣе широкаго служенія грѣху,—хотя при этомъ въ концѣ концовъ оно должно выродиться и наложить, такъ сказать, на духъ болѣе крѣпкія узы, которыя сдѣлаютъ человѣка еще болѣе тупымъ въ нравственномъ смыслѣ. Отсюда слѣдуетъ, что положеніе проф. Чижа: „нравственность пропорціональна здоровью нервной системы“ имѣетъ очень узкій смыслъ, говоря только то, что тамъ, гдѣ нервная система нездорова влѣдствіе безнравственной жизни (самого нервно-больнаго или его предковъ), тамъ нервной болѣзненности соотвѣтствуетъ и извѣстная степень нравственной тупости; но ничуть не означаетъ это положеніе, что всегда и во всѣхъ случаяхъ болѣзненное состояніе нервовъ сопровождается упадкомъ нравственности, а тѣмъ болѣе не означаетъ того, что чѣмъ здоровѣе нервная система, тѣмъ чело-вѣкъ или извѣстный народъ непремѣнно нравственнѣе. Если проф. Чижъ и заявляетъ, что его положеніе подтверждается исторіей всѣхъ народовъ, то это не больше, какъ недоразумѣніе: совмѣстное состояніе здоровья и нравственности или болѣзненности и безнравственности подало медику поводъ нравственность выводить изъ здоровья, между тѣмъ,—какъ если не принимать во вниманіе тѣ случаи, когда по особенному смотрѣнію Промысла нравственные люди подвергаются болѣзнямъ, а тѣла безнравственныхъ еще не успѣли выродиться,—здоровье слѣдуетъ выводить изъ нравственности (Исх. 20, 12; Исх. 15, 26; Втор. 7, 12. 15; 1 Петр. 3, 10; 1 Тим. 4, 8; Иоан. 5, 14)! Плодомъ такого же недоразумѣнія является и слѣдующее положеніе: „вырожденіе и вымираніе народа прежде всего выражается упадкомъ его въ нравственномъ отношеніи“. Не „выражается“—скажемъ мы съ своей стороны, а начинается: не послѣ того и не вслѣдствіе того падаетъ нравственность, что тѣлесный организмъ народа началъ вырождаться, а упадокъ нравственности въ концѣ концовъ долженъ привести къ вырожденію и въ этомъ смыслѣ можетъ считаться началомъ вырожденія.

Неудачна и ссылка профессора Чижа на здравый смыслъ на-

родовъ,—ссылка, которую онъ приводитъ послѣ прямыхъ своихъ аргументовъ изъ исторіи. Этотъ смыслъ, по профессору, „всегда понималъ ближайшую, непосредственную связь между здоровьемъ и нравственностью, выдѣляя этику и медицину въ одно, и ставилъ ихъ подъ охрану религіи, поручалъ однимъ и тѣмъ же лицамъ заботу какъ о своемъ здоровьѣ, такъ и о своей нравственности.“ Ошибка здѣсь заключается въ томъ, что народу приписывается философская точка зрѣнія, стоя на которой, онъ, будто-бы, считаетъ этику отдѣльною отъ религіи, ставить ее въ связь съ медициной и ту и другую ввѣряетъ охранѣ религіи. Но кому же не извѣстно, что этика для какого угодно народа составляетъ одно съ религіей, являясь подъ формою повелѣній и запрещеній религіи, какъ практическая сторона послѣдней! Что же касается медицины, то народъ, ставя ее въ связь съ нравственностью и религіей вмѣстѣ, выражаетъ этимъ ту мысль, что залогъ здоровья заключается не въ медицинѣ самой по себѣ, а въ религіозно-нравственной жизни, и что если уклоненіе отъ этой жизни, т. е. въ сущности уклоненіе отъ Бога, ведетъ къ болѣзни, то и выздоровленіе невозможно безъ возвращенія къ Богу и безъ Его воздѣйствія на больного—обыкновенно при посредствѣ медицины.

Не останавливаясь на преувеличенной оцѣнкѣ профессоромъ дѣятельности врачей,—оцѣнкѣ, вполне соответствующей выясненной выше точкѣ зрѣнія профессора и, кромѣ того, упускающей изъ виду свободную волю человѣка <sup>1)</sup>, мы скажемъ немного по адресу д-ра Н. Пясковскаго, который, такъ сказать, отъ тѣлеснаго здоровья галилейскихъ рыбаковъ беретъ доказательство факта Воскресенія Господа Иисуса Христа. Не отрицая значенія этого доказательства въ дѣлѣ защиты факта Воскресенія противъ тѣхъ отрицателей, которые считаютъ Воскресеніе Господа лишь плодомъ разстроенной нервной си-

<sup>1)</sup> «Мы, врачи, сохраняя и улучшая здоровье общества, тѣмъ самымъ работаемъ для нравственнаго совершенствованія человѣчества; улучшеніе физическаго здоровья освящаетъ, дѣлаетъ самою высокою нашу дѣятельность: мы не только избавляемъ людей отъ физическихъ страданій, увеличиваемъ ихъ физическія наслажденія, но вмѣстѣ съ тѣмъ способствуемъ ихъ нравственному и духовному совершенствованію».

стемы Его учениковъ, мы однакоже утверждаемъ, что д-ръ Н. Пясковскій слишкомъ преувеличилъ значеніе тѣлеснаго здоровья св. Апостоловъ. Если крайняя осторожность Апостоловъ въ дѣлѣ признанія дѣйствительности факта Воскресенія Господа и свидѣтельствуемъ о нормальности (съ медицинской точки зрѣнія) ихъ психическихъ процессовъ, вытекающей изъ здоровья нервовъ, то ужь никакъ не отъ этого здоровья зависятъ та сила духа Апостоловъ, та безпредѣльная любовь къ Богу и людямъ, которая „вела ихъ радостно и свободно на всевозможныя ужаснѣйшія страданія и мученическую смерть, безъ малѣйшаго страха или иного какого либо психическаго аффекта“. Всякій христіанинъ знаетъ, что эта сила вселилась въ нихъ вмѣстѣ съ Духомъ Святымъ, по обѣтованію Господа Иисуса Христа: „вы примете силу, когда сойдетъ на васъ Духъ Святой; и будете мнѣ свидѣтелями въ Иерусалимѣ и во всей Иудеѣ и Самаріи, и даже до края земли“ (Дѣян. 1, 8.) Чтобы, такъ сказать, нагляднѣе убѣдиться въ этомъ, стоитъ сравнить ту силу св. Апостоловъ, которую они восприняли по сошествіи на нихъ Св. Духа, съ духовнымъ состояніемъ ихъ до этого сошествія. Если силою Духа Святаго они просвѣтили небесною мудростію и покорили Христу весь міръ, не смотря на всяческія препятствія, угрозы и мученія, то до воспринятія этой силы они по временамъ обнаруживали недостатокъ вѣры (Мат. 8, 26; 14, 31; Мар. 16, 14; Лука 9, 41; 24, 25), непониманіе тайны искупленія (Мар. 8, 33) и страхъ предъ врагами Христа (Мат. 26, 56; 26, 69—75; Іоан. 20, 19). Они—эти лучшіе люди въ древнемъ человѣчествѣ, съ дѣтскими, отверстыми для небесной истины сердцами—причастны были общечеловѣческой грѣховности и немощности естества и не могли выполнить возложенную на нихъ задачу—просвѣтить міръ—безъ возрожденія отъ Духа Святаго. Потому-то съ точки зрѣнія небесной мудрости они являются до своего возрожденія немощными („немощное міра избра Богъ“) и самая вѣра ихъ въ своего Учителя, какъ въ Сына Божія, признается происшедшею не отъ плоти и крови (Мат. 16, 16—17)... Да и вообще, по слову Божію, „плоть и кровь не могутъ наследовать царствія Божія“ (1 Кор. 15, 50); а потому, предлагая

доказательство Воскресенія Иисуса Христа отъ плоти и крови, не слѣдуетъ преувеличивать его значенія, <sup>1)</sup> слѣдуетъ помнить, что Всевѣдущій Богъ зреть не на плоть, а на сердце человѣка, что для Его всемогущества легко и удобно и немощную плоть сдѣлать здоровою. Вспомнимъ Марію Магдалину, „изъ неяже изгна (Господь) семь бѣсовъ“ (Мар. 16, 9): какъ бы ни объясняли медики болѣзнь этой страдалицы, <sup>2)</sup> несомнѣнно одно, что нервы ея были крайне истерзаны, но Господь, „испытующій сердца и внутренности“ (Апок. 2, 23), исцѣлилъ ее и, мало того, поставилъ эту бывшую нервно-больную первой непосредственной свидѣтельницей Своего воскресенія (Мар. 16, 9)... Ублажимъ тако терпящія и прославимъ Милосердаго Бога, Который не изгоняетъ изъ Своего царствія и больныхъ людей и вообще судить не такъ, какъ люди. „Не суть бо совѣти Мои, якоже совѣти ваши, ниже якоже путіе ваши, путіе Мои, глаголетъ Господь. Но якоже отстоитъ небо отъ земли, тако отстоитъ путь Мой отъ путей вашихъ. и помышленія вапа отъ мысли Моея“ (Ис. 55, 8—9).

*А. Вечтомовъ.*

---

<sup>1)</sup> Имѣемъ въ виду выраженія д-ра Н. Пясковскаго: «она (рѣчь проф. Чижа) неминуемо должна вызвать пріятное чувство среди нашихъ ученыхъ богослововъ»... «для христіанскаго богослова эта рѣчь является прекраснымъ матерьяломъ, по нѣкоторымъ вопросамъ апологетики»... «читатель пойметъ важность вышеприведенныхъ мѣстъ (разумѣются «характерныя» мѣста) изъ рѣчи профессора Чижа»...

<sup>2)</sup> Мы же понимаемъ эту болѣзнь такъ, какъ даетъ разумѣть Слово Божіе.

---

## УЧЕНІЕ КАНТА О РАДИКАЛЬНОМЪ ЗЛѢ.

(Окончаніе \*).

По общепринятому опредѣленію, воля есть способность стремленій и желаній вообще, какъ разумъ есть способность понятій, разумъ—идей и т. п. Какъ такая, воля есть только динамическая способность, не содержащая въ себѣ ничего, кромѣ формальной способности желаній. Чтобы сдѣлаться реальною, воля нуждается въ объектѣ, который становится предметомъ желанія и овладѣваетъ имъ. Объектами этими могутъ быть какъ умственные представленія, такъ и ощущенія и дѣйствительные внѣшніе предметы, вызывающіе какую-либо потребность. Однако воля не безусловно дѣлаетъ своимъ объектомъ желаемый предметъ, не безусловно желаетъ его. У нея остается свобода выбора между разными желаніями, такъ что воля не сразу, не вдругъ склоняется въ сторону извѣстнаго побужденія, а послѣ нѣкотораго выбора между разными побужденіями, въ чемъ состоитъ свобода воли. Психологически свобода обнаруживается всякій разъ, когда предъ сознаниемъ одновременно появляется нѣсколько побужденій, которыя прежде нужно уравнивать, чѣмъ начать дѣйствовать. Тѣмъ не менѣе свобода не есть произволь, лишенный мотивовъ, *liberum arbitrium indifferentiae*, по мнѣнію индетерминистовъ. Она—не абсолютная свобода, а „способность уравнивать внутренніе мотивы сознаниемъ своей независимости. Свободное дѣйствіе отражается въ созна-

---

\*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» 1891 г., № 15.

ни слѣдующимъ образомъ: я сознаю себя влекущимся по известному направленію, сознаю и свою свободу, желаю ее сохранить и поэтому удерживаю влеченіе, а потомъ уже произвольно рѣшаю, остаться ли въ покоѣ, или дѣйствовать согласно сознанному стремленію“ (Фуилъе).

Но какъ опредѣляетъ свободу Кантъ? Еще въ Критикѣ чистаго разума, разрѣшая третью антиномію космологической идеи <sup>1)</sup>, Кантъ говоритъ: „подъ свободою я разумѣю способность самопроизвольно начинать состояніе: она не предполагаетъ новой причины, которая опредѣляла бы ее во времени“ <sup>2)</sup>. Исходя изъ этой основной мысли, Кантъ, затѣмъ, двояко опредѣляетъ свободу: и положительно, и отрицательно. Въ положительномъ смыслѣ свобода есть трансцендентальная идея, динамическое понятіе, *arbitrium liberum* <sup>3)</sup>, абсолютная самопроизвольность <sup>4)</sup>, сверхчувственный предметъ категоріи причинности <sup>5)</sup>, способность и причинность разума (воли) дѣйствовать такъ, чтобы принципъ дѣйствій соображался съ существеннымъ свойствомъ разумныхъ причинъ <sup>6)</sup>. Поэтому свобода не представляема для эмпирическаго сознанія, понятіе о ней заимствуется изъ чистаго разума; она свойство вещи самой въ себѣ и доставляетъ познаніе о сверхчувственномъ порядкѣ и связи <sup>7)</sup>. Въ отрицательномъ же смыслѣ свобода есть совершенная независимость отъ природнаго закона явленій <sup>8)</sup> и отъ всего чувственнаго міра <sup>9)</sup>, склонностей и потребностей <sup>10)</sup>, отъ всякаго содержанія и всякаго объекта желанія <sup>11)</sup>; такъ что за отвлеченіемъ всякаго содержанія опредѣляющее осно-

1) Нѣтъ свободы, но все совершается въ мірѣ по законамъ природы, и есть свобода, такъ какъ не всѣ явленія могутъ быть объяснены изъ причинности законовъ природы.

2) 423—424 с.

3) Ibid. 425, 593.

4) Крит. практ. разума 42, 108 ср. Прологомены къ метаф. 136.

5) Пред. къ метаф. нравовъ 5 с.

6) Метаф. пр. 103.

7) Кр. пр. раз. 96, 114; ср. Метаф. пр. 91, 99; кр. ч. раз. 427, 443.

8) Кр. пр. раз. 15, 16.

9) Ibid. 191, ср. кр. ч. раз. 424.

10) Кр. пр. раз. 136; ср. Метаф. 99.

11) Кр. пр. раз. 22, 122.

ваніе воли есть чистая законодательная форма долженствованія (Sollen) <sup>1)</sup>. Впрочемъ эти отрицательныя и положительныя опредѣленія воли по существу не различаются между собою, ибо если предполагается свобода воли, какъ причинность начинать рядъ независимыхъ дѣйствій, то тѣмъ самымъ доказано, что свобода есть причинность по особымъ законамъ, откуда непосредственно вытекаетъ понятіе долга или моральнаго закона <sup>2)</sup>; и наоборотъ: если изъ опредѣляющихъ основаній свободы исключается всякое эмпирическое содержаніе, то тѣмъ самымъ предполагается, что свобода владѣетъ самозакондательствомъ относительно самой себя. Слѣдовательно, откуда бы мы ни начали, опредѣленіе воли остается тождественнымъ, не выражающимъ въ положительной формѣ болѣе того, что дается въ отрицательной.

Это понятіе умопостигаемой свободы есть прѣтоу *φεῦδος* Канта, откуда слѣдуютъ всѣ его ошибки въ ученіи о добрѣ и злѣ. Конечно, съ своей строго дуалистической точки зрѣнія, различающей въ человѣкѣ ноуменальную и феноменальную стороны бытія, Кантъ былъ правъ, говоря о такой свободѣ, относящейся къ области ноуменовъ. Но человѣкъ не есть ноумень только и его дѣйствія не опредѣляются только ноуменальными причинами, а прежде всего эмпирическое существо, дѣйствующее по условіямъ опытнаго существованія, гдѣ совершается реальное добро и зло. Вѣрно, что путемъ абстрактнаго мышленія можно прійти къ понятію трансцендентальной или формальной свободы, но какое она имѣетъ значеніе при разсужденіи о нравственныхъ свойствахъ эмпирической личности? „Душа, справедливо сказала Спиноза, не можетъ имѣть безусловной способности желать или не желать, но она опредѣляется къ тому или другому желанію какою-либо причиною“. Поэтому формальная свобода есть только способность произвола или возможность слѣдовать или отвергать всякое побужденіе къ дѣйствию, откуда бы оно (побужденіе) ни шло: отвне или изнутри насъ. Но опредѣляя такъ эту свободу, мы не

<sup>1)</sup> Ibid. 16, 33 и др.

<sup>2)</sup> Метаф. нр. 88—89.

даемъ о ней никакого положительнаго понятія, тѣмъ болѣе не вводимъ ее въ качествѣ объясняющаго основанія дѣйствительныхъ поступковъ человѣка. Для насъ она по-прежнему остается *liberum arbitrium indifferentiae*. Свобода, насколько она фактически обнаруживается, всегда есть свобода реальная, т. е. свобода самоопредѣляющаяся по извѣстнымъ побужденіямъ. А такъ какъ здѣсь мы говоримъ объ этической или моральной свободѣ, то послѣднимъ и единственнымъ побужденіемъ ея всегда является представленіе добра въ самомъ общемъ значеніи этого слова, или сознаніе нравственнаго закона, опредѣленнаго не только по формѣ, но и по содержанію. Въ этомъ смыслѣ реальную свободу можно не иначе опредѣлить, какъ согласіемъ индивидуальной воли съ волею Бога и Его закономъ, т. е. какъ теonomію: *Deo servire vera libertas*. „Сила самоопредѣленія, замѣчаетъ Роте, вовсе не то-же, что называется дѣйствительною реальною свободою. Послѣдняя тождественна съ нравственною необходимостью, такъ что свобода и необходимость не образуютъ никакого логическаго противорѣчія: свободѣ противоположно принужденіе, необходимости—случайность“<sup>1)</sup>. Однако, находя единственное основаніе этой свободы въ волѣ Бога, т. е. опредѣляя ее какъ теonomію, мы тѣмъ самымъ не лишаемъ ее существеннаго признака свободы въ выборѣ между разными побужденіями; ибо свобода и подѣ законами Бога, которые не дѣйствуютъ принуждающимъ образомъ, свободна въ своихъ рѣшеніяхъ и можетъ какъ исполнять, такъ и не исполнять велѣнія Бога. Ничто не можетъ уничтожить свободу, какъ бы сильно ни было вліяніе на человѣка, и потому, если мы называемъ кого-либо несвободнымъ, то въ томъ смыслѣ, что онъ подчиненъ грѣховнымъ склонностямъ вмѣсто того, чтобы укрѣплять свою свободу чрезъ свободу въ Богѣ. При такомъ представленіи свободы намъ вполне понятна исторія грѣхопаденія человѣка, какъ она разсказана въ библіи, и не только понятна, но и вполне согласна съ разумомъ, насколько эта исторія соотвѣтствуетъ нравственному сознанію человѣка.

<sup>1)</sup> Theolog. Ethik I, 359 s., ср. Христ. уч. о нрав. Мартенсена I, 118.

Возвращаясь снова къ Канту, мы видимъ, что онъ признаетъ только одну формальную свободу, какъ абсолютную самопроизвольность, безусловную автономію воли. Правда, Кантъ утверждаетъ, что свобода подчинена моральному закону и что воля становится не свободною, когда она слѣдуетъ эмпирическимъ побужденіямъ. Даже болѣе того: Кантъ съ особенною силою настаиваетъ на мысли, что нравственный законъ есть *ratio cognoscendi* свободы, то, посредствомъ чего мы познаемъ свободу и дѣйствительно бываемъ свободными. Но спрашивается, что такое нравственный законъ по Канту, гдѣ его начало и каково его содержаніе? Кантъ говоритъ, что сама свобода есть *ratio essendi* этого закона, такъ что начало его, чтобы не лишить его значенія автономнаго закона, нельзя искать нигдѣ, кромѣ свободы. Что же касается содержанія закона, то Кантъ безусловно отвергаетъ таковое и считаетъ „безусловное согласіе максимъ поведенія съ законодательною формою практическаго разума“ достаточнымъ побужденіемъ для воли человѣка. Форма всеобщности закона по нему—вотъ безусловный моральный принципъ свободы. Но тутъ-то и начинаются самыя важныя затрудненія. Если понятіе формальной свободы (умопостигаемой) еще допустимо *in abstracto*, то этого ни какъ нельзя сказать о законодательномъ значеніи формы. Форма закона, какъ форма, такъ и остается формою безъ всякаго вліянія на волю. Еще, пожалуй, выраженіе: законодательная форма имѣетъ нѣкоторый смыслъ въ разсужденіи о божественной волѣ, насколько, вслѣдствіе абсолютнаго совершенства божественной свободы, форма свободы неотдѣлима отъ содержанія и содержаніе есть сама форма. Въ отношеніи же человѣка форма не болѣе значить, чѣмъ выраженіе: всѣ должны быть согласны и именно согласны въ томъ; въ чемъ они согласны, т. е. всѣ должны желать того, чего желаютъ другіе, а эти другіе опять того, чего желаютъ всѣ; совершенно такъ же, какъ, по ученію Лейбница, всякая монада, какъ чистая способность представленія, представляетъ всякую другую монаду; а такъ какъ сущность всякой монады состоитъ въ представленіи, то всякая монада представляетъ представленіе другихъ монадъ, а эти опять представленіе другихъ и т. д. <sup>1)</sup> Слѣдовательно форма никогда не

<sup>1)</sup> Cf. Lehmann, Ueber Kants Principien d. Ethik, 67—68 ss.

можетъ быть принципомъ воли, ибо здѣсь не рѣшено, въ чемъ люди должны быть согласны между собою и по какимъ мотивамъ (что составляетъ содержаніе). Форма есть только общій масштабъ, по которому измѣряется согласіе или несогласіе отдѣльнаго поступка со всеобщимъ нравственнымъ закономъ, но самъ этотъ законъ долженъ быть данъ напередъ съ строго опредѣленнымъ содержаніемъ, обязательнымъ и понятнымъ для каждаго, какое содержаніе и дѣлаетъ форму тѣмъ, что она есть. Нѣтъ дѣйствія безъ цѣли, слѣдовательно нѣтъ и формальныхъ побужденій. Пусть даже свобода, какъ учитъ Кантъ, есть фактъ умопостигаемый, *ens extramundatum*, и тогда свобода не понятна безъ побужденій и не можетъ обнаружиться безъ мотивовъ. Гдѣ мотивы—тамъ и свобода, а гдѣ нѣтъ мотивовъ, тамъ нѣтъ воли, нѣтъ вообще ничего, а умозрительная форма, — простая возможность, принимать которую въ качествѣ принципа моральнаго поведенія человѣка есть несомнѣнное заблужденіе. Понятіе мотива непременно должно входить въ представленіе дѣйствій свободы, будетъ ли это эгоизмъ или любовь, въ самомъ общемъ значеніи этихъ словъ.

Но допустимъ, что трансцендентальная (формальная) свобода не есть только фактъ умозрѣнія, но и реальный фактъ пракческаго разума, т. е. предположимъ, что событія, происшедшія въ области трансцендентальной свободы, отражаются и въ дѣйствительномъ мірѣ. Какія логически отсюда вытекаютъ слѣдствія? Безъ сомнѣнія тогда нужно признать человѣка или равнымъ Богу по свободѣ, или безусловно злымъ, подобно діаволу, если однажды свобода къ добру потеряна. Если воля человѣка безусловно автономная, если нравственный законъ есть собственное произведеніе свободы, и если человѣкъ безъ содѣйствія благодати свободно долженъ и можетъ быть святымъ; то человѣкъ есть творецъ и законодатель всей нравственности, единственный совершитель нравственнаго міропорядка и образователь царства Божія, которое есть тотъ же міропорядокъ. По крайней мѣрѣ тогда участіе Бога въ завершеніи моральнаго плана бытія представляется излишнимъ: все человѣкъ принялъ на себя и осуществляетъ собственными силами. На лучшій конецъ Богъ тогда есть *Deus ex machina*, безвольный

и инертный зритель всего совершающагося, до чего Ему нѣтъ никакого дѣла. Мѣсто Его заступилъ автократоръ—человѣкъ и вытѣснилъ Его въ поднебесныя сферы, гдѣ Онъ предается абсолютному покою. Но если, съ другой стороны, человѣкъ самовольно палъ и въ самомъ корнѣ извратилъ свою первоначально добрую волю, если побужденія зла стали максимами его свободы и если зло вообще восторжествовало и побѣдило добро, то человѣкъ обратился въ діавола, и ему нѣтъ надежды на спасеніе. Въ трансцендентальной области можетъ быть или только добро, или зло. Никакого временнаго состоянія тамъ допустить невозможно, ибо время есть условіе аргіогі опыта и составляетъ только форму познанія въ опытѣ. Слѣдовательно, что однажды произошло въ трансцендентальной области, то субстанціально всегда одинаково и никогда не можетъ быть измѣнено. Какъ субстанція „при всякой смѣнѣ явленій остается одною и тою же“<sup>1)</sup>; такъ и трансцендентальная свобода, какъ субстанція, или всегда одна и та-же, или, измѣнившись въ собственномъ существѣ, становится свободою ко злу, и иною уже быть не можетъ. Стало быть теперь человѣкъ абсолютно злой, и потому, когда Кантъ называетъ человѣка радикально, а не абсолютно злымъ, то это противорѣчитъ его собственнымъ опредѣленіямъ воли, ибо абсолютная воля или абсолютно добра или абсолютно зла, насколько то и другое свойство есть ея собственный актъ, независимый отъ какихъ бы то ни было постороннихъ для воли побужденій.

Можно также прійти къ заключенію объ абсолютной не свободѣ человѣка, выходя изъ понятія трансцендентальной свободы. Дѣло въ томъ, какъ понимать трансцендентальный актъ свободы и какое вліяніе приписывать умопостигаемому характеру на обнаруженія эмпирическаго характера, т. е. на каждый поступокъ въ отдѣльности. Если трансцендентальный актъ свободы къ добру или ко злу, какъ стоящій внѣ временной зависимости, совершенъ первоначально въ умопостигаемомъ порядкѣ существованія и есть, поэтому, актъ вѣчный, то трансцендентальная свобода—безусловная необходимость. Она

<sup>1)</sup> Критика чист. разума. 169 с.

есть, была и продолжаетъ быть тѣмъ, въ чемъ первоначально обнаружился актъ свободы. Отсюда недалеко до ученія о безусловномъ предопредѣленіи, и если Кантъ не дошелъ до него, то потому, что оно слишкомъ замѣтно противорѣчило его автономной нравственности, хотя элементы этого ученія были скрыты въ понятіи трансцендентальной свободы. А если, далѣе, умопостигаемый характеръ обуславливаетъ собою эмпирическій, то какъ сохранить ученіе о свободѣ каждаго поступка въ отдѣльности? Кантъ говоритъ: „всякій злой поступокъ, когда изслѣдуется его первоначало въ разумѣ, должно разсматривать такъ, какъ будто человѣкъ непосредственно очутился въ немъ изъ состоянія невинности“ <sup>1)</sup>. Но онъ же говоритъ: „разумъ (разсудочный характеръ) присущъ всѣмъ дѣйствіямъ человѣка при всѣхъ обстоятельствахъ времени, но самъ не находится во времени и не можетъ оказаться въ какомъ-либо новомъ состояніи, въ которомъ прежде не былъ; онъ опредѣляетъ его, но самъ не опредѣляется имъ... Другой разсудочный характеръ и казался бы въ другомъ опытномъ“ <sup>2)</sup>, „такъ какъ разсудочный міръ содержитъ въ себѣ основаніе чувственнаго міра, значить, и законовъ его“ <sup>3)</sup>. Отсюда Кантъ совершенно послѣдовательно называетъ зло неистребимымъ фактомъ въ человѣческой природѣ, ея прирожденнымъ свойствомъ, относящимся къ характеру человѣческаго рода. Какъ же послѣ того смотрѣть на отдѣльный поступокъ и на все эмпирическое поведеніе человѣка вообще? Вмѣняемо ли оно или нѣтъ? Если вмѣняемо, то почему? Неужели человѣкъ долженъ быть отвѣтственнымъ за то, что, такъ сказать, совершается съ роковою необходимостью, въ силу его умопостигаемаго добраго или злого характера, о которомъ онъ даже (въ противоположность идеямъ Платона) не сохранилъ воспоминанія и до познанія котораго онъ доходитъ только путемъ тонкой логической абстракціи? Неужели и теперь еще серьезно можно утверждать, что человѣкъ самъ виновникъ всякаго добра и всякаго зла, когда

1) Die Religion. 425.

2) Критика чист. разума. 438 с. Ср. 427—428 и Прологомены 135—140 с.

3) Метафизика пр. 97 ср. Кр. практ. раз. 105—107.

онъ безъ вѣдома для себя въ многочисленныхъ поступкахъ обнаруживаетъ только то, каковъ его характеръ первоначально? Не лучше ли вмѣстѣ съ Кальвиномъ раздѣлить всѣхъ людей на вѣчно predeterminedъ ко спасенію и predeterminedъ къ гибели? Но, можетъ быть, Кантъ какъ-нибудь обошелъ этотъ трудный вопросъ, такъ что въ его системѣ, не смотря на predeterminedъ вліяніе умопостигаемаго характера, эмпирической все-таки остается свободнымъ? Но въ томъ-то и дѣло, что Кантъ оставилъ этотъ вопросъ не разрешеннымъ, дуалистически отдѣливши къ тому же noumenальную сторону бытія отъ феноменальной. Мы не говоримъ уже здѣсь о логической несостоятельности, по принципамъ критики чистаго разума, этого ученія о вліяніи умопостигаемаго характера на эмпирической,—что собственно относится къ критикѣ метафизическихъ началъ философіи Канта,—насколько умопостигаемый характеръ, какъ познаваемый a priori и находящійся внѣ условій времени, не можетъ быть обусловливаемъ временемъ; слѣдовательно, какъ и всякій принципъ a priori, дающій формальное единство познанію въ опытѣ, не можетъ опредѣлять собою эмпирическаго характера, который существуетъ во времени и внѣ его не имѣетъ смысла.

Еще одно слѣдствіе, не маловажное для объясненія существующаго зла, вытекаетъ изъ понятія трансцендентальной свободы. Если эта свобода—фактъ, то Кантъ правъ, предполагая, что каждый повторялъ и постоянно повторяетъ исторію грѣхопаденія перваго человѣка. А такъ какъ въ опытномъ существованіи нельзя указать ни одного такого состоянія, когда бы мы были безусловно свободны отъ грѣха, то отсюда—дальнѣйшее слѣдствіе, что паденіе совершилось въ предвременномъ, непостижимомъ для насъ актѣ свободы (теорія предсуществованія душъ).—Не касаясь здѣсь вопроса о томъ, согласна ли, или не согласна теорія предвременнаго паденія душъ съ общими принципами разума,—обратимъ вниманіе на тѣ практическіе выводы, какіе слѣдуютъ изъ этого ученія о добрѣ и злѣ. Если каждый палъ отдѣльно и не причастенъ грѣху другихъ, то каждый также долженъ отдѣльно отъ другихъ достигать своего спасенія, если оно возможно. Мало того: тогда все чело-

вѣщество распадается на отдѣльные атомы, независимыя единицы, между которыми нѣтъ никакой зависимости въ смыслѣ нравственнаго воздѣйствія другъ на друга. Каждый живетъ и нравственно развивается самъ по себѣ, не испытывая и не оказывая вліянія на другихъ. Но какъ тогда возможно образование царства Божія, которое, по словамъ Канта, есть такое всеобщее этическое состояніе по нравственнымъ законамъ, гдѣ всѣ подчиняются общему законодательству и всѣ признаютъ законы заповѣдями одного общаго законодателя? <sup>1)</sup> Формальный категорическій императивъ, очевидно, не въ состояніи объединить разрозненныхъ личностей, ибо онъ только изолируетъ человѣка въ его собственной сферѣ, и хотя нормируетъ его волю посредствомъ строгой заповѣди обязанности, но не производитъ добродѣтели, т. е. силы добра и не дозволяетъ, чтобы совершенство достигнутое одними вліяло на другихъ <sup>2)</sup>. Съ другой стороны, если принять ученіе о предвременномъ паденіи душъ, то мы близки къ основному положенію детерминизма, что дѣйствіе исходитъ изъ бытія: *operari sequitur esse*. Правда, Кантъ колеблется между признаніемъ *operari sequitur esse* и ему противоположнымъ *esse sequitur operari*, насколько у этого философа природа человѣческая одновременно считается и радикально злою и сохранившею абсолютную свободу къ добру. Но это опять непоследовательность дуалистическаго раздѣленія существа человѣка между радикально противоположными принципами добрымъ и злымъ. И Кантъ не могъ избѣжать этого страннаго противорѣчія, усвоивши пелагианское воззрѣніе, что родъ человѣческій не согрѣшилъ въ Адамѣ, хотя мы и не рождаемся невинными. Въ самомъ дѣлѣ, если мы не причастны грѣху Адама, то о нашей нравственной природѣ можно только сказать *operari sequitur esse*, а если грѣхъ перваго человѣка перешелъ и на насъ, тогда вмѣстѣ съ этимъ положеніемъ имѣетъ значеніе и *esse sequitur operari*. Человѣкъ никогда не стоитъ особнякомъ отъ другихъ людей, но составляетъ органическій членъ своего рода, находя-

<sup>1)</sup> Die Religion... 102—103 ss.

<sup>2)</sup> Ср. Kant's Pelagianismus und Nomismus. Hoehne. 17 s.

щійся въ непрерывномъ взаимоотношеніи съ другими, и еще отъ рожденія имѣеть опредѣленные задатки, такъ сказать, врожденный характеръ, который укрѣпляется или ослабѣваетъ подѣ влияніемъ послѣдующихъ опытовъ жизни. Однако здѣсь не дѣйствуетъ какое-либо неотвратимое принужденіе, фатальная необходимость, но свободное употребленіе силъ и средствъ, способствующихъ нравственному развитію, такъ что въ власти человѣка дать окончательное формированіе своему нравственному характеру. И не изъ предсуществующаго міра человѣкъ приходитъ сюда такимъ, какимъ онъ становится послѣ, а дѣлается такимъ или инымъ соотвѣтственно направленію своей свободы. Вотъ почему одинаково справедливо, что человѣкъ есть то, что онъ есть (*esse*) и чѣмъ онъ самъ сталъ и становится (*operari*), а не послѣднее только, что слѣдуетъ изъ понятія умопостигаемой свободы <sup>1)</sup>.

Такимъ образомъ понятіе трансцендентальной свободы не пригодно для объясненія реального, или морального зла. Оно даетъ или слишкомъ много, приводя къ отождествленію человека съ злымъ духомъ, или слишкомъ мало, не объясняя, какъ возможно зло въ дѣйствительной жизни. Лучшее доказательство тому представляетъ самъ Кантъ. Какъ ни строгъ его ригоризмъ, сколько ни доказываетъ онъ, что одна только форма закона, принятаго въ максимумъ поступка, даетъ ему моральное достоинство, тѣмъ не менѣе Кантъ не рѣдко измѣняетъ ригористическому образу мыслей и приближается къ отвергаемому имъ синкретизму. Противоположность между чистымъ разумомъ и натуральными склонностями не такого рода, чтобы можно было совершенно исключать эти склонности изъ принциповъ, опредѣляющихъ волю. По крайней мѣрѣ временное существованіе человека, въ которомъ натуральныя склонности необходимо принадлежатъ къ его свойствамъ, не даетъ права на подобное исключеніе. Какъ скоро же разъ допущено значеніе склонностей, то ригоризмъ, опирающійся въ послѣднемъ основаніи на безусловное волеопредѣляющее „должно“, становится очень сомнительнымъ. Дѣйствительно, ослабленіе ригоризма

1) Ср. Noehne, *op. cit.* 36—37 ss.

мы видимъ уже тамъ, гдѣ Кантъ касается поводовъ ко злу въ настоящемъ эмпирическомъ существованіи человѣка. Такъ, опредѣляя склонность ко злу, Кантъ называетъ ее и приобретенною, и прирожденною, составляющею свойство человѣческой природы, *Gattungscharakter*. Но что это, какъ не измѣна ригоризму? Если въ области морали все есть произведеніе автономной воли, то откуда еще прирожденная, т. е. натуральная склонность? Чувствуя непослѣдовательность, Кантъ, правда, сейчасъ же прибавляетъ: склонность къ добру или злу называется прирожденною въ томъ смыслѣ, что она предваряетъ опытное употребленіе свободы и представляется существующею въ человѣкѣ отъ рожденія, хотя рожденіе и не причина ея. <sup>1)</sup> Однако затрудненіе отъ этого не уменьшается. Пусть склонность—произведеніе каждаго, но какъ она сдѣлалась характеристическимъ признакомъ человѣческой природы? Вѣдь человѣчество не имѣетъ общей воли, посредствомъ которой могла бы быть произведена общая всѣмъ склонность! Кантъ можетъ отвѣтить ссылкой на общее паденіе душъ, но тогда не будутъ ли жалкою иллюзіею мечты о добрѣ?—Разъ сдѣлавши уступку ригоризму, Кантъ постоянно начинаетъ измѣнять ему. Онъ даже, какъ мы знаемъ, различаетъ разныя степени злой наклонности: слабость, нечистоту и порочность человѣческаго сердца, и допускаетъ, что человѣкъ случайно отклонился отъ моральнаго закона. Вотъ его слова: „положеніе: человѣкъ—злой значитъ не что иное, какъ то, что онъ сознаетъ въ себѣ моральный законъ и однако принялъ случайное (*gelegentlichliche*) отклоненіе отъ него въ свою максиму“ <sup>2)</sup>. Многозначительно здѣсь это *gelegentlichliche Abweichung* и эти различныя степени злой наклонности, ибо если зло есть случайное явленіе въ человѣческомъ родѣ, то оно не необходимо и не радикально; а если, кромѣ злой воли, есть разныя злыя наклонности, то зло не совсѣмъ овладѣло человѣкомъ и воля его не радикально злая. Что такое сужденіе составляетъ полное противорѣчіе въ формальной системѣ Канта, это очевидно само собою. Итакъ въ чемъ, въ концѣ концовъ,

1) Die Religion 205.

2) Ibid. 323.

по мнѣнію Канта, начало зла? Два условія принадлежатъ къ существу человѣческой природы: чувственность и разумъ. Въ какомъ изъ нихъ корень зла? „Нельзя поставятъ начало зла, какъ существуетъ обыкновеніе, въ одной чувственности и возникающихъ отсюда натуральныхъ склонностяхъ, ибо чувственность даетъ слишкомъ мало и, уничтожая побудительныя причины, возникающія изъ свободы, дѣлаетъ человѣческую природу скотскою“. Но нельзя также видѣть начало зла въ одномъ извращенномъ разумѣ, ибо тогда разумъ былъ бы окончательно отпавшимъ отъ моральнаго закона, злобно избирающимъ противоположныя нравственности максимы, и человѣкъ сдѣлался бы дьяволомъ <sup>1)</sup>. Такимъ образомъ, если нельзя поставятъ начало зла ни въ чувственности, ни въ разумѣ самихъ въ себѣ, то нужно искать его въ соединеніи разныхъ побужденій. Человѣкъ именно принимаетъ въ свою максиму какъ чувствительныя, такъ и моральныя побужденія, такъ что его нравственное состояніе не есть состояніе абсолютной опредѣленности. Таковъ естественный, хотя и противорѣчивый ригоризму, выводъ изъ словъ Канта. Однако Кантъ, чтобы спасти послѣдовательность системы, прикрывается формою подчиненія между собою побужденій нравственнаго закона и чувственности. По нему, поступокъ будетъ радикально злымъ, когда, вмѣсто побужденій изъ нравственнаго долга, въ верховную максиму принимаются побужденія чувственности. Но какъ возможно, что послѣднія побужденія побѣждаютъ побужденія моральныя и становятся верховными максимами, да и какъ вообще возможенъ нравственный ригоризмъ, если чувствительныя (натуральныя) склонности могутъ возбуждать наравнѣ съ моральнымъ закономъ къ дѣйствию волю?

Но если тутъ измѣна ригоризму прикрыта формою подчиненія максимъ, за то она со всею очевидностью выступаетъ въ ученіи Канта о первоначальномъ побужденіи къ добру въ человѣческой природѣ. Отвергнувши взглядъ синкретистовъ, какъ противорѣчивый, по которому человѣкъ въ однихъ отношеніяхъ добръ, а въ другихъ—злой, и показавши, что не можетъ быть

<sup>1)</sup> Die Religion 355.

никакой моральной средине <sup>1)</sup>, Кантъ неизбежно долженъ былъ прійти къ заключенію, что человѣкъ или безусловно добръ, или безусловно злой. Если же онъ остановился на второмъ положеніи и защищаетъ его при помощи всѣхъ основоположеній критики практическаго разума, то долженъ былъ рѣшительно отвергнуть существованіе добра въ человѣкѣ. Конечно, въ этомъ случаѣ ученіе Канта было бы блестящимъ парадоксомъ, но зато послѣдовательно и цѣлостно.—Однако, въ чемъ Кантъ полагаетъ это первоначальное побужденіе (*residuum, divina potentia*) къ добру? Какъ намъ уже извѣстно, это побужденіе троякаго рода: побужденіе къ животности, человѣчности и личности <sup>2)</sup>. Въ нихъ скрыто сѣмя добра въ его первоначальной чистотѣ и пребываетъ неистребимымъ и не поврежденнымъ <sup>3)</sup>. Вѣрно ли это?

Не останавливаясь уже на томъ, что сказанное здѣсь о побужденіяхъ къ животности и человѣчности находится въ полномъ противорѣчій съ ученіемъ о матеріальныхъ принципахъ воли <sup>4)</sup>, мы сопоставимъ только то, что Кантъ самъ говоритъ объ этихъ склонностяхъ. Побужденіе къ добру, въ смыслѣ Канта, должно быть добрымъ во всѣхъ случаяхъ. Переходъ одного и того-же побужденія отъ добра ко злу, если оно первоначально, постоянно и принадлежитъ къ возможности человѣческой природы, по меньшей мѣрѣ кажется страннымъ. Кромѣ того, побужденіе, какъ побужденіе, не есть даже опредѣленная, постоянная способность, всегда равная себѣ и дѣйствующая всегда въ одинаковомъ направленіи; это—неопредѣленное влеченіе, позывъ, направленіе котораго главнымъ образомъ зависитъ отъ рѣшенія воли и затѣмъ отъ интереса разума и чувственной потребности, насколько она вліяетъ на рѣшенія воли. Не удивительно послѣ того, что побужденіе, безразличное въ себѣ, склоняется то на сторону добра, то на сторону зла, но не само по себѣ, а при участіи названныхъ факторовъ. „Физическое самолюбіе“, напримѣръ, требующее сохраненія собственной инди-

1) Die Religion... 20—21, 55.

2) Die Religion... 255.

3) Ibid. 475.

4) Метаф. пр. 28—30 с., ср. Кр. пр. раз. 1—17 с., Die Religion 195.

видуальной жизни, легко переступаетъ предѣлы законности и изъ добраго становится злымъ. По собственному выраженію Канта, къ нему могутъ быть привиты разные пороки „грубости природы“, которые, съ возрастаніемъ ихъ силы, называются скотскими пороками: объяденія, пьянства, сладострастія и грубой беззаконности. Точно также „разумное самолюбіе“, сравнивающее собственное счастье съ счастьемъ другихъ, не свободно отъ многихъ пороковъ. Ревность, развивающаяся здѣсь, очень часто переходитъ въ явную или тайную вражду къ другимъ. Если даже ревность самолюбія, какъ утверждаетъ Кантъ, есть могущественное побужденіе къ культурѣ, то развѣ культура сама по себѣ непременно составляетъ нравственное добро, непременно указываетъ на возвышеніе нравственнаго уровня человѣчества? Не находится ли, наоборотъ, часто умственное и эстетическое образованіе человѣка въ разладѣ съ его религіозными и нравственными убѣжденіями? Очевидно, здѣсь нѣтъ достаточнаго признака, по которому бы развитіе въ одномъ отношеніи непременно сопровождалось развитіемъ въ другомъ. Культура свидѣтельствуетъ только объ успѣхахъ человѣческаго ума, но не нравственности <sup>1)</sup>. Самъ Кантъ соединяетъ съ культурою многіе пороки, которые онъ называетъ дьявольскими пороками, какъ то: зависть, неблагодарность и злорадство.

Слѣдовательно, физическое и разумное самолюбіе нельзя считать первоначальнымъ побужденіемъ въ человѣкѣ къ добру. Возможность соединенія съ нимъ зла ставитъ такому признанію неодолимая затрудненія. Остается, поэтому, единственною склонностью къ добру побужденіе къ личности, или восприимчивость уваженія къ моральному закону, какъ принципу воли. Къ нему, по Канту, не можетъ быть привито никакое зло; такъ что это побужденіе къ личности—всеобщее—практическое начало, всегда доброе и способное только къ добру. Но тутъ возникаетъ недоразумѣніе съ другой стороны, именно со стороны неопредѣленности этого побужденія и неполноты опредѣленія личности.

<sup>1)</sup> Ср. Христ. ученіе о нравств. Мартенсена, I, 6 с.

Какъ побужденіе къ личности, какъ способность воспринимать уваженіе къ нравственному закону, это природное побужденіе представляетъ не болѣе, какъ простую способность къ свободѣ или способность къ направленію воли посредствомъ представленія закона. Оно и не воля, и не нравственное чувство, которое есть уваженіе къ нравственному закону <sup>1)</sup>, а первоначальная возможность, потенциальное свойство человѣка проникаться уваженіемъ къ закону. Итакъ, мы въ правѣ опять спросить: почему непременно такое свойство нужно считать первоначально добрымъ? Какъ способность, какъ потенція, оно, безъ сомнѣнія, ни доброе, ни злое, а можетъ быть тѣмъ и другимъ, смотря потому, куда направлена наша воля. Ставить воля своею цѣлью осуществленіе моральнаго закона, и это потенциальное чувство уваженія къ закону доброе; обратилась же воля въ сторону дурныхъ побужденій,—и оно (свойство) сдѣлалось дурнымъ. Однимъ словомъ, все зависитъ отъ рѣшеній воли. „Если же подъ побужденіемъ къ добру разумѣть нѣчто большее, чѣмъ эту способность къ нравственному опредѣленію; если оно не побужденіе къ нравственному, а нравственно-доброму, какъ думаетъ Кантъ, то оно становится добрымъ характеромъ, чѣмъ-то прибрѣтеннымъ посредствомъ собственнаго нравственнаго дѣла, и не есть уже побужденіе“ <sup>2)</sup>. Впрочемъ, какъ бы тамъ ни было, но первоначальное побужденіе къ добру не есть самое добро, и первоначальная способность уважать законъ не значитъ, что этотъ законъ будетъ непременно исполненъ. Чтобы быть дѣйствительнымъ добромъ, оно должно быть реализировано личностью, и чтобы нравственный законъ не остался мертвою буквою, онъ долженъ быть исполненъ. Но что такое личность по Канту и какія она имѣетъ побужденія къ исполненію закона?

По точному пониманію Канта, личность есть свобода и независимость отъ механизма всей природы <sup>3)</sup>, или идея моральнаго закона съ неотдѣлимымъ отъ него уваженіемъ, какъ идея

1) Критика пр. раз. 54 с.

2) Pinner D. Religionslehre Kant's. 595.

3) Крит. пр. раз. 93 с.

человѣчества, разсматриваемая интеллектуально <sup>1)</sup>). То-же, почему мы принимаемъ это уваженіе въ свои максимы, субъективное основаніе къ тому есть, такъ сказать, прибавленіе къ личности и должно быть названо побужденіемъ. Корень личности—безусловный законодательный разумъ <sup>2)</sup>). Значить, выражаясь языкомъ Канта, личность есть автономная воля или практической разумъ, который, будучи условіемъ личности, и дѣлаетъ ее личностью. Все же, что не коренится въ этой волѣ, что не достовѣрно, какъ практической разумъ, не существенно для понятія личности и есть не болѣе, какъ прибавленіе въ опредѣленіи ея. Человѣкъ есть субъектъ нравственнаго закона святаго въ силу автономіи его свободы, вслѣдствіе чего человѣкъ никогда не можетъ быть употребляемъ какъ средство, а всегда какъ цѣль самъ по себѣ. Только чрезъ законъ Богъ и человѣкъ—личности <sup>3)</sup>). Недостаточность опредѣленія личности требуетъ восполненія. Несомнѣнно, что нравственный законъ принадлежитъ къ существеннымъ условіямъ личности, безъ чего личность не могла бы быть моральною личностью. Все же нельзя сказать, чтобы личность человѣческая безусловно воплощалась или въ разумѣ, или въ чувствѣ, или въ волѣ. Она даже не все это вмѣстѣ: она имѣетъ эти способности, не будучи тождественной съ ними. Личность есть основная форма духа, какъ такого (Фихте) и обнаруживается въ тождествѣ самосознанія и самоопредѣленія, но такъ однако, что это тожество не самъ создаетъ человѣкъ, но находитъ его даннымъ для себя отвнѣ и только развиваетъ его и сохраняетъ. Отправляясь отъ этой мысли, человѣкъ возвышается до Богосознанія и въ Богѣ полагаетъ себя, какъ опредѣленную личность. Слѣдовательно, человѣческой личности свойственно не только сознаніе своей тождественности, независимости и свободной самоопредѣляемости, но также и религиозное сознаніе своей зависимости отъ Бога, въ Которомъ и

---

1) Die Religion. 275

2) Ibid.

3) Кр. пр. раз. 93 с.

черезъ Котораго реализуется личность <sup>1)</sup>. *Persona est quam personat Deus.*

Отожествивши понятіе личности съ практическимъ разумомъ, Кантъ и средства для возстановленія въ добръ находятъ въ томъ-же разумѣ, этомъ идолѣ, фетишѣ критической философіи, по выраженію Шопенгауэра. „Ты долженъ быть добрымъ, слѣдовательно и можешь“,—вотъ послѣднее слово моральной религіи Канта. И сколько бы мы ни изслѣдовали чистую способность разума, всегда получимъ въ заключеніи одно и то же, ибо въ чистомъ разумѣ, кромѣ безусловнаго долга, нѣтъ ничего; долгъ есть то, посредствомъ чего мы становимся святыми и что убѣждаетъ насъ въ возможности этой святости, ибо долгъ повелѣваетъ только то, что необходимо должно быть. Его требованія безусловны и, какъ такія, указываютъ на ихъ безусловную исполнимость. Нѣтъ нужды, что мы не понимаемъ, какъ происходитъ то, что должное становится дѣйствительнымъ, но это аподиктический фактъ моральнаго сознанія, которое свидѣтельствуетъ непогрѣшимо. Тутъ своего рода ругъ; въ доказательствѣ, гдѣ одна мысль утверждается на другой и служить основаніемъ третьей и гдѣ, значитъ, нельзя выкинуть ни одного звена изъ этой замкнутой въ себѣ цѣпи мыслей.

Совершенно справедливо, что долгъ „высокое и великое имя, вызывающее уваженіе къ себѣ, предъ которымъ всѣ склонности умолкаютъ“ <sup>2)</sup>. Долгъ безконечно возвышаетъ достоинство человека надъ остальнымъ міромъ, и самъ есть божественное начало въ насъ, соединяющее насъ съ Богомъ. Все же долгъ не есть абсолютная сила, безусловная власть, подчиняющая себѣ всякую иную силу, ибо долгъ „не всегда исполняется и ему, хотя втайнѣ, противодѣйствуютъ склонности“ <sup>3)</sup>. Съ одной стороны я слышу безусловное велѣніе долга, заповѣдующее мнѣ морально-чистое поведеніе; съ другой—я чувствую слабость въ исполненіи долга, ибо онъ выше моихъ теперешнихъ, ослабленныхъ грѣхомъ, силъ.—Съ одной стороны отъ меня требуетъ

<sup>1)</sup> См. блестящее изложеніе этой мысли въ Догматикѣ Шлейермахера.

<sup>2)</sup> Критика пр. р. 92 с.

<sup>3)</sup> Ibid.

ся, чтобы я былъ добрымъ во всѣхъ отношеніяхъ; съ другой— я замѣчаю, что я не таковъ. „Скажите, говоритъ І. Миллеръ, человѣку во имя практическаго закона: ты долженъ быть святымъ въ каждый моментъ своей жизни, слѣдовательно, ты можешь быть такимъ и въ этотъ моментъ; то онъ отвѣтитъ: конечно, я долженъ, но я не могу“<sup>1)</sup>. Такимъ образомъ съ понятіемъ долга у насъ непремѣнно соединяется практическая антиномія, которую, слѣдуя Канту, мы можемъ выразить въ слѣдующей формѣ. Тезисъ: ты долженъ поступать соотвѣтственно долгу; антитезисъ: ты не можешь исполнить долга, потому что имѣешь наклонности. Или тезисъ: ты долженъ быть святымъ, потому что законъ святъ; антитезисъ: но не можешь, потому что ты радикально злой<sup>2)</sup>. Какъ выпутаться изъ этихъ антиномій? Въ какомъ высшемъ синтезѣ ихъ объединить? Кантъ не рѣшилъ этого вопроса и даже не ставитъ его, хотя онъ непосредственно слѣдуетъ изъ основоположеній его критической философіи, такъ что одна возможность подобной антиноміи ставить долгъ, какъ спасающее средство, въ разрядъ проблематическихъ понятій, которыхъ тезисъ и антитезисъ имѣютъ равную вѣроятность. Будь человѣкъ только добрымъ или злымъ, наша антиномія сдѣлалась бы невозможною. Тогда очевидно было бы, что съ принятіемъ тезиса теряетъ смыслъ антитезисъ, и наоборотъ. Но до тѣхъ поръ, пока воля человѣка подвержена разнымъ побужденіямъ, пока на наши поступки дѣйствуютъ нравственный законъ и склонности, до тѣхъ поръ, безъ допущенія благодатной помощи, антиномія не разрѣшима и подвергается сомнѣнію безусловную исполнимость требованій моральнаго долга. „Абсолютный нравственный законъ, прекрасно говоритъ Роте, предполагаетъ совершенно иной нравственный міръ, чѣмъ тотъ, въ которомъ мы имѣемъ разрѣшить нашу нравственную задачу, именно міръ безусловно нормальный; тогда какъ мы въ самомъ лучшемъ случаѣ движемся въ относительно нормальномъ. Затѣмъ абсолютный законъ предполагаетъ такой нравственный субъектъ, какого мы въ себѣ не

1) Lehre v. der Sünde II, 116 s.

2) Ср. антиномія теоретическаго разума (въ Критикѣ чист. раз.).

знаемъ, и обращается съ своими требованіями къ неиспорченному сознанию. Мы же не можемъ слѣдовать закону при нашемъ ненормальномъ нравственномъ состояніи (*Ausrüstung*), даже при помощи благодати спасенія, ибо законъ требуетъ абсолютно нормальнаго поступка, а мы можемъ только и при божественной благодати, насколько процессъ спасенія еще не завершился въ насъ вполне, совершать относительно нормальные поступки. Требования этого закона для насъ слишкомъ высоки и слишкомъ трудны; онъ имѣетъ значеніе для Спасителя, но не для спасающихся<sup>1)</sup>. Слѣдовательно, заключеніе отъ „должно“ къ „можно“ есть *petitio principii* и потому невозможно, хотя бы правило: „должно поступать просто извѣстнымъ образомъ,—и представлялось а priori въ качествѣ категорически-практическаго положенія“<sup>2)</sup>, которымъ воля опредѣляется безусловно и непосредственно объективно. Въ логическомъ отношеніи изъ понятія „должно“ вовсе не слѣдуетъ „можно“, но какъ „можно“, такъ и „невозможно“, а въ практическомъ,—въ виду безусловнаго требованія долга и нашего несовершенства, скорѣе послѣднее, чѣмъ первое. Это заключеніе, пожалуй, имѣло бы еще нѣкоторый смыслъ, если бы грѣхъ человѣка состоялъ не въ извращенности его свободы, а только въ недостаточности и слабости силъ въ исполненіи добра. Но если законъ безусловно святъ и если зло—радикальное и, какъ натуральная склонность, не можетъ быть уничтожено человѣческими силами<sup>3)</sup>; то заключеніе должно быть измѣнено такъ: кто хочетъ быть добрымъ, тотъ долженъ желать добра, какъ говоритъ бл. Августинъ: чего ты желаешь, то и имѣешь. Однако, можетъ ли человѣкъ самъ желать только одного добра, въ положеніи не говорится<sup>4)</sup>. Состояніе вопроса нисколько не измѣнится и тогда, когда мы скажемъ съ Фихте: „я могу, потому что я долженъ“, и когда примемъ доказательства этого философа. И у Фихте сознание того, что должно и что я

1) *Theolog. Ethik*, III, 360.

2) Критика пр. р. 18—19 с.

3) *Die Religion...* 37—38, ss.

4) Ср. *Paul. Kant's Lehre v. radic. Bösen* 82—83 ss.

долженъ, есть первое и непосредственное, не нуждающееся ни въ какомъ объясненіи и оправданіи, ибо оно само по себѣ истинно и не можетъ быть обосновано на другой истинѣ, такъ какъ всякая истина только истинна чрезъ него. Если я сознаю цѣль, поставленную мною самимъ и дѣлаю ее объектомъ своего поступка, то я вмѣстѣ съ тѣмъ сознаю и возможность достиженія ея чрезъ мой поступокъ. Оба положенія тождественны, ибо сказать, что я полагаю нѣчто, какъ цѣль, значитъ: я полагаю ее какъ дѣйствительную въ будущемъ времени; но въ дѣйствительности уже предполагается возможность. Слѣдовательно, я долженъ, чтобы не отказаться отъ собственнаго своего существа, предполагать и поставленіе цѣли, и ея исполненіе, ибо здѣсь нѣтъ прежде и послѣ, но абсолютное единство. Это не два акта, но одинъ и тотъ же нераздѣльный актъ—чувства (*Gemüths*) <sup>1)</sup>. Очевидно, что Фихте абстрактное единство принялъ за конкретное и отождествилъ съ нимъ, хотя *in concreto* такого единства двухъ актовъ „можно и должно“ нѣтъ. Если однажды чрезъ умопостигаемую свободу „можно“ сдѣлалось „должно“, т. е. возможность зла стала фактическимъ зломъ и свобода къ добру потеряна, то „можно“ и „должно“ уже не одинъ актъ, а два различные акта, посредствуемые во времени. Абсолютное единство ихъ порвано съ тѣхъ поръ, какъ совершено первое дѣйствіе (*prima electio*) свободы и именно ко злу.

Что касается побужденій къ исполненію нравственнаго закона, чтобы быть намъ добрыми, то такимъ побужденіемъ, по Канту, служить чувство благоговѣнія и уваженія къ закону. Возможно чаще пробуждать въ себѣ чувство возвышенности нашего моральнаго назначенія—вотъ средство возвышенія нравственнаго настроенія и преуспѣянія въ совершенномъ добрѣ. Это чувство воодушевляетъ насъ въ исполненіи обязанностей и, „поелику оно прямо противодѣйствуетъ природной склонности къ извращенію побужденій въ максимахъ нашего произвола“, то возстановляетъ „въ чистотѣ первоначальный нравствен-

<sup>1)</sup> Ueber den Grund unseres Glaubens an eine göttliche Weltregierung. Sämmt. Werke, III, 183 s.

ный порядокъ между побужденіями“<sup>1)</sup>. Оно, „какъ несомнѣнное нравственное побужденіе“<sup>2)</sup>, самое удивительное изъ всѣхъ чувствъ, „которое мы можемъ познать совершенно а priori и постигнуть его необходимость“<sup>3)</sup>. Оно непосредственно указываетъ на нашу связь съ высшимъ міромъ и есть, такъ сказать, пунктъ, гдѣ разумная и чувственная природа конечныхъ существъ взаимно сливаются; божественная искра въ насъ, нелицемѣрное свидѣтельство, что мы—родъ Божій;—такое состояніе, когда созерцаніе и размышленіе переходитъ въ удивленіе и изумленіе<sup>4)</sup>.

Соглашаясь съ мнѣніемъ Канта относительно высокаго достоинства въ нравственной жизни чувства уваженія къ закону, мы все-таки не видимъ причины, почему это чувство обезпечиваетъ исполненіе закона. Можно удивляться высокимъ характерамъ, чувствовать уваженіе къ великимъ людямъ, и въ то-же время не слѣдовать ихъ примѣру. Самъ Кантъ глубоко-мысленно указываетъ на ту особенность чувства уваженія, что „въ немъ заключается такъ мало чувства удовольствія, что можно навязать его человѣку только противъ его воли“<sup>5)</sup>. Но если чувство уваженія возникаетъ противъ нашей воли, то гдѣ доказательство, что оно постоянно будетъ пробуждаться во время непрерывнаго стремленія къ добру? Да и можетъ ли оно быть основою автономной морали, гдѣ имѣютъ безусловное значеніе свобода и свободныя дѣйствія? Еще менѣе чувство уваженія можетъ быть принципомъ, возбуждающимъ волю къ добру. *Video meliora, proboque, deteriora sequor*. Человѣкъ имѣетъ склонности къ добру и злу; внутренній голосъ совѣсти призываетъ его къ исполненію нравственнаго закона, но чувственные наклонности и первоначальный грѣхъ отклоняютъ его въ сторону удовольствія и преступленія закона. Удовольствіе является сильнѣйшимъ побужденіемъ къ дѣйствию, такъ что то, что не соединяется съ удовольствіемъ, что не обѣщаетъ въ

1) Die Religion... 53 s.

2) Критика пр. р. 82 с.

3) Ibid. 76 с.

4) Versuch einer Kritik aller Offenbarung. Fichte. III B. 26, 29, 30 ss.

5) Кр. пр. раз. 80 с.

результатѣ пріятныхъ ощущеній, во многихъ случаяхъ не имѣетъ вліянія на волю. Въ самомъ лучшемъ случаѣ, еслибы добро дѣлалось изъ одного уваженія къ закону, наши поступки были бы только относительно добрыми, и нравственность обратилась бы въ сухой формализмъ, въ бездушное и часто нарушаемое исполненіе обязанностей. Законъ мертвитъ (Гал. 2, 19—21), раздражаетъ (Рим. 4, 15) и не спасаетъ (Ефес. 2, 9). Онъ—подготовительное средство къ высшей нравственности, къ моральному добру, къ совершенному оправданію (Гал. 3, 23—24), которое достигается чрезъ вѣру и любовь. Любовь—исполненіе закона (Рим. 13, 10); она не знаетъ зла и изгоняетъ всѣ чувства, несовмѣстимыя съ совершеннымъ добромъ (1 Иоан. 4, 18). Такимъ образомъ въ качествѣ основы нравственной жизни, вмѣсто уваженія къ формальному закону, должна быть поставлена любовь, какъ принципъ христіанскаго благочестія. И не потому только любовь имѣетъ преимущество предъ всѣми другими побужденіями воли, что она—чувство свободное и свободно развивающееся, но главнымъ образомъ потому, что къ истинной любви не можетъ быть примѣшано ничего злого и грѣховнаго. Она въ собственномъ смыслѣ „божественная искра въ насъ“, неугасимый свѣтъ, согрѣвающий какъ насъ самихъ, такъ и то, что около насъ. Въ этомъ смыслѣ Ап. Іоаннъ говоритъ: Богъ любви есть, и пребывая въ любви въ Бозѣ пребываетъ, и Богъ въ немъ пребываетъ (1 посл. 4, 16).

Понятно, что Кантъ, признавши возможность спасенія для человѣка изъ одного уваженія къ закону, долженъ былъ отвергнуть всякую сверхъестественную помощь благодати въ дѣлѣ спасенія. „Принять, говоритъ онъ, благодатную помощь въ максимумъ разума нельзя ни въ теоріи, ни въ практикѣ“. Понятіе о сверхъестественномъ, какъ такомъ, не дано для нашего теоретическаго разума, употребленіе котораго не идетъ дальше предметовъ опыта и который не имѣетъ никакого достаточнаго знанія объ этой сверхъестественной природѣ. Значить, допущеніе благодатной помощи было бы равносильно уничтоженію собственныхъ, поставленныхъ природою, предѣловъ разума,—возвышенію его надъ самимъ собою. Но и практическій разумъ не знаетъ благодати и не нуждается въ ней: онъ самъ

достаточенъ для возрожденія человѣка. Если и возможно говорить о дѣйствіяхъ благодати, чудесахъ, таинствахъ и другихъ средствахъ, то лишь на столько, на сколько понятіе о нихъ вытекаетъ изъ потребностей разума. Съ этой стороны всѣ эти средства, посредствующія благодатное воздѣйствіе Бога на человѣка, составляютъ *parerga* <sup>1)</sup> религіи въ предѣлахъ чистаго разума. Допуская ихъ, разумъ пріобрѣтаетъ рефлексивную вѣру, которая не претендуетъ на знаніе сверхъестественнаго міра, а довольствуется признаніемъ благодати для восполненія нравственныхъ способностей. Однако принимаемые и въ такомъ значеніи парергоны могутъ оказаться вредными для религіи „добраго образа жизни“. Поэтому, ствергнуть ихъ есть основное требованіе чистаго разума, остающагося при своей моральной религіи. Ихъ мѣсто не здѣсь, а въ религіи „пріобрѣтенія милости“ (культы) <sup>2)</sup>.

*А. Кириловичъ.*

<sup>1)</sup> *Parerga*-то, что граничатъ съ моральною религіею и, не принадлежатъ къ ней, какъ бы прилегаютъ къ ней (Ист. новой философіи Куно-Фишера, т. 4, 387 с.).

<sup>2)</sup> *Die Religion...* 55—56 ss.

# О БЛАГОДѢЯНІЯХЪ

(«De Beneficiis»).

## Л. Аннея Сенеки къ Эбуцію Либералію.

(Продолженіе \*).

### КНИГА V

#### Глава 15.

Что такое благодѣянія, должно ли величіе славнаго имени быть низводимо и на ту грязную и низменную матерію (о которой было говорено выше) <sup>1)</sup>,—это вопросъ, который васъ <sup>2)</sup> не касается: истина отыскивается другими. Вы—обращаете душу—къ подобію истины, и какъ скоро употребляете слово „добродѣтель“, каково бы ни было то, что хвалится именемъ добродѣтели, то (это послѣднее) и чтите!

„Но какъ никого, по вашему (стойковъ) мнѣнію, не бываетъ неблагодарнымъ,—возражаютъ (намъ),—такъ, съ другой стороны,—всѣ оказываются неблагодарными. Ибо, какъ вы говорите,—всѣ неразумные люди—дурны, а кто имѣетъ одинъ порокъ, тотъ имѣетъ ихъ всѣ; но всѣ люди—неразумны и дурны, слѣдовательно—всѣ неблагодарны“ <sup>3)</sup>.

А что же: развѣ не такъ? Развѣ нѣтъ отовсюду упрека че-

---

\*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» 1890 г. № 24.

1) Подъ «грязною и низменною» матерію, очевидно, разумѣются блага—въ собственномъ смыслѣ, т. е. исключительно матеріальныя, а не внутреннія и духовныя.

2) Васъ—разум. обыкновенныхъ людей, толпу. Истина, познаніе о томъ, въ чемъ заключается истинное благо и благотворительность,—можетъ быть доступна однимъ мудрецамъ.

3) Имѣется, очевидно, въ виду извѣстный парадоксъ стойковъ относительно того, что каждый человѣкъ, не достигшій совершенной мудрости, причастенъ всѣмъ порокамъ—въ различныхъ степеняхъ проявленія.

ловѣческому роду, развѣ нѣтъ всеобщей жалобы на то, что благодѣянія пропадаютъ даромъ и что весьма немного такихъ людей, которые не оплачивали бы самымъ дурнымъ образомъ тѣмъ, кто дѣлаетъ имъ добро? Не думай, что это ропотъ, принадлежащій только намъ, стойкамъ,—считающимъ въ высшей степени дурнымъ и развращеннымъ все то, что не подошло подъ норму добродѣтели. Вотъ раздается восклицаніе какого-то неизвѣстнаго мнѣ человѣка, и не принадлежащаго къ семейству философовъ: изъ середины толпы исходитъ голосъ, осуждающій племена и народы:

«Ни гость не бываетъ безопасенъ отъ хозяина,  
 Ни тесть—отъ зятя; рѣдко также бываетъ согласіе между братьями;  
 Мужъ—грозитъ гибелью женѣ, а та—мужу».

еще болѣе страшнымъ представляется слѣдующее: благодѣянія обращены въ преступленія и не оказывается пощады даже крови тѣхъ, за которыхъ надо проливать кровь. Мечемъ и ядами мы вознаграждаемъ за благодѣянія: налагать руку на самую отчизну и угнетать ее своею властью <sup>1)</sup>—есть признакъ могущества и достоинства. Считаетъ себя стоящимъ на ничтожномъ и приниженномъ мѣстѣ всякій, кто не сталъ во главѣ государства. Взятая у этого послѣдняго войска обращаются противъ него же самого и девизомъ полководцевъ служить слѣдующее: „сражайтесь противъ супругъ. сражайтесь противъ дѣтей; нападайте съ оружіемъ на алтари, жертвенники и пелатовъ. Вы, которые прежде не должны были, безъ приказанія Сената <sup>2)</sup>,—входить въ городъ даже для триумфа, и которымъ, при возвращеніи вами побѣдоноснаго войска, внѣ стѣнъ города давалась аудіенція сената,—теперь съ поднятыми знаменами <sup>3)</sup> входите въ городъ, орошенные родною кровью! Пусть

<sup>1)</sup> *«Fascibus suis»*,—букв. связками прутьевъ. Эти связки, носившіяся ликторами предъ высшими чиновниками Рима, служили символами власти.

<sup>2)</sup> Всѣ полководцы, подходившіе къ Риму во главѣ войска, предварительно должны были представляться членамъ сената за стѣнами города, близъ храма Веллоны. Выраженіе *«in jussu Senatus»*—не вполнѣ точно употреблено Сенекой, такъ какъ во времена республики сенатъ не могъ ничего «приказывать (*jubere*); онъ только утверждалъ (*deserbat*) приказанія народа. По всей вѣроятности, авторъ употребилъ это выраженіе, примѣняясь къ обычаямъ своего времени, т. е. эпохи императоровъ, когда народъ уже не издавалъ никакихъ приказаній.

<sup>3)</sup> *Vexillum*—знамя, распускавшееся во время битвы.

среди воинскихъ доспѣховъ замолкнетъ свобода и тотъ народъ, который былъ побѣдителемъ и умиротворителемъ націй,— послѣ далекаго удаленія войскъ и подавленія всякаго страха,—осажденный внутри стѣнъ,—трепещеть своихъ собственныхъ орловъ!<sup>1)</sup>

## Г л а в а 16.

Неблагодаренъ Коріоланъ, поздно и уже послѣ раскаянія въ своемъ преступленіи ставшій богобоязненнымъ. Онъ положилъ оружіе, но положилъ его—среди разоренія отечества (in medio ragicidio)<sup>2)</sup>. Неблагодаренъ Катилина: ему казалось мало овладѣть отечествомъ безъ того, чтобы не разорить его, не наслатъ на него Аллоброгскихъ когортъ<sup>3)</sup>, безъ того, чтобы непріятель, привлеченный изъ-за Альпъ, не насытилъ своей старинной и врожденной ненависти и чтобы римскіе вожди не расплатились на галльскихъ могилахъ за долго бывшія за ними въ долгу поминки<sup>4)</sup>. Неблагодаренъ К. Марій, возведенный на консульство изъ рядовыхъ солдатъ: еслибъ онъ не одобрилъ Римскихъ убійствъ избіеніямъ Кимвровъ и не только не далъ сигнала<sup>5)</sup>, но и самъ не послужилъ сигналомъ для (начала) изгнанія и умерщвленія гражданъ<sup>6)</sup>, то считалъ бы

1) Орлы, какъ извѣстно,—служили знаменемъ римскихъ баталіоновъ.

2) Кней Марцій Коріоланъ, котораго нашъ авторъ приводитъ какъ одинъ изъ примѣровъ неблагодарности, оказалъ сначала самъ не мало услугъ своему отечеству. Но въ 491 г. до Р. X. онъ сдѣлалъ попытку уничтожить должность народныхъ трибуновъ, за что и былъ осужденъ на изгнаніе. Пылая мщеніемъ, Коріоланъ, во главѣ Экровъ и Вольсковъ, подступилъ къ самому Риму, предварительно разграбивъ и опустошивъ его окрестности. Только усиленная просьба женской депутаціи, во главѣ которой были мать и жена Коріолана, убѣдила его пощадить родной городъ (Plut. «Vita Coriolani» и T. Livii II, 35).

3) Извѣстный заговорщикъ Катилина, какъ извѣстно, между прочимъ, привлекъ къ участию въ своемъ заговорѣ галльское племя Аллоброговъ, обитавшее въ бассейнѣ р. Роны.

4) Т. е. Катилина какъ бы желалъ, чтобы Римскіе вожди были убиты Аллоброгами, какъ жертвы мщенія, на могилахъ древнихъ Галловъ, осажавшихъ нѣкогда Римъ и побитыхъ знаменитымъ Камилломъ. Эти Галльскія могилы (busta gallica) находились среди города, въ третьей или четвертой его части. Обычай умерщвлять враговъ на могилахъ павшихъ воиновъ и этою кровью унижествлять души убитыхъ—весьма древній. Такъ, напр., въ Илиадѣ повѣствуется о томъ, какъ на могилахъ Патрокла было убито 12 Троянскихъ юношей (Ilias. XXI, 26).

5) Т. е. далъ воинскій сигналъ—идти въ Римъ и начинать грабежъ.

6) Извѣстно, что самое появленіе Марія на улицахъ Рима служило сигналомъ

участь свою мало перемѣнившееся и обращенною въ ея преж-  
нее состояніе.

Неблагодаренъ Л. Сулла, уврачевавшій отечество средствами болѣе тяжкими, чѣмъ были самыя опасности. Прощедши отъ Пренестинской крѣпости до Коллинскихъ воротъ по человѣческой крови, онъ произвелъ въ городѣ другія сраженія, другія убійства. Собравъ въ тѣсномъ пространствѣ два легіона, онъ умертвилъ ихъ—послѣ побѣды,—что представляется жестокостію,—послѣ честнаго слова,— что представляется беззаконіемъ, и выдумалъ проскрипціи <sup>1)</sup>. Великіе боги! Кто умерщвлялъ римскихъ гражданъ, тотъ получилъ безопасность, день-ги,—только что не гражданскій вѣнецъ! <sup>2)</sup>.

Неблагодаренъ Кп. Помпей: въ благодарность республикѣ за три консульства, за три триумфа, за столько почетныхъ должностей, въ которыя онъ вступалъ, по большей части, ранѣе надлежащаго времени, онъ воздалъ тѣмъ, что ввелъ во владѣніе его и другихъ лицъ, какъ бы желая отклонить отъ своей власти ненависть тѣмъ, что многимъ становилось дозволеннымъ

---

къ началу кровопролитнѣйшей рѣзни. Кому изъ встрѣчныхъ онъ не отвѣчалъ на привѣтствіе, тотъ былъ немедленно убиваемъ (Aug. De civit. Dei III). Такимъ образомъ избіеніе Римскихъ гражданъ, устроенное Маріемъ, по кровопролитію и жестокости равнялось избіенію Кимвровъ, которое доставило тому же Марію знаменитость и воинскую славу.

1) Луцій Корнелій Сулла (род. 138 г. до Р. Х.) сначала служилъ нѣкоторое время подъ начальствомъ Марія, но впослѣдствіи вступилъ съ нимъ въ борьбу и вынужденъ былъ оставить Римъ. Послѣ смерти Марія Сулла поселился въ Италію, гдѣ, тѣмъ временемъ, противъ него образовалась сильная партія. Послѣ тщетной попытки примиренія партій онъ съ войскомъ двинулся къ Риму; въ 82 году—разбилъ своего противника, Марія младшаго, и осадилъ городъ Пренесту (въ 20 м. отъ Рима). Затѣмъ, послѣ кровопролитной битвы подъ самымъ Римомъ, у такъ наз. воротъ Коллинскихъ, онъ овладѣлъ столицей. На Марсовомъ холмѣ у храма Беллоны, онъ приказалъ, на глазахъ сената, загнать два побѣжденныхъ легіона въ какое-то огороженное пространство (по однимъ *ovile*, по другимъ *villa publica*) и безъ всякаго сожалѣнія изрубить ихъ въ то время, какъ самъ произносилъ рѣчь. Въ видѣ контрибуціи съ побѣжденныхъ враговъ было взыскано 2 таланта. Самъ Сулла принялъ званіе диктатора и окружилъ себя различными почестями. Въ самый Римъ онъ вступилъ въ ноябрѣ 82 г. и тогда же получили свое начало тѣ ужасныя проскрипціи, жертвою которыхъ сдѣлались тысячи гражданъ. Сдѣлавъ нѣкоторыя важныя преобразованія и возвративъ потрясенному государству порядокъ и спокойствіе, Сулла сложилъ диктатуру и остатокъ дней своихъ провелъ въ мирныхъ занятіяхъ (ум. 78 г.) (Plut. Sull. 36).

2) *Corona civica* давалась, обыкновенно, за спасеніе жизни гражданина.

то, чего нельзя было позволять никому. Стремясь къ чрезвычайнымъ полномочіямъ, по своему выбору раздавая провинціи и раздѣливъ государство съ третьимъ лицомъ такимъ образомъ, что двѣ части оставались, все-таки, во владѣніи его собственнаго семейства<sup>1)</sup>, онъ довелъ римскій народъ до такого положенія, что тотъ могъ сохранить свое существованіе только цѣною рабства<sup>2)</sup>.

Неблагодаренъ и самъ врагъ и побѣдитель Помпея, введшій войну изъ Галліи и Германіи въ Римъ<sup>3)</sup>. И этотъ другъ черни, этотъ любимецъ престопаюдья, расположилъ лагерь во Фламиніевомъ циркѣ<sup>4)</sup>—ближе, чѣмъ былъ лагерь Порсенны!<sup>5)</sup> Правда, онъ умѣрилъ право и жестокость побѣды, исполнилъ то, о чемъ обыкновенно говорилъ: не убивалъ никого, кромѣ вооруженныхъ. Но что же? Другіе съ большею кровожадностію дѣйствовали оружіемъ, однако, насытившись, наконецъ бросали его, а этотъ скоро влагалъ мечъ въ ножны, но никогда не полагалъ его<sup>6)</sup>.

1) Кн. Помпей, прозванный Великимъ,—род. въ 106 г. до Р. Х. Имѣя всего только 25 лѣтъ отъ роду, онъ уже былъ привѣтствованъ войскомъ, какъ полководецъ. Желая еще болѣе упрочить свое положеніе, онъ постарался тѣсно сблизиться съ Цезаремъ и Крассомъ, откуда возникъ такъ-называемый «тріумvirатъ». Вскорѣ между Цезаремъ и Помпеемъ завязались и родственныя узы—черезъ бракъ послѣдняго на дочери перваго, вслѣдствіе чего связь между двумя тріумвирами закрѣпилась еще болѣе. Имѣя въ виду семейныя связи между Помпеемъ и Цезаремъ, нашъ авторъ и замѣчаетъ, что во владѣніи семейства Помпея находились двѣ части государства (*in sua domo duae partes essent*).

2) Такъ, напр., Помпею были вручены чрезвычайныя средства и полномочія для веденія войны съ вилкійскими морскими разбойниками, наводившими ужасъ на все Средиземное море. Послѣ низверженія Помпея безпорядки въ Римѣ окончились, какъ извѣстно, только диктатурою Цезаря.

3) Раз. К. Ю. Цезарь.

4) Объ этомъ фактѣ, по свидѣтельству Липсіуса, упоминаетъ только одинъ Сенека. Нигдѣ нѣтъ указаній на то, чтобы Цезарь расположилъ съ враждебною цѣлю свой лагерь во Фламиніевомъ циркѣ, т. е. одномъ изъ Римскихъ кварталовъ, названномъ такъ по имени цирка, построеннаго въ 221 до Р. Х. Впрочемъ самъ Цезарь пишетъ о себѣ, что, размѣстивъ войска въ ближайшихъ провинціяхъ, самъ онъ отправился въ Римъ (*1 Civil.*). По предположенію Липсіуса, приведенное сообщеніе Сенеки надо понимать такъ: Цезарь, по обычаю всѣхъ полководцевъ, представлялся сенату близъ храма Беллоны, находившагося возлѣ Фламиніева цирка, при чемъ поблизости расположились лагерьмъ воины, взятые имъ для собственной охраны.

5) Порсенна, царь Этрусковъ, во 2 году республики напалъ на Римъ и расположилъ свой лагерь на одномъ изъ римскихъ холмовъ, такъ наз. *«Janiculum»*.

6) Цезарь всегда удерживалъ за собою, въ качествѣ диктатора, право употреблять военную силу.

Неблагодаренъ былъ и Антоній въ отношеніи къ своему повелителю, котораго онъ объявилъ убитымъ законно, убійць его разослалъ по провинціямъ (въ качествѣ управителей) и сдѣлалъ начальниками, а отечество, истерзанное проскрипціями, набѣгами и войнами, послѣ столькихъ бѣдствій предоставилъ въ распоряженіе царей—даже и не римскихъ <sup>1)</sup>, дабы оно, возвративъ Ахейцамъ, Родосцамъ и многимъ славнымъ городамъ неприкосновенными ихъ право и свободу съ вольностію, само платило дань эвнухамъ <sup>2)</sup>.

## Г л а в а 17.

Недостанетъ и дня для перечисленія лицъ, въ своей неблагодарности доходившихъ до совершеннаго разоренія отечества! Равнымъ образомъ, будетъ неизмѣримымъ подвигомъ, если я начну обозрѣвать, какъ неблагодарно бывало само государство въ отношеніи къ наилучшимъ и преданнѣйшимъ себѣ людямъ, и какъ оно столь же часто погрѣшало въ отношеніи къ другимъ, сколько другіе погрѣшали въ отношеніи къ нему самому. Оно послало въ изгнаніе Камилла, выслало Сципіона; из-

<sup>1)</sup> М. Автоній (тріумвиръ) (род. 83 до Р. Х.), благодаря Цезарю, получалъ званія авгура, народнаго трибуна и главное командованіе надъ войсками въ Италиі. При Фарсатѣ онъ сражался вмѣстѣ съ Цезаремъ и былъ сдѣланъ *magister equitum*. Впослѣдствіи Антоній сдѣлался консуломъ вмѣстѣ съ Цезаремъ и содѣйствовалъ всѣмъ планамъ этого послѣдняго. Послѣ убійства Цезаря Антоній вскорѣ сумѣлъ воспользоваться обстоятельствами для достиженія своихъ собственныхъ цѣлей. Тѣмъ не менѣе нигдѣ нѣтъ свѣдѣній о томъ, чтобы онъ оффиціально призналъ убійство Цезаря законнымъ. Напротивъ, съ его стороны предпринимались даже нѣкоторыя попытки отмстить за смерть своего патрона. Онъ восхвалялъ подвиги убитаго и произнесъ надъ трупомъ Цезаря сильную рѣчь, чѣмъ старался разжечь ненависть народа къ убійцамъ. По мнѣнію Липсіуса, замѣчаніе Сенеки *«jure caesum prociptiavit»*—есть реторическая фигура для выраженія того, что Антоній не подвергъ убійць открытому преслѣдованію и, такимъ образомъ, какъ бы молчаливо одобрилъ убійство Цезаря. Составивъ, въ союзъ съ Октавіаномъ и Лепидомъ, въ 43 году, новый тріумвиратъ, Антоній произвелъ въ Римѣ безчеловѣчную рѣзню и проскрипціи. Сопедавшись, подъ конецъ своей жизни, съ Египетской царицей Клеопатрой, онъ раздарилъ ей и ея дѣтемъ много римскихъ провинцій и даже сдѣлалъ въ ея пользу завѣщеніе, окончательно возмутьвшее римскій народъ.

<sup>2)</sup> *Tributum spononibus penderet*. Эвнухи, какъ и всюду на Востокѣ были самыми приближенными людьми къ Египетской царицѣ Клеопатрѣ. Такимъ образомъ римскія деньги переходили, главнымъ образомъ, въ распоряженіе египетскихъ эвнуховъ.

гнанъ былъ, послѣ Катилины, Цицеронъ: разорены его пенаты, разграблено имѣніе, словомъ сдѣлано все то, что сдѣлалъ бы Катилина въ случаѣ своей побѣды. Рутилій <sup>1)</sup>, въ награду за свою невинность, долженъ былъ скрываться въ Азіи. Катону римскій народъ (однажды) отказалъ въ претурѣ и совершенно отказалъ въ консульствѣ <sup>2)</sup>. Всѣ мы вообще неблагодарны. Пусть каждый спроситъ себя: не жалуются ли всѣ на чью нибудь неблагодарность? Но не можетъ быть того, чтобы всѣ жаловались, если не надо жаловаться на всѣхъ. Слѣдовательно всѣ неблагодарны. Но только ли? Всѣ и жадны, и злы, и трусливы, и прежде всего (трусливы) тѣ, которые представляются смѣлыми. Прибавь сюда, что всѣ честолюбивы и нечестивы. Но не надо гнѣваться. Прости имъ: они всѣ безумствуютъ! Я не желаю обманывать тебя, говоря: посмотри, какъ неблагодарно юношество! Кто настолько невиненъ, что не желаетъ отцу своему послѣдняго дня, настолько скромнень, что не ожидаетъ его, настолько богобоязненъ, что не думаетъ о немъ? Много ли такихъ людей, которые до такой степени опасались бы смерти своей достойнѣйшей супруги, что даже и не думали бы о ней? У какого подсудимаго, спрашиваю я, которому оказана была защита, воспоминаніе о такомъ важномъ благодѣянніи сохранилось долѣе самыхъ ближайшихъ мгновеній? Всѣмъ извѣстно слѣдующее (явленіе), кто умираетъ безъ жалобы, кто въ послѣдній день жизни рѣшается сказать: „я жилъ и совершилъ тотъ путь, который даровала мнѣ судьба“; кто уходитъ изъ этой жизни, не жалуясь, не сѣтуя? Но не быть довольну прошедшимъ есть также свойство неблагодарнаго. Дней всегда покажется мало, если станешь ихъ считать. Подумай о томъ, что высшее благо заключается не во времени: сколько бы этого послѣдняго ни было—будь

<sup>1)</sup> У Сенеки мы весьма часто встрѣчаемъ упоминаніе объ этомъ Рутиліи. (См. напр., *Consol. ad Marc.* XXII, 2; *De Provid.* с. 3). Это былъ, какъ извѣстно, весьма знаменитый и доблестный мужъ, неопѣненный своимъ отечествомъ. Онъ былъ сосланъ въ М. Азію, въ Смирну, гдѣ подвергался опасности быть убитымъ Митридатомъ. Здѣсь онъ написалъ на греческомъ языкѣ исторію своего народа и на латинскомъ свою біографію. (*Athenaei* 1, 1 и др.). *Ruhkort.*

<sup>2)</sup> Катонъ Углическій, не смотря на свои заслуги отечеству, при соисканіи претуры долженъ былъ уступить нѣкому Вапнію и ни разу не былъ избранъ въ консулы. (*Plut.*)

доволенъ! Ничего не прибавляется къ счастью, если для тебя откладывается день смерти, такъ какъ отъ промедленія жизнь становится не счастливѣе, а только—продолжительнѣе <sup>1)</sup>). Насколько будетъ лучше, воздавая благодарность за полученное удовольствіе, не считать чужихъ годовъ, а высоко цѣнить и признавать за благо свои собственные?—„Богъ призналъ меня достойнымъ этого: этого и достаточно!“ Онъ могъ бы даровать больше?—„Но вѣдь и то (что даровано) есть благодареніе“. Будемъ благодарны богамъ, благодарны людямъ, благодарны тѣмъ, которые что нибудь сдѣлали для насъ самихъ, благодарны и тѣмъ, которые что нибудь сдѣлали и для нашихъ ближнихъ!

### Г л а в а 18.

„Вѣдь ты, возражаютъ намъ, до безконечности обязываешь меня, когда говоришь: „и нашимъ близкимъ“. Положи же какой-нибудь предѣлъ! Кто оказываетъ благодареніе сыну, тотъ оказываетъ, какъ ты говоришь, и отцу его. Но, во-первыхъ,—спрашиваю,—гдѣ начало и конецъ? Затѣмъ я желаю, чтобы мнѣ непременно было разъяснено слѣдующее: если благодареніе (оказываемое сыну) оказывается и отцу, то ужели оно оказывается и брату, и дядѣ (по отцѣ), и дѣду, и женѣ, и тестю? Скажи мнѣ, гдѣ надо остановиться и какъ долго продолжать перечень лицъ? Если я воздѣлаю твое поле, то окажу благодареніе тебѣ, а если потушу пожаръ твоего дома или предотвращу его паденіе, то этимъ не окажу тебѣ благодаренія? Если спасу твоего раба, то окажу тебѣ услугу, а если спасу твоего сына, то за тобой не будетъ моего благодаренія?“

### Г л а в а 19.

Неподходящіе ты предлагаешь примѣры, потому что кто воздѣлываетъ мое поле, тотъ оказываетъ благодареніе не полю, а мнѣ; и кто подпираетъ домъ, чтобы онъ не падалъ, тотъ дѣ-

<sup>1)</sup> Подобныя же мысли о томъ, что для человѣка можетъ имѣть значеніе не продолжительность, а только качество его жизни, часто проводится у Сенеки и у другихъ древнихъ авторовъ. (Ср. напр., Sen. ep. LXXVII, LXX; De brevitate vitae, c. 1; Ovid. Metamorph. X 32). Такъ у Виргиліи, напр. читаемъ:

«Stat sua cuique dies: breve et irreparabile tempus

Omnibus est vitae, sed famam extendere factis

Hoc virtutis opus». Aen. X, 107.

лаеть это для меня, такъ какъ самъ по себѣ домъ не обладаетъ чувствомъ. Такой благодѣтель имѣеть своимъ должникомъ меня, потому что болѣе никого не имѣеть. И кто воздѣлываетъ мое поле, тотъ желаетъ этимъ оказать услугу не ему, а мнѣ. То же самое скажу и относительно раба: онъ—вещь, находящаяся въ моей власти,—его спасаютъ для меня, поэтому я за него и бываю въ долгу. Но сынъ самъ имѣеть возможность принять благодѣяніе <sup>1)</sup>, поэтому онъ и принимаетъ его, а я радуюсь (сдѣланному для него) благодѣянію, оно (близко) касается меня, но не дѣлаеть меня обязаннымъ. Однако я бы желалъ, чтобы ты, не считающій себя обязаннымъ за благодѣяніе, оказанное твоимъ близкимъ, отвѣтилъ мнѣ: имѣеть ли отношеніе къ отцу доброе состояніе здоровья, счастье и богатство сына? Станетъ ли онъ (отецъ) счастливымъ, если сынъ у него будетъ здоровъ, и несчастнымъ, если потеряетъ его? Итакъ—что же: развѣ не получаетъ благодѣянія тотъ, кто становится, такимъ образомъ, благодаря мнѣ и болѣе счастливымъ и освобождается отъ опасности величайшаго несчастія?

„Нѣтъ, — возражаютъ намъ, — такъ какъ иные предметы доставляются другимъ, но доходятъ и до насъ; требовать же обратно каждый предметъ можно только съ того, кому онъ дается, такъ, напримѣръ, — деньги требуютъ (только) съ тѣхъ, кому онѣ повѣрены въ долгъ, хотя бы онѣ, какимъ-либо образомъ, дошли и до меня. Нѣтъ благодѣянія, польза котораго не касалась бы лицъ, близкихъ къ тому, кому оно оказывается, а иногда—и находящихся въ болѣе далекомъ (по времени) отношеніи. Не спрашиваютъ, куда переносится благодѣяніе тѣмъ лицомъ, которому оно оказывается, но—гдѣ оно помѣщается на первый разъ. Тебѣ надо требовать удовлетворенія отъ самого отвѣтчика и главнаго виновника!“—

Чтоже отсюда? Послушай: развѣ не говоришь: „даровалъ мнѣ сына“ и: „если бы онъ погибъ, я не сталъ бы жить“?

Развѣ ты не обязанъ (отплатить) благодѣяніемъ за жизнь того, чью жизнь предпочитаешь своей? Далѣе,—когда спасли твоего сына, ты падаешь на колѣна и возносишь молитвы бо-

<sup>1)</sup> У древнихъ рабы, какъ извѣстно, считались не лицомъ, а скорѣе—вещью, тогда какъ сыновья разсматривались какъ свободныя личности и сами должны были отплатить за оказанное имъ благодѣяніе.

гамъ, какъ будто самъ спасенный. Отъ тебя исходятъ такія слова: „нѣтъ никакого различія между тѣмъ, спасъ ли ты принадлежащее мнѣ или самого меня: ты двоихъ спасъ—и меня даже болѣе“. Почему ты это говоришь, какъ скоро не получаешь благодаренія? Потому, что и въ томъ случаѣ, если сынъ мой возьметъ въ долгъ денегъ, я заплачу кредитору, однако самъ отъ этого не буду должникомъ, и если сынъ мой будетъ захваченъ въ прелюбодѣяннѣ, я покраснѣю отъ стыда, но отъ этого самъ не стану прелюбодѣемъ. Я говорю, что обязанъ (отплатить тебѣ благодареніемъ) за сына не потому, что дѣйствительно обязанъ, но потому, что желаю въ лицѣ своемъ представить тебѣ добровольнаго должника. Правда, вслѣдствіе того, что онъ сохраненъ цѣлымъ, я получилъ величайшее удовольствіе, величайшую пользу и притомъ избѣжалъ тягчайшей скорби сиротства. Но въ настоящемъ случаѣ вопросъ заключается не въ томъ, принесъ ли ты мнѣ пользу, но въ томъ, оказалъ ли благодареніе?—Вѣдь пользу приносятъ: и животное, и камень, и трава, тѣмъ не менѣе они не оказываютъ благодаренія, которое никогда никѣмъ не оказывается кромѣ желающаго. Ты же хочешь оказать его не отцу, а сыну; а отца, иногда, даже и не знаешь. Поэтому, когда говоришь: „итакъ, развѣ я не оказалъ благодаренія отцу спасеніемъ его сына?“ то сопоставь съ этимъ слѣдующее: „итакъ, я оказалъ благодареніе отцу, о которомъ не зналъ, о которомъ и не думалъ“. Чтоже: значитъ—можетъ со временемъ случиться, когда, ненавидя отца, спасешь сына, то ты оказываешься сдѣлавшимъ благодареніе человѣку, къ которому относился въ высшей степени враждебно въ то время, когда дѣлалъ это благодареніе?

Но, отложивъ въ сторону разговорныя препирательства, отвѣчу прямо, какъ юрисконсультъ<sup>1)</sup>: „надо обращать вниманіе на душевное состояніе благодарителя: онъ оказалъ благодареніе тому, кому желалъ оказать. Если онъ сдѣлалъ это въ честь отца, то благодареніе получилъ отецъ, но отецъ не обязывается (отвѣчать) за благодареніе, оказанное его сыну. Отецъ не бываетъ въ долгу, хотя и получаетъ наслажденіе отъ этого бла-

<sup>1)</sup> Правовѣды изрекали, обыкновенно, свои отвѣты на вопросы кліентовъ прямо, рѣшительно и кратко, не вступая въ пренія и не встрѣчая никакихъ возраженій.

годѣянiя. Но тѣмъ не менѣе, если ему представится случай, онъ будетъ имѣть желанiе и самъ что-нибудь сдѣлать въ благодарность, но не какъ поставленный въ необходимость уплатить долгъ, а какъ имѣющій поводъ начать (раз. обмѣнъ благодаренiй). Благодаренiе не должно быть требуемо отъ отца обратно; если онъ чѣмъ нибудь вознаграждаетъ за него, то можетъ быть названъ справедливымъ (*justus*), но не благодарнымъ (*gratus*), ибо иначе не можетъ быть и конца слѣдующему (умозаключенiю): „если я оказываю благодаренiе отцу, то оказываю его и матери, и дѣду, и дядѣ (по матери), и дѣтямъ, и родственникамъ, и рабамъ, и отечеству“. Гдѣ же, такимъ образомъ, благодаренiе остановится? Вѣдь здѣсь является тотъ неразрѣшимый соритъ<sup>1)</sup>, которому трудно положить предѣлъ, такъ какъ онъ, понемногу, идетъ все далѣе и далѣе и не перестаетъ распространяться.

## Г л а в а 20.

Предлагаютъ, обыкновенно, такой вопросъ: „два брата находятся между собою во враждѣ: если я спасаю одного изъ нихъ, то оказываю ли этимъ благодаренiе тому, кому тяжело будетъ переносить, что ненавистный братъ его не погибъ?“

Несомнѣнно, что благодаренiемъ—будетъ оказывать помощь даже и тому человѣку, который не желаетъ этого; равно какъ оказавшій помощь противъ своего желанiя,—не сдѣлалъ благодаренiя.

„Ты называешь, говорятъ, благодаренiемъ то, чѣмъ тотъ оскорбляется и мучится?“

Многiя благодаренiя имѣютъ печальный и скорбный видъ, какъ, напримѣръ: рѣзать, жечь и заключать въ узы съ врачбною цѣлюю. Надо обращать вниманiе не на то, не огорчается ли кто-нибудь оказаннымъ ему благодаренiемъ, а на то, слѣдуетъ ли радоваться этому человѣку или нѣтъ? Не бываетъ еще негоднымъ тотъ денарiй, который бросилъ варваръ и человѣкъ, не имѣющій понятiя о государственной монетѣ. Благодарительствуемый и ненавидитъ и, въ то же время, принимаетъ благо-

<sup>2)</sup> *Sorites* (*sorites*, *σωρείτης*),—соб. нагроможденный въ кучу. *«accertalis»*,—въ Логикѣ называется сложное умозаключенiе, въ которомъ, для краткости, опускаются посылка, служащая заключенiемъ простыхъ силлогизмовъ, входящихъ въ составъ сорита.

дѣяніе, если только оно приноситъ пользу, если тотъ, кто дѣлалъ его,—дѣлалъ для того, чтобы помочь. Не важно, какъ скоро и кто приметъ доброе дѣло съ недобрымъ расположеніемъ духа. А теперь обрати это (раз. вышеприведенное рассужденіе) въ противоположное: человѣкъ ненавидитъ своего брата, имѣть котораго—для него полезно. Я убилъ его (т. е. брата). Этотъ поступокъ не будетъ благодѣяніемъ, хотя бы тотъ (т. е. другой братъ) и называлъ его (этимъ именемъ). Я нахожу слѣдующее: извѣстная вещь приноситъ пользу, поэтому она—благодѣяніе; приноситъ вредъ—и поэтому не заключаетъ въ себѣ благодѣянія.—А вотъ я подарю нѣчто такое, что не приноситъ ни пользы, ни вреда,—и тѣмъ не менѣе будетъ благодѣяніе.

Я нашелъ чьего-нибудь отца мертвымъ въ пустынѣ и похоронилъ его; я не принесъ пользы ни самому покойнику, ибо что ему за дѣло до того, какимъ способомъ онъ превратится въ прахъ <sup>1)</sup>; ни сыну, ибо какая ему будетъ отъ этого выгода? Скажу, что приобрѣлъ этотъ послѣдній: благодаря мнѣ онъ исполнилъ важную и необходимую обязанность. Я сдѣлалъ для его отца то, что онъ (сынъ) самъ желалъ бы и даже обязанъ былъ бы сдѣлать. Однако этотъ поступокъ мой будетъ благодѣяніемъ только въ томъ случаѣ, если я оказалъ его не ради одного только состраданія и человѣколюбія, имѣя въ виду лишь только похоронить трупъ, безразлично—чей бы онъ ни былъ,—но если я узналъ тѣло, если я тогда же рѣшилъ—сдѣлать это для сына. Если же я покрылъ землю неизвѣстнаго мертвеца, въ этомъ случаѣ мнѣ никто ничѣмъ не обязанъ за отправленіе этого долга. Исполняя (въ данномъ случаѣ) долгъ общаго человѣколюбія, я не имѣю никого, кто былъ бы у меня въ долгу за отправленіе мною этой обязанности.

Иной скажетъ: „зачѣмъ съ такимъ стараніемъ ты рѣшаешь

<sup>1)</sup> Сенека, по замѣчанію Ruhkopf'a, во многихъ случаяхъ высказываетъ, что онъ не раздѣляетъ древнихъ повѣрій о томъ, будто погребеніе тѣла приноситъ великую пользу и душѣ покойника, ибо души непогребенныхъ людей обрекаются на блужданіе вокругъ береговъ Стякса, не находя себѣ покоя. Несогласіе съ этимъ вѣрованіемъ высказывалъ еще и Цицеронъ въ своей «*Oratio pro Roscio Amerino*» (cap. XXIV). Тѣмъ не менѣе погребеніе умершаго въ древности всѣми вообще считалось долгомъ и обязанностію человѣколюбія. Такъ, напр., Квинтиліанъ пишетъ: «*Ignotis cadaveribus humum congerimus et insepultum corpus nulla festinatio tam rapida transcurrit, ut non quantulocunque veneretur aggestu.*» (Quintil. declamat. 5) Ruhkopf

вопросъ о томъ, кому оказалъ благодѣяніе, какъ будто имѣешь намѣреніе современемъ потребовать его обратно?”.

Есть такіе люди, которые полагаютъ, что никогда не слѣдуетъ требовать воздаянія за благодѣяніе, и приводятъ слѣдующія основанія для этого: „человѣкъ недостойный не воздастъ и тому, кто у него требуетъ воздаянія, а достойный сдѣлаетъ воздаяніе и самъ по себѣ. Кромѣ того, если ты оказалъ благодѣяніе человѣку добродушному, то смотри, чтобы напоминаніемъ не причинить ему обиды, какъ будто (намекая на то, что) по своей волѣ онъ и не былъ намѣренъ возвращать. Если же ты оказалъ благодѣяніе дурному, то и неси за это кару. Не унижай благодѣянія (чуждымъ для него) именемъ, дѣлая его кредитомъ. Кромѣ того, чего законъ не приказалъ требовать обратно, то запретилъ“.

Все это вѣрно. Пока ничто не тѣснитъ меня, пока судьба ничего отъ меня не требуетъ, я скорѣе буду искать случая оказать благодѣяніе, чѣмъ требовать воздаянія за него. Но если дѣло идетъ о спасеніи дѣтей, если подвергается опасности жена, если спасеніе и свобода отечества посылаютъ меня даже туда, куда идти мнѣ бы и не хотѣлось, то я поборю свой стыдъ и буду свидѣтельствовать, что мною сдѣлано все, дабы не нуждаться въ помощи неблагодарнаго человѣка; необходимость вновь получить благодѣяніе, въ самое послѣднее время, побѣдитъ стыдъ—требовать воздаянія. Затѣмъ, когда я оказываю благодѣяніе добродушному человѣку, то оказываю его такимъ образомъ, какъ бы не имѣю намѣренія никогда просить воздаянія, если это не окажется необходимымъ.

## Г л а в а 21.

„Но законъ, возражаетъ (противникъ), не устанавливая требовать (раз. обратнаго воздаянія благодѣяній), тѣмъ самымъ запретилъ это дѣлать“.

Не бываетъ ни закона, ни судебного слѣдствія на многое. Доступъ къ чему даетъ обычай жизни людей, сильнѣйшій всякаго закона. Ни одинъ законъ не повелѣваетъ хранить въ молчаніи тайны друзей. Ни одинъ законъ не повелѣваетъ быть добросовѣстнымъ даже и въ отношеніи ко врагу. Какой законъ обязываетъ насъ исполнять то, что мы кому-нибудь обѣ-

щали? Но, тѣмъ не менѣе, я стану высказывать свое неудовольствіе тому, кто не сохранилъ сказаннаго въ тайнѣ, и буду сердиться за данное и не сдержанное слово.

„Но вѣдь ты, говорятъ, изъ благодѣянія дѣлаешь кредитъ!“

Всего менѣе, ибо я не требую (воздаянія), но прошу и даже не прошу, а только напоминаю, такъ какъ даже самая крайняя необходимость не доведетъ меня до того, чтобы придти къ человѣку, съ которымъ мнѣ долгое время надо бороться. Кто настолько неблагодаренъ, что для него недостаточно одного напоминанія, того я пройду мимо и не сочту достойнымъ побужденія къ благодарности.

Подобно тому какъ растовщикъ не подаетъ ко взысканію на нѣкоторыхъ должниковъ, которыхъ знаетъ за обанкротившихся, и у которыхъ не осталось никакого стыда, который бы они могли потерять, такъ и я буду явно и постоянно проходить мимо нѣкоторыхъ неблагодарныхъ и стану просить награды за благодѣяніе лишь у того, у кого буду не отнимать, а брать обратно—(мною) данное.

## Г л а в а 22.

Много бываетъ такихъ людей, которые не умѣютъ ни отпираться отъ того, что получили, ни вознаградить за это: они и не настолько добры, насколько благодарны, и не настолько дурны, насколько неблагодарны, они медленны и лѣнны; это—должники лѣнныя, но не дурные. Имъ я стану не выговаривать, но напоминать и возвращать заблуждающихся къ ихъ обязанности. И они мнѣ немедленно отвѣтятъ слѣдующее: „извини, клянусь Геракломъ, я не зналъ, что ты нуждаешься въ этомъ, иначе я охотно принесъ бы тебѣ. Пожалуйста—не считай меня неблагодарнымъ: я помню, что ты для меня сдѣлалъ!“

Зачѣмъ мнѣ колебаться—сдѣлать этихъ людей лучшими и въ отношеніи къ нимъ самимъ и въ отношеніи ко мнѣ? Стану предотвращать отъ грѣха всякаго, кого только буду имѣть возможность; тѣмъ болѣе—буду предотвращать своего друга, чтобы онъ не погрѣшалъ и въ особенности не погрѣшалъ противъ меня. Не допуская его быть неблагодарнымъ, я тѣмъ самымъ оказываю ему другое благодѣяніе. И не съ грубостію стану

я требовать у него вознагражденія за оказанное ему (добро), но насколько возможно—самымъ кроткимъ образомъ, чтобы дать ему возможность сдѣлать воздаяніе; я обновлю его память и стану просить благодаренія; онъ самъ пойметъ, что я прошу награды.

Иногда я буду употреблять и болѣе жесткія выраженія,—это въ томъ случаѣ, если буду надѣяться на возможность его исправленія; окончательно же „отпѣтаго“ (deploratum) чело-вѣка я не стану раздражать и по той причинѣ, чтобы не сдѣлать его изъ неблагодарнаго—врагомъ. Если же мы не станемъ прибѣгать даже и къ словесному наказанію <sup>1)</sup> неблаго-дарныхъ, то этимъ сдѣлаемъ ихъ еще болѣе лѣнивыми къ воз-даянію благодареній. Ужели же нѣкоторыхъ даже и такихъ лю-дей, которые могутъ быть доступны излѣченію и могутъ сдѣ-латься добрыми, какъ скоро ихъ что-нибудь уязвить,—мы до-пустимъ погибнуть, лишая ихъ словеснаго убѣжденія, при по-мощи котораго иногда и отецъ исправлялъ сына, и жена воз-вращала къ себѣ заблудшаго супруга, и другъ снова пробуж-далъ къ себѣ охладѣвающее довѣріе друга?

### Г л а в а 23.

Иныхъ для того, чтобы они пробудились отъ своей дремоты, надо не бить, но возбуждать; точно также у иныхъ желаніе—честно расплатиться за добро не пропадаетъ, а только ослабѣ-ваетъ; его (это желаніе) и станемъ возбуждать. „Не превращай дара своего въ обиду, ибо вѣдь обидою будетъ, если ты для того не станешь просить воздаянія, чтобы я оказался небла-годарнымъ. А если я не знаю, чего ты желаешь, если, будучи связанъ занятіями и призванъ къ другимъ дѣламъ, я не на-шелъ удобнаго случая? Укажи мнѣ, что я могу сдѣлать, и чего ты желаешь! Зачѣмъ ты отчаеваешься, не испытай? Зачѣмъ спѣшишь потерять и благодареніе и друга? Откуда ты знаешь, не желаю я или нахожусь въ невѣдѣніи? не достаетъ ли мнѣ душевнаго расположенія или возможности? Испытай самъ!“

Итакъ, я стану напоминать безъ огорченія, не публично, безъ порицанія, такъ, чтобы ему думалось, будто онъ самъ пришелъ въ память, а не другіе вернули его.

<sup>1)</sup> *Suggillatio*—рубець или знакъ отъ раны—*σποπιασμός*, отсюда—наказаніе—*castigatio*.

## ГЛАВА 24.

У божественнаго Юлія велъ процессъ одинъ изъ ветерановъ, употребившій нѣкоторое насиліе противъ своихъ сосѣдей, и былъ тѣснимъ этимъ процессомъ. <sup>1)</sup>

„Помнишь ли, императоръ, сказалъ онъ однажды,—какъ въ Испаніи, возлѣ рѣки Сукрона, ты вывихнулъ ногу?“ И когда Цезарь сказалъ, что помнить, то продолжалъ: „а помнишь ли какъ въ то время, когда ты желалъ присѣсть подъ однимъ деревомъ, которое распространяло самую ничтожную тѣнь, тогда какъ солнце страшно палило и кругомъ была въ высшей степени суровая мѣстность, гдѣ одно только это дерево и возвышалось среди острыхъ скалъ,—одинъ изъ соратниковъ подостлалъ тебѣ вой плащъ?“ Когда же Цезарь сказалъ: „развѣ я не помню этого? И притомъ, изнуренный жаждою, не имѣя возможности на ногахъ дойти до ближайшаго источника, я уже хотѣлъ ползти на рукахъ, если бы (одинъ) соратникъ, храбрый и мужественный человѣкъ, не принесъ мнѣ воды въ своемъ шлемѣ“,—онъ (раз. упомянутый ветеранъ) продолжалъ далѣе „можешь ли, императоръ, узнать того человѣка или тотъ шлемъ?“

Цезарь отвѣчалъ, что онъ не можетъ узнать шлема, но человѣка узнать прекрасно можетъ, и прибавилъ, разсердившись, какъ я думаю, на то, что тотъ отвлекъ его, среди судебного засѣданія, къ старому разсказу: „во всякомъ случаѣ—это былъ не ты!“

„Справедливо, Цезарь, отвѣчаетъ тотъ, что ты не узнаешь меня, ибо когда это случилось, я былъ еще цѣлымъ. Послѣ того, при Мундѣ, мнѣ въ бою былъ выколотъ глазъ и въ головѣ вставлены (раздробленные) кости. И шлемъ тотъ, если увидишь, то не узнаешь его, такъ какъ онъ разрубленъ на двое испанскимъ мечемъ.“ <sup>2)</sup>

<sup>1)</sup> Извѣстно, что Юлій Цезарь съ особеннымъ расположеніемъ относился къ ветеранамъ, потому что, благодаря ихъ содѣйствію, онъ достигъ своего величія. Многихъ онъ награждалъ земельными участками (Dio Cass. 43 52), изъ за которыхъ у ветерановъ нерѣдко происходили ссоры съ сосѣдями. Упомянутый Сенекою ветеранъ участвовалъ вмѣстѣ съ Цезаремъ въ двухъ войнахъ въ Испаніи: на р. Сукронѣ (нынѣ. Хисаг)—противъ полководцевъ Помпея (въ 705 отъ осн. Р.) и при городѣ Мундѣ—противъ сыновей Помпея (въ 708 г.). Приводимый фактъ находимъ у одного Сенеки.

<sup>2)</sup> Мечъ особаго рода, которымъ можно было и колоть и сѣчь (Diod. Sic. V, 33).

Цезарь запретилъ вводить его въ хлопоты и подарилъ своему воину тѣ участки земли, гдѣ пролегала сосѣдняя дорога, причина раздора и тяжбъ <sup>1)</sup>).

## ГЛАВА 25.

Такъ чтоже? Развѣ не слѣдовало просить награды за благодареніе отъ полководца, память котораго была затемнена отъ множества дѣлъ, которому его высокое положеніе, поставивъ его распорядителемъ войска, не давало возможности помнитъ о каждомъ простомъ солдатѣ?

Это не значитъ—просить назадъ благодаренія, но—взять его обратно положеннымъ въ добромъ мѣстѣ и приготовленнымъ къ возвращенію, но для взятія котораго, тѣмъ не менѣе, надобно было протянуть руку.

Итакъ, я стану просить награды за благодареніе, потому что буду вынужденъ сдѣлать это или въ силу необходимости, или ради (блага) того, у кого буду просить (этой награды).

Цезарь Тиверій <sup>2)</sup> одному человѣку, заговорившему было: „ты помнишь...?“ отвѣчалъ въ самомъ началѣ разговора, прежде, чѣмъ тотъ представилъ другія доказательства прежней дружбы: „не помню, чѣмъ я былъ!“

Развѣ не надо было у такого человѣка просить награды за благодареніе?—Для него желательно было забвеніе: онъ уклонялся отъ знакомства со всѣми друзьями и сверстниками и желалъ видѣть одно только свое настоящее положеніе, о немъ одномъ только думать и разговаривать; прежняго друга онъ считалъ соглядатаемъ!—

Съ большею осторожностію надо выбирать время для просьбы о наградѣ за благодареніе, чѣмъ для просьбы о благодареніи. Надо соблюдать осторожность въ словахъ, дабы и человѣкъ благодарный не могъ обидиться и неблагодарный не могъ пренебречь. Молчать и выжидать надо было бы только въ томъ случаѣ, если бы мы жили среди людей мудрыхъ; впрочемъ и мудрымъ лучше было бы также показывать, чего требуетъ положеніе нашихъ дѣлъ. И къ богамъ, знанія которыхъ не избѣгла ни одна вещь, мы, тѣмъ не менѣе, обращаемся съ прось-

1) Спорная дорога, пользоваться которою, вѣрно, запрещалъ ветерану сосѣдь.

2) Объ этомъ фактѣ сообщаетъ одинъ Сенека.

бами и наши молитвы не упрашиваютъ ихъ, но напоминаютъ. И тотъ жрецъ, о которомъ рассказываетъ Гомеръ <sup>1)</sup>, совершаетъ священныя службы богамъ и возноситъ религіозное поклоненіе алтарямъ. Желаніе и способность быть убѣжденнымъ—добродѣтель второстепеннаго достоинства. Послушныхъ коней ты заставишь повиноваться, слегка поводя удилами туда и сюда <sup>2)</sup>: у нѣкоторыхъ надо бываетъ (предварительно) смягчать душу, которая *служитъ* наилучшимъ правителемъ для себя самой. Всего ближе (къ намъ) стоятъ такіе люди, которые, послѣ напоминанія, снова возвращаются на путь. У нихъ не надо отнимать вождя. Острота зрѣнія присуща бываетъ и закрытымъ глазамъ, но она остается безъ употребленія, и (только) наступленіе дневнаго свѣта призываетъ ее къ своимъ отправленіямъ. Инструменты остаются въ бездѣйствіи, если художникъ не употребитъ ихъ на свое дѣло. Иногда доброе желаніе и бываетъ въ душахъ, но остается въ бездѣйствіи—частію—благодаря удовольствіямъ и нерадѣнію, частію—благодаря незнанію обязанностей. Мы должны сдѣлать это (присущее душѣ доброе) желаніе плодотворнымъ и, подъ вліяніемъ гнѣва, не оставлять людей въ порокѣ, но, подобно наставникамъ учениковъ, терпѣливо сносить ошибки слабой памяти, и подобно тому, какъ эта послѣдняя часто, послѣ напоминанія одного или двухъ словъ, бываетъ доводима до связнаго воспроизведенія всей рѣчи, такъ, при помощи напоминанія, надо призывать ее и къ воздаянію награды (за добро).

Н. К.

(Проложеніе будетъ).

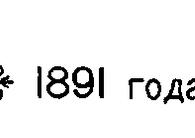
<sup>1)</sup> Разум. Хризъ (*Ilias* I. 37 и сл.).

<sup>2)</sup> Въ наст. случаѣ мы слѣдуемъ чтенію *Naase*: «*equos obsequentes facies parere huc illuc fraenis leniter motis*,» тогда какъ у *Ruhkopf'a* читаемъ: «*A quo obsequentes facias. parere. Huc illuc fraenis*,» и проч.

# ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

## ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

1 Сентября  № 16.  1891 года.

---

Содержаніе. Списокъ лицъ Харьковской Епархіи, награжденныхъ Св. Синодомъ за труды по народному образованію.—Отъ Харьковскаго Епархіальнаго Попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія.—Отъ Правленія Харьковской Духовной Семинаріи.—Отъ Правленія Сумскаго Духовнаго Училища.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

---

### Списокъ лицъ Харьковской епархіи, награжденныхъ Св. Синодомъ за труды по народному образованію.

По ходатайству Его Высокопреосвященства, вслѣдствіе представленія Харьковскаго Епархіальнаго училищнаго совѣта, удостоены благословенія Овятѣйшаго Синода съ выдачею установленныхъ грамотъ наблюдатели церковно-приходскихъ школъ: 1-го округа города Харькова протоіерей Павелъ *Ковалевскій*, 3-го Харьковскаго округа священникъ Дмитрій *Решневскій*, 1-го Богодуховскаго окр. священникъ Андрей *Сапухинъ* и бывший учитель Голодолинской, Изюмскаго уѣзда, церковно-приходской школы (нынѣ настоятель Оренбургскаго Богодуховскаго общежительнаго монастыря) игуменъ *Аполлосъ*,—за отлично-усердные и полезныя труды на пользу народнаго образованія въ духѣ вѣры и Церкви Православной.

---

### Отъ Харьковскаго Епархіальнаго Попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія.

Харьковское Епархіальное попечительство проситъ оо. благочинныхъ епархіи взыскать съ священно-служителей епархіи и представить въ попечительство опредѣленные XIII епархіальнымъ съѣздомъ духовенства взносы въ пользу семействъ умершихъ: 1) свя-

щенниковъ: г. Харькова Архангело-Михаиловской церкви Андрея Рудинскаго, Зміевскаго уѣзда, села Гракова, Троицкой церкви Григорія Ходскаго и Купянскаго уѣзда, села Кабанья, Преображенской церкви Димитрія Северина и 2) діакона г. Купянска Николаевской церкви Александра Погорѣлова.

### Отъ Правленія Харьковской Духовной Семинаріи.

#### I.

Съ 10-го по 25-е августа сего года въ Правленіе Семинаріи поступили слѣдующія пожертвованія на устройство зданія для общежитія при семинаріи:

1) Доставленные благочиннымъ 1-го Харьковскаго округа священникомъ Григоріемъ Лобковскимъ: отъ священника Николая Чернивецкаго 1 руб., священ. Григорія Лобковскаго 2 руб., священ. Іоанна Толмачева 1 руб., священ. Николая Червонецкаго 1 руб., священ. Евгенія Чекалова 2 руб., священ. Михаила Жуконскаго 3 р., священ. Петра Федорова 3 руб., священ. Василя Любчицкаго 3 руб., священ. Андрея Любарскаго 1 руб., священ. Петра Владыкова 3 руб., священ. Іоанна Ракшевскаго 1 руб., священ. Іоанна Пономарева 2 р., священ. Каллистрата Власовскаго 2 р., священ. Поликарпа Пономарева 50 коп., священ. Александра Вербицкаго 50 к. Итого 26 р.

2) Доставленные благочиннымъ 3-го Лебединскаго округа, протоіереемъ Петромъ Краснопольскимъ, отъ причта и старосты Ольшанской Сергіе-Анастасіевской церкви—15 руб.—Недригайловской Покровской 15 р.,—Терновской Николаевской 15 руб.,—Терновской Покровской 10 р.,—Ольшанской Михайловской 10 р.,—Марковской Преображенской 10 р.,—Тучнянской Стратилатовской церкви 10 р., Анниевской Еватерининской ц. 10 р., Дергачевской Николаевской ц. 10 р., Толстянской Іоанно-Воинской ц. 10 р., Бѣжевской Иверско-Богородицкой ц. 10 руб., Ниже-Верхосульской Рождественской ц. 10 р., Штеповской Іоанно-Предтечевской 10 р., Недригайловской Митрофановской ц. 5 р., Бобрицкой Магдалинской ц. 5 р., Верхосульской Варваровской ц. 5 р., Луцковской Покровской ц. 5 р., Голубовской Николаевской 5 р., Будковской Николаевской ц. 5 руб. Итого 175 р.

Увѣдомляя о семъ, Правленіе Семинаріи считаетъ долгомъ выразить жертвователямъ глубокую благодарность за ихъ сочувствіе нуждамъ Семинаріи.

## II.

Правленіе Семинаріи симъ имѣть честь выразить искрению благодарность священнику слободы Воеводска, Старобѣльскаго уѣзда, о. Григорію Попову за пожертвованные имъ 25 р. въ пользу семинарской, Іоанно-Богословской церкви.

Отъ Правленія Сумскаго Духовнаго училища.

Предметы занятій сѣзда духовенства Сумскаго училищнаго округа, имѣющаго открытъ свои засѣданія 19 сентября сего 1891 года слѣдующіе:

1) Разсмотрѣніе смѣты прихода и расхода суммъ по содержанію училищнаго общежитія въ будущемъ 1892 г.

2) Разсмотрѣніе доклада временно-ревизіоннаго комитета по документальной повѣркѣ экономическаго отчета и приходорасходной книги училища за 1890 годъ.

3) Разсмотрѣніе вѣдомостей о. о. благочинныхъ Сумскаго училищнаго округа о приходѣ, расходѣ и остаткѣ церковныхъ суммъ, а также доставленныхъ ими свѣдѣній о продажѣ вѣнчиковъ и листовъ разрѣшительной молитвы въ подвѣдомственныхъ имъ церквахъ.

4) Тебушія дѣла, подлежащія обсужденію сѣзда.

Епархіальныя извѣщенія.

Священники церквей Старобѣльскаго уѣзда: Николаевской, слободы Райгородка, Василій *Царевскій*, и Рождество-Богородичной, села Михайловки, Михаилъ *Ветуховъ*, награждены набедренниками.

— Студентъ Харьковской Духовной Семинаріи, Митрофанъ *Торанскій*, согласно прошенію, опредѣленъ на священническое мѣсто при Николаевской церкви слободы Валкодавовой, Старобѣльскаго уѣзда.

— Псаломщикъ церквей Волчанскаго уѣзда: Благовѣщенской, слободы Благодатной, Михаилъ *Настѣкинъ*, и Косью-Даміановской, слободы Терковой, Андрей *Настѣкинъ*, перемѣщены одинъ на мѣсто другаго.

— На праздное псаломщическое мѣсто къ Петро-Павловской церкви слободы Заводъ, Изюмскаго уѣзда, опредѣленъ окончившій курсъ наукъ въ Харьковской Духовной Семинаріи Митрофанъ *Щербина*.

— На праздное псаломщичье мѣсто къ Преображенской церкви слободы Петровской, Изюмскаго уѣзда, опредѣленъ заштатный псаломщикъ Данилъ *Аксененковъ*.

— Утверждены въ должности церковныхъ старостъ по Старобѣльскому уѣзду, къ церквамъ: Вознесенской, слободы Чебаповки, крестьянинъ Сергій *Горбенко*, Николаевской, слободы Александровки, солдатъ Емельянъ *Бочко*, Спасской, села Вовводска, крестьянинъ Захарій *Крутоголовъ*, Покровской, слободы Донцовки, крестьянинъ Евдокимъ *Андрющенко*, Троицкой, слободы Марковки, крестьянинъ Григорій *Меженскій* и Преображенской, слободы Бѣлолуцкой, крестьянинъ Прокофій *Ткаченко*; по Изюмскому уѣзду: къ Покровской церкви, слоб. Алисовки, крестьянинъ Иванъ *Пивоваровъ*, къ Архангело-Михайловской церкви, слоб. Гавриловки, крестьянинъ Юсифъ *Глянцевъ* и къ Пророко-Ильинской церкви, села Ладоватаго, крестьянинъ Иванъ *Штена*.

## ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Состояніе Православной Церкви въ Японіи.—Начальная школа въ Хивѣ.—Свѣдѣніе о постройкѣ храма на мѣстѣ крушенія Императорскаго поѣзда 17 октября.—Древній храмъ.—По поводу кончины протоіерея І. Г. Наумовича.—Печальный случай въ Астраханскомъ соборѣ.—Хлѣбныя волненія на сѣверо-западѣ.—Мѣры содѣйствія губерніямъ, постигнутымъ неурожаемъ.—Отрадныя извѣстія объ урожаѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ.—Помощь нуждающемуся сельскому духовенству пострадавшихъ отъ неурожая губерній.—Дешевая пища.—Положеніе объ усиленной охранѣ.—Циркуляръ объ экзаменахъ.—Школьное попечительство.—Законопроекты, касающіеся обезпеченія быта рабочихъ.—Слухи о благотворительномъ обществѣ «Синяго креста».—О пародномъ пьянствѣ.—По поводу сельскихъ пожаровъ.—Устройство усыпальницъ въ селахъ.—Археологическія раскопки.—Экспедиція въ Св. Землю.—Южно-Уссурійскій край.—Продолжительность жизни.—Медицинскіе опыты надъ людьми.—Гипнотизмъ у Египтянъ.—Предосторожности противъ грозы.—Нѣсколько общепользныхъ свѣдѣній.—Неврологъ.

Въ «Кронштадтскомъ Вѣстникѣ» сообщается со словъ одного морскаго офицера, недавно посѣтившаго Токио, интересныя свѣдѣнія о состояніи православной Церкви въ Японіи.—Основатель православной миссіи въ Японіи, преосвященный Николай—личность замѣчательно свѣтлая, достойная глубокаго уваженія. Не говоря про японцевъ, которые боготворятъ его, даже язычники со вниманіемъ относятся къ нему и называютъ его «справедливымъ человѣкомъ». Всѣхъ рукоположенныхъ священниковъ въ настоящее время—18 человѣкъ, а проповѣдниковъ, называемыхъ катехизаторами—143. Они цѣлый годъ бродятъ по городамъ и селамъ, поучаютъ народъ, а желающихъ креститься отсылаютъ для наставленія въ вѣрѣ въ Токио, въ школы. Къ 29-му іюня

всѣ они, а также депутаты отъ прочихъ общинъ, обязаны явиться на ежегодный соборъ, гдѣ обсуждаются вопросы о всѣхъ нуждахъ Церкви, рѣшаются программы на наступающій учебный годъ, выбираются новые проповѣдники, рассматриваются экзаменаціонные списки, выключаются недостойные члены Церкви и приводится въ извѣстность дѣятельность каждаго лица въ отдѣльности и всѣхъ вмѣстѣ. Кромѣ того на соборѣ читаютъ и обсуждаютъ духовныя, переведенныя на японскій языкъ, книги, и составляютъ проповѣди. Соборъ продолжается недѣли двѣ или около этого.

Въ Японіи насчитывается уже до 17,000 православныхъ и ежегодно число ихъ увеличивается. Отступниковъ замѣчается весьма мало, причемъ не принимается никакихъ мѣръ противъ распространенія между учениками книгъ другихъ вѣроисповѣданій, и протестантскіе или католическіе миссіонеры свободно посѣщаютъ дома и школы. Послѣднихъ, т. е. школъ, три: первоначальное училище для мальчиковъ, такое же училище для дѣвочекъ и духовная семинарія. Достаточно подготовленные ученики поступаютъ въ семинарію, гдѣ слушаютъ 6-лѣтній курсъ высшихъ наукъ, какъ, напр., начальное, нравственное и догматическое богословіе, фізику, химію и китайскій языкъ. Мальчики должны достаточно понимать по русски, такъ какъ богословіе читается на русскомъ языкѣ. Прочіе предметы читаетъ японскій учитель, изъ бывшихъ учениковъ, на ихъ родномъ нарѣчій. Японцы отличаются большимъ трудолюбіемъ такъ, что нѣкоторыхъ учениковъ приходится даже удерживать отъ усиленнаго труда.

— Хивинскій ханъ Сеидъ-Магометъ-Рахимъ Богадуръ, желая положить въ ханствѣ начало изученію русскаго языка, открылъ въ городѣ Хивѣ начальную школу съ русскимъ преподавательскимъ языкомъ и съ интернатомъ на десять человекъ. Въ апрѣлѣ текущаго года, по словамъ «С.-Пет. Вѣд.», главный инспекторъ училищъ Туркестанскаго края, съ разрѣшенія главнаго начальника края, посѣтилъ Хиву, гдѣ, съ дозволенія хана, осмотрѣлъ и русскую школу. Выслушавъ докладъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Керенскаго о состояніи школы, о занятіяхъ учителя и о познаніяхъ учащихся въ русскомъ языкѣ, ханъ просилъ его командировать въ Хиву русскаго учителя. Вслѣдствіе этого назначенъ въ упомянутую школу учителемъ русскаго языка и ариеметики киргизъ мусульманинъ Хусайнъ Ибрагимовъ, окончившій въ текущемъ году съ отличіемъ курсъ въ Туркестанской учительской семинаріи.

— Постройка храма на мѣстѣ крушенія Императорскаго поѣзда 17 октября, по сообщенію «Юж. Края», идетъ съ полнымъ успѣхомъ. Въ настоящее время выведены уже на десять слишкомъ аршинъ наружныя стѣны храма, отдѣланныя «кіевскимъ» — бѣлорозовымъ кирпичемъ, какъбы кружевомъ по красному фону. Облицовка изразцами оказывается очень эффектной и съ этой стороны мысль составителя проекта храма, академика архитектуры г. Марфельда, надо считать вполне удачною — храмъ выйдетъ выдержаннымъ въ стилѣ и величественнымъ, при полномъ изяществѣ. Судя по ходу работъ (однихъ каменщиковъ слишкомъ сто душъ), каменная кладка будетъ, пожалуй, окончена въ началѣ будущаго мѣсяца, и если ничто не помѣшаетъ, немедленно же будетъ приступлено къ отдѣлкѣ храма, въ томъ разчетѣ, чтобъ освятить его въ октябрѣ 1892 года, какъ предположено это комитетомъ. Сборъ пожертвованій наличными деньгами и различною церковною утварью и драгоценностями продолжается, и до опредѣленной, согласно Высочайшей волѣ, цифры остается добрать тысячъ двадцать пять, такъ какъ около двухсотъ двадцати пяти тысячъ рублей уже имѣется въ распоряженіи комитета. Вся мѣстность, въ которой строится теперь грандіозный храмъ и раскинулся уже Спасовъ скитъ, — прежде пустынная равнина, — начинаетъ принимать оживленный видъ, причемъ окрестъ лежащія земли, особенно же ближайшія къ 277 верстѣ Курско-Харьково-Азовской желѣзной дороги, значительно поднялись въ своей цѣнѣ. Скитъ растетъ быстро. Въ настоящее время въ немъ двѣ помѣстительныя гостиницы и нѣсколько отдѣльныхъ вспомогательныхъ для нуждъ скита зданій.

— Въ селеніи Промы, горійскаго уѣзда, тифлисской губерніи, находятся развалины храма, построеннаго едва-ли не въ VIII столѣтіи. Храмъ этотъ, воздвигнутый въ честь великомученика Рождена, замученнаго персами въ V вѣкѣ, обращаетъ на себя вниманіе, кромѣ громаднхъ своихъ размѣровъ, замѣчательною внутреннею отдѣлкою, отъ которой въ настоящее время остались одни только слѣды. Внутри храма сложены груды мраморныхъ колоннъ, видимо, украшавшихъ нѣкогда иконостасъ. Полъ алтаря выложенъ мраморными плитами; на алтарномъ сводѣ находится мозаическое изображеніе Христа Спасителя, сдѣланное изъ разноцвѣтныхъ камней. Достоинно вниманія, что нѣкоторые изъ этихъ камней, не обладающіе собственнымъ цвѣтомъ, искусственнымъ образомъ превращены въ цвѣтные, повидимому, съ помощью накладыванія на нихъ тонкаго стекла, окрашеннаго въ желаемый цвѣтъ.

Въ храмѣ имѣется не мало камней съ надписями на церковно-грузинскомъ языкѣ. Въ окрестностяхъ селенія жители нерѣдко находятъ старыя золотыя и серебряныя монеты, вещи а также и иконы. Недавно, по словамъ газеты «Кавказъ», вблизи церкви, найдена маленькая металлическая иконка Божіей Матери, очень древняя, на которой притомъ явственно видны слѣды эмалевой работы, какъ на лицевой, такъ и на оборотной сторонахъ.

— Корреспондентъ «Моск. Вѣд.» по поводу кончины протоіерея І. Г. Наумовича пишетъ: «Мы всѣ, Русскіе въ Галиціи, безъ различія партій, поражены печальною, а для многихъ изъ нашихъ поселянъ, собиравшихся переселиться на Кавказъ, роковою вѣстью о внезапной кончинѣ вождя нашего какъ въ политической, такъ и въ экономической жизни, незабвеннаго протоіерея І. Г. Наумовича. «Галицкая Русь» первая получила телеграмму объ этой горестной, въ настоящее время невознаградившей, утратѣ. 8 августа эта газета вышла въ траурныхъ каймахъ, съ портретомъ почившаго и съ пожалованнымъ ему Всероссійскимъ Императоромъ кабинетнымъ золотымъ крестомъ на портретѣ. Послѣднее обстоятельство при мѣстныхъ политическихъ отношеніяхъ имѣетъ особое значеніе, коего не лишень также и помѣщенный вверху портрета восьмиконечный крестъ, столь ненавидимый Поляками. Внизу портрета большими буквами напечатана слѣдующая полученная газетою телеграмма:

«Иванъ Наумовичъ скончался въ понедѣльникъ, 5 августа, въ Новороссійскѣ (надъ Чернымъ моремъ) на возвратномъ пути съ Кавказа въ Кіевъ».

Означенную телеграмму газета сопровождаетъ слѣдующими словами:

«Скончался лучшій сынъ матери-Руси, угасъ ея свѣточъ, умеръ глашатай истины. Не стало любимца народа, его наставника и учителя. Онъ скончался отъ разрыва сердца, скончался смертію праведника, безъ малѣйшихъ мученій, какъ воинъ на стражѣ.

«И замерло сердце, столь горячо любившее Русь, неустанно бившееся для народа, столь сочувственно скорбѣвшее его скорбію, радовавшееся его радостію. Порвалась нить жизни столь обильной дѣлами, мыслями, чувствами. Русь лишилась своего просвѣтителя! Въ послѣднее время», продолжаетъ газета, «мы печатали рядъ путевыхъ замѣтокъ покойнаго съ Кавказа, гдѣ онъ устраивалъ колонію для обнищавшихъ галицко-русскихъ поселянъ. Письма эти—зеркало души праведника, отраженіе всего, о чемъ онъ

думалъ, мечталъ, какъ трудился, хлопоталъ не о семьѣ, а о народѣ, которому посвятилъ всю свою жизнь, для котораго страдалъ и терпѣливо переносилъ удары судьбы. Матеріализмъ былъ ему противенъ. Характеръ чистый какъ слеза, обширныя знанія, благородная скромность, поэтическая душа, а сердце преисполненное доброты и кротости, словомъ, человекъ идеальный, — вотъ типическое очертаніе души покойнаго. Душѣ праведника вѣчное упокоеніе!».

Не лишне передать нѣкоторыя событія изъ жизни почившаго, чтобы наглядно указать, какъ много онъ выстрадалъ и, несмотря на эти страданія, самовоспиталъ и соблюлъ себя для плодотворнѣйшей дѣятельности не только какъ пастыръ ввѣреннаго ему Богомъ словеснаго стада, но и какъ вождь въ политическо-народной жизни нашей обездоленной Галицкой Руси.

Отецъ его былъ бѣднымъ народнымъ учителемъ въ Бускѣ. По окончаніи народной школы, онъ былъ отданъ своими родителями для дальнѣйшаго образованія во Львовъ, но вскорѣ, вслѣдствіе многочисленности семейства, они отказались содержать его въ самую юную пору его жизни, именно на тринадцатомъ году отъ рожденія. Мальчикъ, отыскивая средства для существованія, поступилъ въ число служащихъ во львовскомъ домѣ графини Мѣръ, завязанной покровительницы іезуитовъ. Тамъ отъ принявшихъ католичество русскихъ слугъ графини онъ принужденъ былъ выслушивать поруганіе русскаго языка и обряда. Возмущенный столь оскорбительнымъ для его впечатлительной души поведеніемъ ианской прислуги, а въ особенности образомъ жизни и дѣятельности іезуитовъ, мальчикъ оставилъ домъ графини Мѣръ и, не имѣя чѣмъ жить, нанялся, вмѣстѣ со своимъ младшимъ братомъ, на вѣтряную мельницу, гдѣ исполнялъ самыя грубыя работы, носилъ мѣшки съ зерномъ, ковалъ камни, за что въ награду видѣлъ лишь грубое обращеніе, испытывалъ холокъ, голодь, до того невыносимые, что вмѣстѣ со своимъ братомъ бѣжалъ за тридцать двѣ мили въ Залѣщики, куда переведенъ былъ его отецъ.

Послѣ того, благодаря помощи своего дѣда, священника и благочиннаго въ Козловѣ, Каменецкаго уѣзда, въ домѣ котораго онъ и родился 14 января 1826 года, молодой Наумовичъ окончилъ гимназію во Львовѣ и былъ принятъ въ русскую семинарію. Въ это время началось революціонное движеніе 1848 года. Охватившія всю Европу стремленія къ свободѣ и національному возрожденію отразились въ пламенной, поэтической душѣ юноши Нау-

мовича. Поляки тогда, увлекшись мечтой возстановить свою Рѣчь-Посполитую, демонстративно стали носить національные костюмы. И молодой Наумовичъ надѣлъ себѣ на голову конфедератку. Наумовича исключили изъ семинаріи, а одинъ изъ поселянъ въ Залещикахъ сорвалъ съ его головы «рогатую шапку» и бросилъ ее въ Днѣстръ со словами: «Тамъ твоя Польша!».

Наумовичъ убѣдился тогда, что на Руси нѣтъ мѣста Польшѣ, раскаялся въ своемъ юношескомъ увлеченіи, снова былъ принятъ въ семинарію и, по окончаніи ея, состоялъ священникомъ послѣдовательно въ пяти приходахъ. Будучи пастыремъ народа, Наумовичъ свободное время посвящалъ литературѣ, поддерживая своими статьями популярныя изданія, и, наконецъ, основалъ собственный журналъ подъ названіемъ «Наука», а затѣмъ политическую популярную газету, — «Русская Рада». Этими изданіями онъ возбудилъ въ народѣ русское самосознаніе, поднялъ его умственно, научилъ его русской исторіи и любви къ родной Русской Церкви. Въ то же время онъ возбудилъ въ народѣ любовь къ родной землѣ и къ воздѣлыванію ея въ потѣ лица. Благодаря Наумовичу, народъ сталъ уважать трудъ, жить трезво, научился осушать болота, лучше воздѣлывать землю, разводить сады, устраивать пасѣки и разумно обращаться съ ними.

Не менѣе благотворное вліяніе имѣлъ Наумовичъ и на церковную жизнь Галицкой Руси. Своими серьезными статьями во львовскомъ журналѣ *Слово* онъ содѣйствовалъ очисткѣ русскаго обряда, заставилъ духовенство вступить за свои погрѣшныя Поляками права и уважать достоинство Русской Церкви. Неудивительно, что Наумовичъ возбудилъ противъ себя злобу и ненависть исконныхъ враговъ Руси, Поляковъ, неустанно стремящихся къ ея порабощенію. Особенно ненавистнымъ для нихъ дѣлался онъ вслѣдствіе своихъ мужественныхъ рѣчей во Львовскомъ сеймѣ, въ который онъ былъ избираемъ мелкими землевладѣльцами. Съ такою же гражданскою отвагой защищалъ онъ права Галицкой Руси въ Вѣнскомъ парламентѣ, депутатомъ коего онъ былъ избранъ въ семидесятыхъ годахъ.

Въ 1882 году Поляки возбудили противъ Наумовича судебное преслѣдованіе по извѣстному процессу Ольги Грабаръ, обвиняя его чуть не въ государственной измѣнѣ «за распространеніе православія» въ Гниличкахъ. Наумовичъ былъ обвиненъ и подвергнутъ продолжительному тюремному заключенію; но ни тяжелое заключеніе, ни лишеніе прихода, не поколебали убѣжденій ис-

тинно Русскаго человѣка. Когда греко-уніатскія духовныя власти въ Галиціи привлекли его къ отвѣтственности, онъ въ печатной апологій открыто исповѣдалъ свою вѣру и окончилъ свое препрательство съ духовнымъ ареопагомъ переходомъ въ православіе. Наумовичъ былъ отданъ подъ стражайшій полицейскій надзоръ, который отнималъ у него всякую возможность дѣятельности. Ему оставалось лишь навсегда покинуть родину, что онъ и сдѣлалъ, переселившись въ Кіевъ, гдѣ высокопреосвященный митрополитъ Платонъ опѣнилъ его заслуги, произведя его въ санъ протоіерея, а Императоръ Александръ III наградилъ его кабинетнымъ крестомъ.

Въ Кіевѣ начинается второй періодъ дѣятельности неутомимаго нахаря на нивѣ Христовой. Всеі Россіи извѣстны популярныя рассказы почившаго, преимущественно касающіеся сельской жизни и направленные къ поднятію умственнаго уровня простаго народа и его нравственной чистоты, а также экономическаго благосостоянія. Своимъ перомъ онъ бесѣдовалъ съ земляками въ Галиціи и поддерживалъ въ нихъ бодрость духа, необходимую въ борьбѣ ихъ за свое національное существованіе. Последнимъ дѣломъ почившаго, охватившимъ все его существо, возбуждившимъ всю его энергію, было стремленіе направить возникшую въ Галиціи эмиграціонную горячку съ Запада на Востокъ въ продородныя мѣстности Кавказа, гдѣ его земляки не только могли сохранить свою вѣру и народность, но достигнуть благосостоянія, вмѣсто готовившейся для нихъ гибели въ бразильскихъ первобытныхъ лѣсахъ подъ гнетомъ невѣроятной эксплоатаціи, въ положеніи рабовъ, болѣе тяжеломъ, чѣмъ то, въ какомъ страдали освобожденные въ настоящее время отъ рабства негры. Съ этою цѣлію отецъ Наумовичъ предпринялъ путешествіе по южной окраинѣ Россіи отъ границъ Румыніи и до Закавказья, но Господь не судилъ ему видѣть плоды своихъ трудовъ и счастье своихъ земляковъ, которыхъ онъ намѣревался вывести изъ рабства египетскаго въ землю обѣтованную.

Неудивительно, что всѣ Русскіе въ Галиціи относились къ нему съ величайшимъ уваженіемъ, а галицкіе поселяне, столь жестоко страдающіе отъ еврейской эксплоатаціи и польскихъ администраторовъ, видѣли въ «отцѣ Иванѣ» второго Моисея. Лишь только во Львовѣ разнеслась вѣсть о кончинѣ этого незабвеннаго мужа, какъ въ редакцію газеты *Галицкая Русь* толпами стали являться не только горожане, но и поселяне, желавшіе лично убѣдиться въ дѣйствительности ужаснаго горя, постигшаго Галицко-

Русскій народъ. Редакція означенной выше газеты вынуждена была распространить по Львову особые плакаты съ извѣсіемъ о смерти отца Наумовича. До поздней ночи какъ въ частныхъ домахъ, такъ и въ общественныхъ собраніяхъ только и рѣчи было что объ :той безвременной кончинѣ».

«Кіевское Слово» сообщаетъ, что семья покойнаго о. І. Наумовича осталась безъ всякихъ средствъ. Черезъ руки покойнаго прошло много денегъ, но не осталось ничего: все, что онъ получалъ, онъ отдавалъ въ пособіе своимъ нуждающимся землякамъ, тратилъ на изданіе народныхъ книжекъ, на научные и литературные труды. Понятно, что тѣмъ менѣе у родныхъ возможности перевезти прахъ о. І. Наумовича изъ далекаго Новороссійска въ Кіевъ. А между тѣмъ, говоритъ газета, это очень желательно. Дѣйствительно тѣлу человѣка, который столько потрудился на пользу церкви и народа въ обѣихъ половинахъ митрополіи Кіевской и Галицкой, подобаетъ почивать въ стольномъ городѣ этой митрополіи. О. І. Наумовичъ такъ любилъ Кіевъ. Предъ отъѣздомъ на Кавказъ онъ долго гулялъ по Аскольдовой могилѣ съ однимъ кіевскимъ священникомъ, которому не разъ повѣрялъ свои задушевные мысли и желанія. Любуясь видами, покойный, какъ бы предчувствуя въ душѣ, что живой онъ уже не вернется на берега Днѣпра, сказалъ: «Вотъ здѣсь желалъ бы я успокоиться тѣломъ, когда Богъ позоветъ къ себѣ мою душу». И мы увѣрены, что это желаніе старца исполнится. Для такихъ подвижниковъ, какъ о. І. Наумовичъ, должны найтись средства и способы для погребенія ихъ тамъ, гдѣ надлежитъ: онъ слишкомъ видное мѣсто занимаетъ въ исторіи Червонной Руси, такъ близкой къ намъ и нашему Кіеву.

— 6-го августа, въ день Преображенія, въ Астраханскомъ соборѣ произошелъ печальный случай. Въ алтарь, гдѣ находился служившій протоіерей, незамѣтно пробрался черезъ боковую сѣверную дверь рослый, здоровенный мужчина среднихъ лѣтъ. Онъ быстро вынулъ изъ-подъ полы камень и бросилъ его съ силою въ стоящую на престолѣ чашу для св. даровъ; отъ удара камнемъ св. чаша отлетѣла отъ престола на значительное разстояніе и сильно помялась. При этомъ святотатецъ неистово закричалъ: «Антихристы... поганое племя!» Явившіяся на шумъ въ алтарь нѣсколько лицъ изъ среды молящихся моментально схватили святотатца и повели изъ церкви. При задержаніи онъ хотя и не оказывалъ сопротивленія уводящимъ его изъ алтаря и церкви, но волновался и кричалъ: «Антихристы, проклятые, давно я до васъ

добираюсь... Я морякъ!.. Объявляю голодъ на три года» и т. п. Преступникъ назвалъ себя саратовскимъ крестьяниномъ Ведерниковымъ, по ремеслу—кормщикъ, по исповѣданію—поморець. Онъ имѣетъ жену и двухъ дѣтей и имѣлъ хорошиі зарботокъ. Врачи признали его лишившимся разсудка.

— Хлѣбный вопросъ мѣстами вызвалъ волненія толпы, преимущественно въ Западномъ краѣ. На станціяхъ динабургско-витебской желѣзной дороги: Витебскѣ, Полоцкѣ, Дриссѣ и Динабургѣ 6-го и 7-го августа собирались массы городского населенія и какъ-то наши возможнымъ высыпать зерно изъ проходившихъ вагоновъ на полотно дороги. При разгрузкѣ-же вагоновъ въ Витебскѣ не тронули ни зерна. Въ Шавляхъ (Ковенской губ.) толпа забрала подвезенныя къ станціи подводы съ хлѣбомъ и привезла къ городской управѣ, гдѣ мѣшки и сбросили; всѣхъ подводъ было до 400. Другая толпа мѣшала нагрузкѣ въ вагоны, причемъ нѣкоторые легли на рельсы. На станціи Куршаны, близъ г. Шавель, евреи не допускали крестьянъ подвозить къ линіи рожь. Произошло нѣсколько дракъ, а когда полиція задержала главнаго зачинщика, то еврейская толпа, челоуѣкъ въ 300, бросилась въ кварталъ и хотѣла отнять его силою, такъ что для прекращенія безпорядка пришлось исправнику потребовать роту. Въ гор. Лидѣ евреи, напротивъ, сами хотѣли направить хлѣбъ на станцію и для того, въ базарный день, заняли ведущія къ городу дороги, скупили весь подвезившійся хлѣбъ и повезли на станцію; но городская толпа, съ бѣдными ремесленниками во главѣ, собралась у станціи и не допускала туда обоза, сбрасывая мѣшки на землю. Полиція ничего не могла сдѣлать; волнующіеся кричали: «Пусть умремъ на каторгѣ, а не голодною смертію,—мы ѣсть хотимъ!» Волненіе продолжалось и на слѣдующій день. Было столкновеніе подобнаго-же рода и въ Вильнѣ, только меньшихъ размѣровъ.

— Г. Шемякинъ, въ числѣ другихъ мѣръ содѣйствія губерніямъ, которыя постигнуты неурожаемъ, предлагаетъ въ одной изъ Петербургскихъ газетъ слѣдующее: «На помощь правительству пойдетъ, какъ и всегда, широкая общественная благотворительность. Органомъ ея будетъ, безъ сомнѣнія, прекрасно устроенное общество «Краснаго Креста», имѣющее повсюду свои комитеты. Предстоитъ упорная и тяжелая война съ голодовкой, и какъ во время послѣдней восточной войны въ каждомъ домѣ шипали корпію и заготавливали бинты для раненныхъ, такъ теперь надо приступить повсюду къ заготовкѣ хлѣба для голодающихъ. По деревнямъ можетъ

идти особый сборъ ржи, пшеницы, гороха, картофеля, — тамъ, гдѣ эти продукты уродились хорошо. Съ разрѣшенія губернаторовъ, земскіе начальники, мировые посредники и другія мѣстныя начальства могли бы учредить при волостныхъ правленіяхъ этотъ сборъ натурою. Россія такъ велика, что гарнецъ ржи или муки съ каждаго дома далъ бы огромный сборъ и значительно помогъ бы нуждающемуся населенію. Деньгами крестьянину жертвовать трудно, а хлѣбомъ онъ всегда подѣлится, когда Господь послалъ урожай. Надо только всѣмъ дружно приняться за это дѣло и не терять драгоценнаго времени. Не надо пренебрегать ничѣмъ, даже, повидимому, мелочами. Въ каждой семьѣ, въ каждомъ учебномъ и благотворительномъ заведеніи, въ каждой ротѣ или баталіонѣ — остается множество корокъ и кусковъ хлѣба. Собирать эти куски и корки, посыпать солью и сушить — дѣло не трудное. Въ большихъ городахъ, мѣстечкахъ и селахъ можно будетъ собрать цѣлые вагоны такихъ сухарей. Вѣроятно, общества желѣзныхъ дорогъ согласятся за самую ничтожную плату, а иныя и даромъ, подвозить эти запасы въ мѣстности, застигнутыя неурожаемъ. Священники, приходскія попечительства, благотворительныя общества и частныя лица будутъ охотно доставлять эти сухари въ комитеты «Краснаго Креста». Нужда велика и съ каждымъ днемъ становится страшнѣе. Я видѣлъ хлѣбъ, которымъ питаются крестьяне Нижегородской губерніи. Онъ состоитъ изъ трехъ составныхъ частей: муки съ отрубями, конскаго щавеля и растертаго въ порошокъ гнилаго дерева. Но мука скоро истощится; что же будетъ тогда? И теперь этотъ хлѣбъ напоминаетъ собой конскій пометъ». — Можно себѣ представить ту нужду и горе, которыя смѣсили его!

— На ряду съ жалобами на недородъ хлѣбовъ, время отъ времени въ печати встрѣчаются самыя отрадныя извѣстія объ урожаѣ. Такъ, напримѣръ, въ газетѣ «Каспій» напечатана корреспонденція изъ Александрополя о прекрасномъ урожаѣ въ этомъ уѣздѣ.

А вотъ что сообщается въ «Астраханскомъ Вѣстникѣ»: «Урожай пшеницы по р. Кумѣ въ нынѣшнемъ году превзошелъ всякія ожиданія: достаточно сказать, что съ одной десятины получилось отъ 250 до 270 мѣръ (въ мѣрѣ 1 п. 15 ф.). Пшеница продается по 60—70 к. за пудъ; пшеничная мука по 1—1 р. 5 коп., ржаная мука свѣжаго помола по 50 коп. за пудъ. Въ Аксаѣ урожай хлѣбовъ также получился очень хорошій».

— Нынѣшнее бѣдственное положеніе губерній, пострадавшихъ

отъ неурожая, отразилось крайне неблагопріятнымъ образомъ и на матеріальномъ бытѣ православнаго сельскаго духовенства. Важнѣйшее подспорье въ жизни духовенства—доходъ отъ ружныхъ земель дошелъ до минимума, такъ какъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ земля обрабатывалась самимъ духовенствомъ, не собрано даже сѣмянъ, а гдѣ земли сдавались въ аренду мѣстнымъ крестьянамъ—трудно рассчитывать на полученіе арендныхъ денегъ, вслѣдствіе плохаго экономическаго положенія населенія. Съ другой стороны, изсякли по той причинѣ и посторонніе доходы духовенства за совершеніе требъ и т. д. На такое печальное положеніе мѣстнаго духовенства уже обращено вниманіе подлежащихъ сферъ. Помимо того, что мѣстные епархіальные преосвященные уже изыскиваютъ способы оказать посильную помощь сельскому духовенству, въ настоящій тяжелый моментъ тѣмъ же озабочено, какъ слышали «Моск. Вѣд.», и министерство внутреннихъ дѣлъ. Въ непродолжительномъ времени состоится распоряженіе о томъ, чтобы земства при распредѣленіи пособій между нуждающимся населеніемъ, обращали также вниманіе и на степень нужды духовенства и церковныхъ причтовъ, если послѣдніе не имѣютъ никакихъ постороннихъ средствъ къ жизни. Всѣмъ означеннымъ лицамъ также должны быть выдаваемы продовольственныя ссуды или ссуды на обстѣненіе полей. Впрочемъ, по имѣющимся свѣдѣніямъ, нѣкоторыя земства уже по собственному почину рѣшили оказывать помощь нуждающемуся сельскому духовенству.

— Доказывая, что ржаной мукъ отводятъ далеко не подобающее ей мѣсто въ общественномъ продовольствіи, г-нъ Коншинъ въ журналѣ «Наша Пища» приводитъ таблицу сравнительнаго пищевого значенія различныхъ припасовъ, судя по содержанію въ нихъ бѣлковъ, жировъ и крахмаловъ, а затѣмъ сопоставляетъ и соотвѣтствующія рыночныя цѣны. Вотъ эта интересная таблица.

Въ 100 частяхъ	Бѣлковъ.	Жировъ.	Крахм.	Пищев. единицъ.	100 единицъ обходятся.
Чечевича . . . . .	26	2	53	189	1.32 в.
Овсяная мука . . . . .	15	6	65	158	1.58 »
Горохъ . . . . .	23	2	52	173	1.59 »
Пшено . . . . .	11	5	68	138	2.09 »
Ржаная мука . . . . .	12	2	70	139	2.21 »
Картофель . . . . .	2	0	21	31	2.58 »
Пшеничная мука . . . . .	12	1	72	135	2.59 »
Гречневая крупа . . . . .	10	1	72	125	30.9 »

Изъ этой таблицы ясно, что ржаная мука по цѣнѣ слишкомъ

высока, если принимать въ расчетъ ея пищевое значеніе, самую же дешевую пищу даетъ овсяная мука, чечевица и горохъ. Какъ же, однако, ими воспользоваться?

По мнѣнію г. Коншина, выгоднѣе всего, для лучшаго усвоенія овсяной муки и чечевицы, готовить ихъ въ видѣ похлебокъ, но такихъ, въ которыхъ бы чечевица была совершенно разварена и представляла бы вмѣстѣ съ мукою родъ однообразнаго пюре, а для сего нужно чечевицу размачивать, по крайней мѣрѣ, сутки до варки, а когда начнутъ уже дѣлать изъ нея супъ или похлебку, то варить ее, по меньшей мѣрѣ, 3 часа и протирать чрезъ рѣшето. Если предположить, что въ сутки съѣстся по 1 ф. чечевицы и овсяной муки, то это дастъ въ граммахъ 168 бѣлковъ, 33 жировъ и 483 крахмаловъ, тогда какъ нормальный рационъ долженъ содержать, какъ думаютъ нѣкоторые, 118 бѣлковъ, 56 жировъ и 500 крахмаловъ. Указываемая похлебка, слѣдовательно, дастъ очень сытное питаніе для голодающаго, и суточное питаніе обойдется при ней въ 5 коп., причемъ похлебку всякій можетъ готовить себѣ самъ, не платя за фабрикацію хлѣба. За тѣ же 5 коп. болѣе  $1\frac{2}{3}$  фунтовъ чернаго хлѣба не купишь, а пищевое значеніе  $1\frac{2}{3}$  фунтовъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, таково: 37 гр. бѣлковъ, 3 грам. жировъ и 302 крахмаловъ, слѣдовательно, при похлебкѣ изъ овсяной муки и чечевицы получается за ту же цѣну болѣе на 131 грм. бѣлковъ, 30 жировъ, 181 крахмаловъ а если считать, что въ хлѣбѣ не усвоится много крахмаловъ, а въ похлебкѣ усвоеніе будетъ далеко выше, то черный хлѣбъ оказывается чрезвычайно дорогимъ, и похлебка выйдетъ много дешевле. Для увеличенія же усвоемости крахмаловъ похлебки, рекомендуется прибавлять въ нее небольшое количество солода, ржаного или ячменнаго. Похлебку сверхъ того можно разнообразить, прибавляя въ нее, напр., печеный лукъ, хорошо разваренный картофель, капусту и пр. зелень, а также поджаривая часть муки въ жиру, если онъ есть.

Передавъ подробно указанія г. Коншина, не сомнѣваемся, что, гдѣ будетъ нужно, они принесутъ свою долю пользы. Обратятъ вниманіе на эти указанія необходимо притомъ и не только въ виду теперешняго недостатка во ржи; они имѣютъ и общее, а неисключительное только для неурожайнаго года значеніе.

— Въ губерніяхъ: Петербургской, Московской, Харьковской, Кіевской, Подольской и Волынской; въ городахъ: Ростовѣ-на-Дону, Таганрогѣ, Нахичевани и селѣ Касперовкѣ области Войска Дон-

скаго, а также въ Петербургскомъ и Одесскомъ градоначальствахъ, въ Николаевскомъ военномъ губернаторствѣ и въ мѣстностяхъ, подвѣдомственныхъ Кронштадтскому военному губернатору, срокъ дѣйствія положенія объ усиленной охранѣ продолженъ еще на годъ.

— Попечитель петербургскаго учебнаго округа г. Канустинь издалъ передъ началомъ учебнаго года циркуляръ, въ которомъ, обращая вниманіе преподавателей на слабыя стороны экзаменовъ связанныхъ съ нервнымъ возбужденіемъ учащихъ, случайностью оцѣнки ихъ познаній, поверхностностью свѣдѣній, торопливо воспринимаемыхъ учащимися ради экзаменовъ, требуетъ, что-бы вопросъ объ успѣшности ученическихъ занятій преимущественно выяснялся въ теченіе учебнаго года и чтобы педагогическіе совѣты широко пользовались предоставленнымъ имъ правомъ классныхъ переводовъ безъ особыхъ испытаній.

— Одинъ изъ членовъ пошехонскаго училищнаго совѣта проектируетъ учрежденіе въ пошехонскомъ уѣздѣ земскаго школьнаго попечительства. Цѣль попечительства содѣйствовать матеріальному и нравственному благосостоянію школъ. Заботы и дѣйствія попечительства должны быть выражены въ нижеслѣдующемъ: а) учрежденіе кассъ ученическихъ при школахъ; б) приобрѣтеніе земель для школъ, на которыхъ бы учителя разбивали сады съ питомниками плодовыхъ деревьевъ и ягодныхъ кустовъ, разрабатывались бы огороды съ разными огородными овощами; при многоземеліи при училищахъ, учителя могутъ обрабатывать землю какъ пахотную, такъ и сѣнокосную, развивая хозяйство до фермерскаго состоянія; въ особенности должно быть обращено вниманіе на пчеловодство; в) учрежденіе при школахъ мастерскихъ, въ которыхъ бы ученики и окончившія въ школахъ дѣти обучались разнообразной ремесленности; г) для дѣвочекъ, ученицъ школъ, учительницы преподавали бы разныя рукодѣлья; д) приобрѣтать и возводить новыя зданія для школъ, а равно и ремонтировать старыя; е) доставлять училищамъ необходимыя учебныя пособия, школьныя принадлежности: книги, бумагу, перья, чернила и проч.; ж) при школахъ, гдѣ чувствуется потребность, открываніе ночлежныхъ пріютовъ для дѣтей, приходящихъ изъ дальнихъ селеній; з) помогать бѣднымъ дѣтямъ-ученикамъ, снабжая ихъ обувью, одеждой, пищей, а при заболѣваніи посильною помощью; и) въ вакаціонное время устраивать для дѣтей праздники, гулянья и игры, прогулки по полямъ и лугамъ, по лѣсамъ и нивамъ, объясняя видимые предметы и ихъ значеніе въ жизни; і) на основа-

ніи существующихъ законоположеній подъ руководствомъ законоучителей и учителей, устраивать собесѣдованія и чтенія, какъ для учениковъ школъ, такъ и для народа. Средства земскаго школьнаго попечительства состоятъся: а) изъ земскихъ ассигновокъ на попечительства, б) изъ пожертвованій, в) изъ сборовъ по подпискѣ, г) изъ ассигновокъ отъ волостей и обществъ изъ мірскихъ суммъ и доходовъ, д) изъ сборовъ въ кружки, выставленныя попечительствомъ при школахъ, е) изъ доходовъ съ суммъ и имущества школьныхъ, ж) изъ платы за пользованіе школьною бібліотекой, з) изъ членскихъ взносовъ и и) изъ ученическихъ пожертвованій. Дѣятельность попечительства такъ обширна, что даетъ возможность всѣмъ и каждому выразить свое участіе въ развитіи народа, вкладя посильную лепту на это полезное дѣло.

— Предстоящая сессія государственнаго совѣта будетъ обильна важными законопроектми, касающимися обезпеченія быта, рабочихъ. Газеты уже сообщали о государственной кассѣ страхованія рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ; въ связи съ этимъ проектомъ находится проектъ комиссій графа Игнатъева и графа Валюева, которыя подробно разработали вопросъ объ обезпеченіи рабочихъ, получившихъ увѣчья. Государственному совѣту предстоитъ высказаться о предпочтительности того или другаго способа обезпеченія рабочихъ. Вышеупомянутыя комиссіи проектировали основное правило, по которому вознаградить потерпѣвшаго рабочаго или его семью обязаны не только владѣльцы фабрикъ, заводовъ, горныхъ и каменноугольныхъ копей и другихъ промышленныхъ заведеній, но и предпринимателя всякихъ работъ и подрядчика, независимо отъ того, являются-ли владѣльцами и предпринимателями правительство, казенныя управленія, акціонерныя общества или частныя лица. Къ этому основному положенію совѣтъ торговли и мануфактуръ, на разсмотрѣніе котораго восходили проекты комиссій графа Игнатъева и графа Валюева, добавилъ, что отвѣтчики обязаны вознаградить потерпѣвшаго въ томъ случаѣ, если несчастіе произошло: а) вслѣдствіе какого-либо недостатка или несовершенства употребляемыхъ въ производствѣ машинъ и другихъ приспособленій, вслѣдствіе недостаточнаго огражденія для безопаснаго ихъ дѣйствія, вслѣдствіе порчи машинъ, взрыва и вообще другихъ причинъ, вытекающихъ изъ устройства механизмовъ и самого производства; б) по причинѣ небрежности кого-либо изъ служащихъ, которымъ ввѣренъ надзоръ или вслѣдствіе отдачи ими или хозяиномъ предпріятія приказаній, послѣдствіемъ

которыхъ было несчастіе, или отъ допущенія работы при условіяхъ, запрещаемыхъ особыми постановленіями, и в) въ отрасляхъ промышленности, особенно вредныхъ или порождающихъ опасныя болѣзни, отвѣтственность падаетъ на владѣльцевъ этихъ предприятий въ тѣхъ случаяхъ, когда возможно прослѣдить, что заболѣваніе произошло непосредственно отъ даннаго производства и что оно могло быть предупреждено обезпеченіемъ лучшихъ санитарныхъ и гигиеническихъ условій. Таковы основанія отвѣтственности владѣльцевъ промышленныхъ и фабричныхъ заведеній и предпринимателей, проектированныя министерствомъ финансовъ и съ которыми согласились всѣ правительственныя учрежденія, на разсмотрѣніе которыхъ проектъ поступалъ и которыя признали безусловно справедливымъ возложить тяжесть доказательства (*onus probandi*) на отвѣтчиковъ.

— «Кіев. Слово» слышало, что въ правительственныя учрежденія представляется проектъ учрежденія всероссійскаго соединеннаго благотворительнаго общества «Синяго Креста». Задачею такого общества должна являться организація помощи въ моменты чрезвычайныхъ народныхъ бѣдствій, какъ, на примѣръ, опустошительные пожары, крайній недостатокъ продовольственныхъ средствъ по случаю неурожая, градобитія и т. д., разореніе жителей какого-либо района, вслѣдствіе наводненія и проч. Общество «Синяго Креста» должно организоваться посредствомъ выдѣленія представителей и части капиталовъ изъ существующихъ уже благотворительныхъ обществъ. Всѣ пожертвованія, дѣлаемые по тому или другому экстренному случаю, должны стекаться въ общество, что предупредитъ ихъ раздробленіе и доставитъ возможность оказать пострадавшимъ, при тѣхъ-же самыхъ средствахъ, болѣе существенную помощь. Находясь въ завѣдываніи или подъ строгимъ контролемъ правительства, общества «Синяго Креста» должно служить цѣлямъ сосредоточенія всѣхъ средствъ благотворительности для нуждающихся. Во время всякаго народнаго бѣдствія есть масса желающихъ оказать помощь пострадавшимъ, но большинство не знаетъ, куда адресовать пожертвованія, такъ какъ даже въ самыхъ неотложныхъ случаяхъ комитеты для сбора пожертвованій и организація народной помощи учреждаются весьма поздно и, кромѣ того, о существованіи ихъ и мѣстопробываніи многимъ неизвѣстно. При существованіи общества Синяго Креста этотъ недостатокъ былъ-бы устраненъ и всѣ пожертвованія могли бы стекаться туда, такъ же, какъ и въ общество Краснаго Креста.

Въ виду важности задачъ общества, а также и обширнаго круга его дѣятельности, обществу должна быть присвоена организація, соотвѣтствующая обществамъ Краснаго и Бѣлаго Креста. Такъ какъ въ задачу общества должно быть положено главнѣйшимъ образомъ изысканіе мѣръ и способовъ помощи въ моменты общественныхъ бѣдствій и ея организаціи, то съ цѣлью образованія наиболѣе значительнаго капитала должны быть разрѣшены: приемъ постоянныхъ пожертвованій, устройство концертовъ, спектаклей и другихъ предпріятій въ пользу увеличенія средствъ общества, а въ виду того, что, при солидной организаціи, общество въ извѣстные моменты значительно облегчитъ задачи правительства, земствъ и городскихъ управленій, къ образованію капитала общества Сіняго Креста могутъ быть привлечены также земства и городскія общественныя управленія

— Страшное развитіе въ народѣ пьянства—это одно изъ тѣхъ великихъ золъ, многолѣтняя и упорная борьба съ которыми не приводитъ ни къ какимъ результатамъ. Особенно въ послѣдніе годы пьянство въ народѣ развилось въ такой чрезвычайной степени, что снова обратило на себя серьезное вниманіе правительства и общества. Не далѣе, какъ въ прошломъ году Святѣйшій Синодъ, принимая во вниманіе, что не прекращающееся пьянство среди низшихъ классовъ городского и сельскаго населенія представляетъ такое зло, которое оказываетъ самое пагубное вліяніе на религіозность и нравственность народонаселенія и влечетъ за собою совершенное разстройство его благосостоянія,—предложилъ приходскимъ попечительствамъ, братствамъ и церковнымъ совѣтамъ, путемъ живаго и ближайшаго воздѣйствія на населеніе, способствовать къ отвлеченію его отъ питейныхъ заведеній и употребленія вина, особенно въ то время, когда преимущественно обнаруживается наклонность къ пьянству (напримѣръ, въ дни престольныхъ праздниковъ, свадьбъ и т. п.), такъ какъ на духовенствѣ и поименованныхъ епархіальныхъ учрежденіяхъ лежитъ прямой долгъ принять подъ свое особенное покровительство дѣятельность по искорененію въ народѣ пристрастія къ спиртнымъ напиткамъ.

Дѣйствительно, нельзя не согласиться съ тѣмъ, что духовенству въ дѣлѣ борьбы съ пьянствомъ должна принадлежать одна изъ главныхъ ролей: дѣйствуя морально, способствуя возвышенію нравственнаго уровня низшихъ классовъ населенія, а также возбуждая и поддерживая въ немъ рѣшимость къ совершенному воз-

держанію отъ употребленія спиртныхъ напитковъ, — сельское духовенство можетъ оказать не маловажную услугу дѣлу борьбы съ пьянствомъ. Но можетъ ли духовенство выполнить эту роль? Отвѣчая на этотъ вопросъ, одинъ изъ сотрудниковъ «Юж. Края» говоритъ, что духовенство наше въ послѣднее время обременено всевозможными обязанностями; на плечи его взваливается разрѣшеніе всѣхъ самыхъ запутанныхъ и подчасъ не поддающихся разрѣшенію вопросовъ, отнимающихъ у него не мало времени и труда, а потому весьма естественно, что духовенство врядъ ли можетъ относиться къ большей части своихъ обязанностей иначе, какъ только формально. Вслѣдствіе этого инициатива и главная роль въ дѣлѣ искорененія пьянства въ народѣ должна принадлежать самому обществу, въ лицѣ представителей и земскихъ учреждений, которые не только могутъ, но и должны заботиться объ улучшеніи умственной и нравственной стороны жизни сельскаго населенія. Въ чемъ же, спрашивается, должны заключаться эти заботы? Для возвышенія уровня умственнаго развитія нашего мужика и для ограниченія пьянства, нужно обставить по возможности жизнь его такъ, чтобы онъ не думалъ, лучше — не имѣлъ времени думать о кабацѣ, т. е. нужно обставить жизнь его такъ, чтобы ему было гдѣ провести съ пользою свободное время. Достигнуть этого въ селахъ можно устройствомъ надлежащихъ крестьянскихъ библиотекъ и введеніемъ въ народныхъ школахъ воскресныхъ и вечернихъ занятій для взрослыхъ. Этимъ путемъ можно достигнуть того, что если не всѣ, то многіе (и это слава Богу) крестьяне будутъ проводить длинные зимніе вечера и свободное праздничное время не въ кабакахъ, а либо въ школѣ на занятіяхъ, либо дома за чтеніемъ книгъ, получаемыхъ бесплатно въ крестьянскихъ библиотекахъ.

— Недавно вышла книжка съ такимъ заглавіемъ: «Каждый крестьянинъ можетъ въ одну недѣлю сдѣлать свои постройки неогораемыми. Соломенно-глиняные щиты, какъ общедоступное средство отъ пожаровъ. Священникъ А. П. Смирягина, кандидата С.-Петербургской духовной академіи. Николаевъ, 1891 г.». Авторъ хорошо изучилъ пожарное дѣло въ Россіи и предлагаетъ простую противопожарную мѣру: существующія крестьянскія постройки покрыть соломенно-глиняными щитами простѣйшаго устройства.

Это средство не ново, взято у народа же, и не требуетъ почти никакихъ затратъ, кромѣ расхода на солому. Въ виду простоты

и сравнительной дешевизны этого средства, авторъ надѣется, что органы печати, помѣщики и, вообще, люди интеллигентные, а особенно—близко стоящіе къ народу сельскіе священники, прочтя книгу, станутъ пропагандировать среди крестьянства соломо-глиняные щиты. Авторъ проводитъ мысль и объ административномъ воздѣйствіи въ этомъ направленіи на крестьянъ. Основываясь на опытѣ такого рода построекъ, существующихъ въ южной Россіи, гдѣ пожары менѣе часты и не столь опустошительны, гдѣ, благодаря глинѣ на стѣнахъ и потолкахъ, по большей части стораютъ однѣ соломенные крыши, опираясь и на свои личные опыты, веденные въ размѣрахъ незначительныхъ, авторъ убѣждаетъ читателя, что покрывши свои избы соломо-глиняными щитами, или даже просто обмазавъ ихъ глиной, крестьянинъ предохранитъ себя и отъ пожаровъ по неосторожности съ огнемъ, и отъ «краснаго пѣтуха».

Давая критическій разборъ существующихъ мѣръ обезопасенія отъ огня, авторъ говоритъ о послѣдствіяхъ увлеченія соломенными коврами, предложенными фермою Красноуфимскаго реального училища. Ковры эти оказались довольно дорогими (отъ 1 р. 50 коп. до 7 руб. квадратный сажень крыши) и быстро разрушающимися отъ влаги, такъ какъ состоятъ не изъ сплошнаго ряда соломы (подобно тому, какъ въ щитахъ о. Смирягина), а изъ пучковъ ея, связанныхъ бичевкою. Огнеупорныя и водоупорныя средства Бабаева дороги, не прочны, ибо въ составъ ихъ входитъ, такъ называемое, жидкое стекло, утрачивающее со временемъ огнеупорныя качества не только отъ растворимости и смываемости, но и отъ происходящаго химическаго процесса—превращенія въ кремневую кислоту, несравненно менѣе огнеупорную, чѣмъ самое жидкое стекло. Составы Бабаева пригодны для защиты отъ огня деревянныхъ половъ, дверей, подоконниковъ, гдѣ обмазка глиной не годится, но и здѣсь дерево, поверхъ состава, необходимо покрывать масляной краской или лакомъ для предохраненія состава отъ разрушающихъ его вліяній. Все это дорого и недоступно крестьянину. Крестьянскій міръ еще ждетъ своего благодѣтеля, который придасть бы жидкому стеклу большую устойчивость, или изобрѣлъ бы иной простой и дешевый способъ предохранять двери, окна и прочія деревянные части построекъ отъ огня. Страхование, по приводимому авторомъ справедливому мнѣнію г. Палимпсестова, это переброска грошей изъ одной сумы въ другую, а можетъ быть ослабленіе осторожности. Проекты, подоб-

ные предложенному г. Пороховщиковымъ, — устройство кредитныхъ обществъ, цѣлю которыхъ было бы возведеніе огнеупорныхъ строеній, или другіе, совѣтовавшіе обязательное возведеніе крестьянскими обществами по два на каждую деревню огнестойкихъ дома въ годъ, все это мѣры, отсрачивающія избавленіе Россіи отъ сельскихъ пожаровъ на сроки въ 25—50 лѣтъ. Словомъ, по мнѣнію автора, русскимъ селамъ надо возвратиться къ древнѣйшему способу постройки жилищъ изъ жирной земли, описываемыхъ первымъ изъ писателей-архитекторовъ, Витрувіемъ, жившимъ во времена Августа.

Необходимо признать, что трудъ о. Смирягина есть трудъ серьезный, заключаая въ себѣ статистическія данныя, критику извѣстныхъ огнеупорныхъ составовъ, обзорѣніе относящейся къ предмету отечественной и частью иностранной литературы, указанія на простѣйшій и сравнительно недорогой способъ обезопасенія крестьянскихъ жилищъ.

— Харьковскій губернаторъ обратился съ циркулярнымъ предложеніемъ къ земскимъ начальникамъ объ устройствѣ усыпальницъ въ селахъ. Этотъ циркуляръ основанъ на предложеніи министра внутреннихъ дѣлъ, который обратилъ вниманіе на помѣщенную въ «Церк. Вѣд.» замѣтку о сооруженіи при каждомъ сельскомъ погостѣ усыпальницъ, въ которыхъ могли-бы быть помѣщаемы до истеченія положеннаго трехдневнаго срока умершіе.

Г. министръ находитъ весьма полезнымъ и съ гигиенической точки зрѣнія безусловно необходимымъ устройство сельскихъ усыпальницъ, при тѣснотѣ устройства деревенскихъ жилищъ и въ случаѣ заразныхъ болѣзней, которыя вообще очень часты въ деревнѣ. Г. министръ требуетъ самаго широкаго распространенія идеи устройства сельскихъ усыпальницъ, что и возложено начальникомъ губерніи на земскихъ начальниковъ, причемъ полиціи вмѣнено въ обязанность оказывать въ этомъ дѣлѣ полное содѣйствіе. Нельзя не пожелать доброму дѣлу полного успѣха.

— Недавно окончились археологическія раскопки, производившіяся текущимъ лѣтомъ въ таврической губерніи проф. Ю. И. Веселовскимъ и увѣнчавшіяся блестящимъ успѣхомъ. Кромѣ окончанія въ дер. Шульговеѣ, мелитопольскаго уѣзда, работъ по раскопкѣ свисской царской гробницы, — работъ, начатыхъ еще три года тому назадъ, веденныхъ на шестисаженной глубинѣ и давшихъ множество драгоценныхъ находокъ, и кромѣ осмотра большого кургана въ дер. Саблахъ, симферопольскаго уѣзда, особенно любо-

пытны раскопки кургановъ, произведенныя проф. Веселовскимъ въ имѣніи одной мѣстной землевладѣлицы, въ 4-хъ верстахъ отъ Симферополя. Здѣсь изслѣдовано 4 кургана, изъ которыхъ наиболѣе любопытнымъ оказался четвертый, самый большой. Въ немъ найдена могила длиною въ  $5\frac{1}{2}$  аршинъ, а вышиною и глубиною въ 1 сажень. Кругомъ могилы находилась стѣна, сложенная изъ каменныхъ плитъ, скрѣпленныхъ цементомъ изъ бѣлой глины; могила была прикрыта бревнами и заложена огромнымъ количествомъ известоваго камня, а сверху — чистой землей. По вскрытіи могилы найдены: въ трехъ углахъ — амфоры, въ четвертомъ — на каменной плитѣ, въ родѣ стола, бычачьи кости и при нихъ ножъ съ костяною ручкою, очень хорошо сохранившеюся. Скелетъ лежалъ головою на западъ. Между двумя амфорами, найденными у восточной стѣны, у ногъ скелета, находился костяной рогъ въ серебряной оправѣ; съ правой стороны скелета, почти у стѣны, параллельно ногамъ, лежалъ мѣдный шлемъ. На правой рукѣ скелета оказалось надѣтымъ золотое кольцо, въ видѣ змѣйки, а на лѣвой — серебряное. Здѣсь же найдены: колчанъ съ мѣдными стрѣлками, пять копьевъ, изъ которыхъ 2 овальные, 2 зубчатые и 1 закругленное, и, наконецъ, желѣзная сѣкира, посрединѣ которой шла деревянная ручка, обвитая лентою изъ листового золота, шириною въ  $\frac{1}{4}$  вершка. Кроме того, на шеѣ скелета найдено золотое ожерелье, неправильной круглой формы, въ діаметрѣ около 6 вершковъ и вѣсомъ, приблизительно, — около 80 золотниковъ; оба конца этого ожерелья отдѣланы филигранными узорами и заканчиваются львиными головками. Далѣе, также любопытны раскопки большого кургана неподалеку отъ полотна лозово-севастопольской желѣзной дороги. Въ этомъ курганѣ найдено нѣсколько большихъ могилъ, въ которыхъ находились скелеты съ крапеными костями. Особенное вниманіе остановила одна изъ могилъ, обложенная четырьмя двухъ-аршинными, въ квадратѣ, плитами изъ камня — песчаника, разукрашенными внутри косыми линиями, поочередно, черными и красными, а между линиями — красными крупными точками. Сверху могила была прикрыта пятою плитою, замазанною бѣлою глиною. Въ этой могилѣ находился скелетъ въ согнутомъ положеніи. Дальнѣйшія работы по раскопкѣ этого любопытнаго кургана отложены до будущаго года. «С. От».

— 22 августа отправляется въ Св. Землю экспедиція, снаряженная Православнымъ Палестинскимъ Обществомъ для изслѣдованія древне-христіанскихъ памятниковъ. Въ ней принимаютъ

участіе профессора Н. П. Кондаковъ, И. В. Помяловскій и А. А. Олесницкій, академикъ исторической живописи А. Д. Кившенко, художникъ акварелистъ Н. А. Околовичъ и извѣстный фотографъ археологъ И. Ф. Барцевскій. Для изслѣдованія священной старины во Св. Землѣ, Палестинское общество періодически посылаетъ въ Св. Землю ученыхъ экспедиціи, а для ознакомленія Русскаго народа съ священными палестинскими памятниками издаетъ рядъ литературныхъ произведеній, относящихся къ палестиновѣдѣнію. Относительно ученыхъ изслѣдованій въ Св. Землѣ, предпринятыхъ по инициативѣ Палестинскаго общества, слѣдуетъ указать: 1) на раскопки въ Иерусалимѣ начальника духовной іерусалимской миссіи архимандрита Антонина, приведшія къ открытію остатковъ древней іудейской стѣны; 2) на экспедицію въ 1888 году профессора А. А. Цагарелли въ Св. Землю и на Синай; 3) на путешествія въ 1886 году А. В. Елисеева отъ границы Кавказа до предѣловъ Сиріи, профессора А. А. Олесницкаго въ Иерусалимѣ, для провѣрки его долгомѣтнаго изслѣдованія о храмѣ Соломона, и 4) командировку въ 1886 году П. В. Безсонова на востокъ для отысканія въ книгохранилищахъ востока неизвѣстныхъ или еще неизданныхъ произведеній древнихъ паломниковъ. Настоящая большая ученая экспедиція предпринята Палестинскимъ Обществомъ для изслѣдованія древне-христіанскихъ памятниковъ въ Св. Землѣ и Сиріи. Крайними предѣлами этой экспедиціи назначены линія отъ Тарса, Алеппо и Пальмиры, по крайней восточной границѣ Хаурама и Заіорданья до Парты Аравійской и отъ Парты до Эль-Ариша. Задача экспедиціи—изслѣдовать и описать памятники древне-христіанскіе, а также еврейскіе, финикійскіе, греческіе и сирійскіе III—VII вв., которые встрѣтятся ей на пути. Для изслѣдованія всей этой площади потребовалось бы не менѣе 15 мѣсяцевъ непрерывныхъ разъѣздовъ. Въ виду такого продолжительнаго срока пришлось все изслѣдованіе раздѣлить на три послѣдовательныя экспедиціи и въ настоящемъ году ограничиться только изслѣдованіемъ Палестины, Заіорданья и Парты. Экспедиція, по словамъ „Новостей“, возвратится въ Петербургъ въ январѣ будущаго 1892 года.

— Южно-Уссурійскій край представляетъ площадь въ 76.000 кв. в. или около 8 милліоновъ десятинъ, т. е. пространство, равняющееся по величинѣ нѣкоторымъ уѣздамъ Россійской имперіи. Хотя большая часть этой площади и занята тайгою, мѣстами довольно сильно разрѣженной, но все-таки не менѣе четверти это-

го пространства, т. е. до двухъ миллионъ десятинь, вполне годно для земледѣлія, не считая еще значительныхъ лѣсныхъ участковъ, которые также легко могутъ быть превращены въ пахатныя земли. Оставляя пока въ сторонѣ почти вовсе еще неизслѣдованныя минеральныя богатства края, которыя не могутъ быть особенно обильными, несмотря на то, что кое-гдѣ указываютъ на мѣстонахожденіе каменнаго угля и золота, особенно по теченію нѣкоторыхъ лѣсныхъ рѣкъ и ручейковъ, должно упомянуть, что самыя лѣса Южно-Уссурійскаго края могутъ доставлять достаточно средствъ для обогащенія мѣстнаго населенія при правильной постановкѣ ихъ эксплуатаціи. Въ тайгѣ бассейна Усури смѣшивается флора сибирскихъ хвойныхъ лѣсовъ съ растительностью, характеризующею поясъ лиственныхъ деревьевъ. Чернолѣсье, однако, преобладаетъ надъ лѣсами съ постоянно зеленѣющими иглами, особенно на склонахъ Сихэтэ-Алиня. Помимо сосенъ, елей, пихтъ, лиственницъ и кедровъ, въ тайгѣ Уссурійскаго края встрѣчаются почти всѣ лиственные деревья умереннаго пояса. Рядомъ съ сѣверною березою растутъ вязы и клены, рядомъ съ осиною высѣются грабины и волошскіе орѣшники, рядомъ съ липами поднимаются могучіе дубы, тисъ и пробковыя деревья; подлѣсникъ еще богаче видами, незнакомыми для русскаго поселенца. Помимо всѣхъ кустарныхъ растений, свойственныхъ лѣсамъ средней полосы Россіи, тутъ встрѣчаются многочисленныя таволги, дикія персиковыя и грушевыя деревья, барбарисъ, колючій лещинникъ (*Corylus*) и не менѣе колючая аралія (*Eleuterococcus*). Всѣ промежутки, остающіеся между этою густою порослью, затканы сѣтью вьющихся растений и упругими вѣтвями плетневика (*Actinidia*). Дикій виноградъ, образующій настоящія ліаны, перекидывается между великанами лѣса и обвиваетъ стволы ихъ такъ же, какъ и гибкія вѣтви мелкой поросли и даже кустовъ. Всякимъ строевымъ и подлѣснымъ лѣсомъ богаты лѣса Уссурійскаго края, только нѣтъ въ нихъ того, что привыкъ нашъ мужичекъ получать отъ лѣсовъ своей родины—многочисленныхъ ягодъ и грибовъ. Кустарныя ягоды какъ-то несвойственны тайгѣ Амура и Усури, а развитію низкихъ ягодныхъ растений, какъ и грибовъ, препятствуетъ богатая травяная растительность, составляющая характеристику флоры этой богатой страны.

Разнообразіемъ и роскошнымъ развитіемъ растительныхъ формъ отличаются не только тайга Амура и Усури, но и равнины, и особенно рѣчныя долины края. Въ пояса воздѣлываемыхъ зе-

мель, онѣ покрыты сплошь такою густою, травянистою растительностью, которая образуетъ настоящія чащи не менѣе непроходимыя, какъ и знаменитыя джунгли Индустана. Зонтичныя растенія, чернобыльники, тростники, хлѣбныя злаки, полыни и др. травы, достигающія мѣстами болѣе 10 футовъ вышиною, представляютъ цѣлыя травянистыя лѣса, въ которыхъ теряется совершенно всадникъ со своимъ конемъ и даже цѣлыя тройки лошадей. Многочисленныя травы эти, представляющія пышный цвѣтущій коверъ, по обилію кормовыхъ растеній могутъ сравниться со многими степными мѣстностями и могутъ поддерживать самое широко поставленное скотоводство. Обиліе жвачныхъ животныхъ, населяющихъ эту травянистую тайгу, показываетъ, что и для домашняго скота здѣсь нашлось бы достаточно пищи.

Разнообразію и богатству растительнаго царства соотвѣтствуетъ и разнообразіе фауны, также могущей доставить населенію многочисленные источники заработка и питанія. Помимо всякой пернатой и четвероногой дичи, которою кишатъ тайга и травяныя чащи Южно-Уссурійскаго края, здѣсь встрѣчаются фазаны, дрофы, возули, благородные олени, кабаны, лоси, изюбры, соболи, медвѣди, барсы и тигры, животныя мало знакомыя большинству нашихъ переселенцевъ, приходящихъ изъ средней полосы Россіи. Несмотря на свою малую привычность къ охотѣ, переселенцы наши скоро начинаютъ понимать всю выгоду, представляемую охотою, и отдаются этой послѣдней съ увлеченіемъ, нерѣдко въ ущербъ прямымъ своимъ занятіямъ—земледѣлію.

Своеобразное соединеніе климатическихъ условій въ Южно-Уссурійскомъ краю требуетъ особеннаго приспособленія со стороны земледѣльца; малѣйшая оплошность этого послѣдняго можетъ дать уже печальные результаты, и половина жалобъ нашихъ непривыкшихъ еще къ мѣстнымъ условіямъ края переселенцевъ объясняется ихъ невольною оплошностью и неумѣніемъ приспособлять различные роды культуръ къ переменамъ времени года. Нашъ переселенецъ ошибается нерѣдко, откладывая жатву до августа, когда начинаются дожди, и рѣки выступаютъ изъ береговъ; онъ ошибается также и при посѣвахъ.

Изъ предъидущаго изложенія ясно, что край этотъ по однимъ уже разнообразнымъ естественнымъ богатствамъ, помимо своего политическаго значенія, представляетъ страну вполне годную для заселенія и заслуживаетъ вполне тѣхъ заботъ и жертвъ, которыя несетъ русское правительство и народъ для прочнаго водворенія

въ немъ чисто русскаго элемента и русской культуры. Не будемъ однако рисовать себѣ все въ розовомъ цвѣтѣ и представлять себѣ Южно-Уссурійскій край какимъ-то сказочнымъ Эльдорадо, гдѣ все полно роскоши и богатствъ, гдѣ природа источаетъ всѣ свои дары, гдѣ есть всѣ выгоды, и нѣтъ ни одного недостатка, не будемъ подзадоривать себя соображеніями о громадныхъ залежахъ каменнаго угля, рудахъ металловъ и розсыпяхъ золотаго песку; не будемъ, очертя голову, заманивать туда бѣднаго русскаго крестьянина внутреннихъ губерній, представляя этотъ край волшебною строною, золотымъ дномъ, гдѣ не надо трудиться, а стоитъ только собирать. И безъ этихъ розовыхъ утопій Амуръ кажется нашему крестьянину, сидящему на своей плохенькой Тверской или Смоленской землицѣ, чѣмъ-то сказочнымъ, гдѣ соединяются въ самой привлекательной формѣ всѣ идеалы пахаря—обиліе земли, сказочные урожаи и притомъ необязательность тяжелаго труда.

Нѣтъ—Южно-Уссурійскій край далеко не Эльдорадо, не волшебная страна и не сказочный Вирей, куда всѣ алчущіе легкаго хлѣба должны стремиться, какъ перелетныя птицы. Въ этой странѣ, такъ-же, какъ и въ другихъ не легко снискивать себѣшу насный хлѣбъ, а кто хочетъ добиться хотя относительнаго довольства, тотъ долженъ работать въ потѣ лица своего; сама по себѣ земля нигдѣ ничего не даетъ; она должна быть оплодотворена разумнымъ трудомъ человѣка и полита каплями его трудового пота. Не на радости и жизнь беззаботную, а на трудъ тяжелый, упорный, хотя и хорошо вознаграждающійся, долженъ ѣхать каждый переселенецъ, собирающійся въ Южно-Уссурійскій край. Всего тамъ много, правда, разсыпано природою, но ко всему человѣкъ долженъ приложить свой трудъ и терпѣніе, подчасъ не менѣе кропотливыя, чѣмъ и подъ сѣрымъ небомъ на истощенной, болѣзненной землѣ. Кто боится этого труда или не умѣетъ взяться за него даже у себя на родинѣ, тотъ ничего не достигнетъ и въ этомъ сказочномъ Эльдорадо, каковымъ представляется ему Уссурійскій край; напрасны будутъ только жертвы, принесенныя при этомъ переселеніи, бесполезна рѣшимость покинуть родной край и могилы своихъ близкихъ, какъ дымъ разлетятся розовыя надежды при первомъ же знакомствѣ съ краемъ, дотолѣ манящимъ воображеніе. Много такихъ разочарованныхъ, погубившихъ свое прошлое, а пожалуй и будущее, встрѣчается между нашими переселенцами Южно-Уссурійскаго края, и великій грѣхъ лежитъ на душѣ тѣхъ, кто сманилъ этихъ несчастныхъ покинуть

родной уголокъ и отправиться въ далекую страну, обѣщая имъ даровой хлѣбъ и свободу отъ труда. Пусть дадутъ въ руки этому наивному, какъ младенецъ, и склонному къ мечтательности и фантазіямъ народу не преувеличеніе, а настоящую правду о томъ таинственномъ Виреѣ, куда летятъ ежегодно тысячи нашихъ перелетныхъ птичекъ. Пусть каждый, кто рѣшится на такое далекое переселеніе, впередъ будетъ знать хорошо тотъ край, куда его манить еще не замершій въ русскомъ народѣ духъ бродяжничества, и тогда каждый разочарованный можетъ пенять лишь на самого себя, тогда какъ теперь онъ на многихъ другихъ бросаетъ тяжкое обвиненіе. «Рус. В.»

— Вопросъ о продолжительности жизни человѣка всегда интересовалъ и будетъ интересоваться человѣка, пока живутъ на свѣтѣ люди.

Недавно профессоръ Касперъ, нѣмецкій докторъ, произвелъ новое изслѣдованіе вопроса на основаніи послѣднихъ статистическихъ данныхъ. Взявши за исходный пунктъ своего исчисленія 70 лѣтъ, какъ среднюю цифру человѣческой жизни, онъ представилъ результатъ своихъ изслѣдованій въ нижеслѣдующей таблицѣ смертности людей различныхъ профессій, приводимой «Кіев. Сл.». Изъ его таблицы видно, что до 70-ти лѣтъ доживаетъ сравнительно наибольшее количество духовныхъ; наименьшій процентъ жизненности представляютъ медики и лѣкари. Изъ ста лицъ духовныхъ до порога старости (до 70-ти лѣтъ) доживаетъ 42 человѣка; изъ ста землевладѣльцевъ—40, фабричныхъ—35, солдатъ—32, приказчиковъ и торговцевъ—32, адвокатовъ—29, артистовъ и актеровъ—28, профессоровъ, писателей и публицистовъ—27, лѣкарей и медиковъ—24.

Съ перваго взгляда нѣкоторыя изъ этихъ цифръ возбуждаютъ въ читателѣ нѣкоторое недоумѣніе. Въ самомъ дѣлѣ, нѣсколько удивителенъ тотъ фактъ, что значительный процентъ жизненности имѣютъ солдаты, самая служба которыхъ заключаетъ въ себѣ, повидимому, больше шансовъ смертности, чѣмъ какая бы то ни было профессія. Съ другой стороны, не менѣе страннымъ представляется фактъ наибольшей смертности докторовъ, обладающихъ знаніемъ средствъ долготѣней жизни. Однако это такъ.

Какія причины такихъ, повидимому, странныхъ фактовъ? Быть можетъ, большая смертность докторовъ объясняется тѣмъ, что эти послѣдніе, находясь у изголовья больныхъ, заражаются смертоносными микробами, которые не даютъ имъ возможности прод-

лить жизнь до старости? Возможно. Изслѣдованіе доктора Каспера не даетъ, впрочемъ, никакихъ основаній для рѣшенія этого вопроса.

Наибольшую опасность жизни доктора, по изслѣдованію Каспера, представляютъ первыя десять лѣтъ его врачебной практики. По истеченіи десяти лѣтъ, шансы жизнениности доктора возрастаютъ и докторъ, который дожилъ до 70 лѣтъ, живетъ обыкновенно нѣсколько десятковъ лѣтъ далѣе. Нѣмецкіе доктора насчитываютъ въ своей средѣ семеро такихъ, которые дожили до ста лѣтъ. Французскій докторъ Боненъ дожилъ до 117 лѣтъ, Дюфурнель до 120 лѣтъ.

Дѣятельность артистовъ, актеровъ, писателей, публицистовъ и адвокатовъ, полная неутомимыхъ работъ и разныхъ тревоженій, не благопріятствуетъ продолжительности жизни. Погоня за славою значительно сокращаетъ жизнь этихъ людей, надрывающихъ свои силы, не обращающихъ вниманія на физическую сторону своего организма и т. п. Условія жизни этихъ людей складываются весьма неблагопріятно для ихъ долговѣчности: ихъ глаза съ каждымъ годомъ все слабѣютъ и слабѣютъ отъ искусственного освѣщенія; слухъ—отъ монотонной, непрерывной рѣчи; обоняніе—отъ тяжелой, удушливой атмосферы кабинетовъ, аудиторій; вкусъ терпитъ недостатокъ отъ нерегулярнаго принятія пищи; голова—слабѣетъ отъ сильнаго напряженія мысли и т. п.

Чѣмъ дальше человекъ удаляется отъ этихъ неблагопріятныхъ условій и переходитъ къ такимъ, которыя доставляютъ ему спокойствіе и регулярность, тѣмъ больше длится у него жизнь, тѣмъ болѣе у него шансовъ достигнуть 70-лѣтняго возраста. Быть духовенства и земледѣльческаго сословія наиболѣе удовлетворяютъ условіямъ продолжительности жизни. Жизнь промышленниковъ и торговцевъ хотя въ общемъ и регулярна, но все-таки здѣсь не достаетъ движенія и свѣжаго воздуха. Отсюда понятно, почему промышленники и торговцы пользуются меньшими шансами долговѣчности сравнительно съ земледѣльцами и духовными.

— Въ публикѣ и въ печати надѣлало не мало шума разоблаченіе безчеловѣчныхъ приемовъ нѣкоторыхъ врачей, прививавшихъ людямъ, въ интересахъ науки, смертельныя яды, для наблюденій за ихъ дѣйствіемъ. Французскій медикъ Даранберъ привелъ цѣлый рядъ примѣровъ изъ медицинской практики среднихъ и позднѣйшихъ временъ, въ доказательство того, что хирургическія преступленія, возмутившія до крайности общественное мнѣніе въ Европѣ, совершались во всѣ времена безъ всякаго угрызенія со-

вѣсти. Извѣстный въ древности анатомъ Гіерофимъ Александрійскій изрѣзалъ, за время своей практики, шестьсотъ преступниковъ, которымъ вскрывалъ животы и грудныя полости для наблюдений надъ біеніемъ сердца. Атталь III, царь пергамскій, и извѣстный въ исторіи царь понтійскій Митридатъ предоставляли преступниковъ въ полное распоряженіе своихъ медиковъ, испытывавшихъ надъ несчастными дѣйствіе различныхъ ядовъ. Христіанство вызвало въ людяхъ омерзѣніе къ такому звѣрскому отношенію къ человѣку представителей науки и въ первые христіанскіе вѣка воспрещались и преслѣдовались не только хирургическіе опыты надъ здоровыми людьми, но и вскрытія мертвыхъ тѣлъ. Въ XVI столѣтіи медикамъ стали вновь предоставлять осужденныхъ къ смертной казни для изученія надъ ними свойствъ нѣкоторыхъ ядовъ и противоядій. Многіе ученые XV и XVI столѣтій открыто заявляли, что для блага человѣчества позволительно испытывать надъ преступниками дѣйствіе сомнительныхъ средствъ, такъ какъ съ жизнью честныхъ людей играть недозволительно. Медицинскіе эксперименты надъ людьми особенно практиковались въ Италіи, въ Болоньи, Флоренціи, Мантуѣ, и католическое духовенство не только не противилось имъ, но нерѣдко даже поощряло, доказательствомъ чему служить разрѣшеніе, данное папою Климентомъ VI итальянскимъ медикамъ, отправлять приговоренныхъ къ смерти арестантовъ для испытанія надъ ними различныхъ противоядій. Въ XVII и XVIII столѣтіяхъ медвѣя прививали людямъ лихорадки, проказу и другія болѣзни для производства надъ ними наблюдений, и въ оправданіе ихъ канцлеръ медицинскаго факультета въ Монпельѣ, профессоръ Франсуа Раншенъ, торжественно заявилъ, что испытаніе какого-либо средства на преступникѣ можетъ спасти милліоны честныхъ людей. Въ позднѣйшее время фанатики науки стали испытывать различныя средства не на людяхъ, а на себѣ и нерѣдко прививали себѣ самыя тяжкія и опасныя болѣзни. Докторъ Голленбахъ ѣлъ мясо прокаженнаго поросенка. Башфонтенъ глоталъ изверженія холерныхъ больныхъ. Наконецъ, профессоръ Кохъ испыталъ на себѣ дѣйствіе своей противотуберкулезной лимфы, а всѣ ассистенты профессора Пастера испробовали на себѣ ядъ собачьяго бѣшенства.

„Кіев. Сл.“

— Въ Египтѣ, среди феллаховъ, до сихъ поръ еще существуютъ «колдуны», занимающіеся гипнотизированіемъ. Они берутъ обыкновенную фаянсовую тарелку, совершенно бѣлую, въ центрѣ кото-

рой изображаютъ чернилами два входящіе другъ въ друга треугольника. Пустое между прямолинейными ихъ очертаніями мѣсто они заполняютъ мелкими геометрическими фигурами и кабалистическими знаками. Остальную свободную отъ изображеній поверхность тарелки они смачиваютъ масломъ, придающимъ фаянсу сильный блескъ. Человѣкъ, всматривающійся въ середину тарелки, черезъ пять или десять минутъ теряетъ способность различать фигуры, сливающіяся въ его глазахъ въ одну точку. Затѣмъ точка разрастается, принимаетъ фантастическія очертанія, и мало-по-малу вглядывающійся въ нихъ человѣкъ впадаетъ въ состояніе такъ называемаго гипноза. Египетскіе колдуны не дѣлаютъ гипнотизируемымъ никакихъ внушеній, но задаютъ имъ вопросы, и отвѣты ихъ записываютъ въ свои «книги судебъ». «Моск. В.».

— Когда въ тучахъ скопляется много электричества, нервные люди чувствуютъ общее недомоганіе, сопровождающееся ощущеніемъ тяжести въ головѣ и нерѣдко даже невралгическими болями. Извѣстно,—на сколько чувствительны къ грозѣ люди съ хроническими болѣзнями, страдающіе ревматизмами, а также бывшіе раненые. Въ эти минуты, лица, подпадающія вліянію воздушнаго электричества, должны принимать предосторожности. Французскій докторъ Леонъ Дюпонъ совѣтуетъ людямъ, чувствительнымъ къ грозѣ, при ея приближеніи, обязательно снимать съ себя часы, цѣпочки, перстни и всякія, вообще, металлическія украшенія, отличающіяся своей электропроводностью, затѣмъ,—не становиться у печей и каминовъ, такъ какъ сажа, подобно металлу, хорошо проводитъ электричество. Дюпонъ совѣтуетъ также не укрываться подъ желѣзными или цинковыми навѣсами, не прислоняться къ смоченной дождемъ стѣнѣ и не становиться подъ деревомъ. Сквозные вѣтры притягиваютъ молнію въ такой же степени, какъ и колокольни, мачты и всякіе другіе высокіе предметы, заканчивающіеся остриемъ. Араго наблюдалъ, что когда молнія ударяетъ въ людей или животныхъ, стоящихъ въ рядъ, образующій прямую или ломанную линію, но не сомкнутую концами, то поражаетъ, обыкновенно, крайнихъ. Во время грозы не слѣдуетъ звонить въ колокола. Статистика показываетъ, что въ Германіи, въ тридцатитрехлѣтній періодъ времени, грозою разрушено 386 колоколенъ, убито 120 и ранено 407 звонарей, при исполненіи ими своихъ обязанностей. Веньяминъ Франклинъ писалъ, что для того, чтобы вполнѣ обезопасить себя отъ грозы, нужно сѣсть на стулъ, утвержденный на стеклянныхъ подставкахъ, или лечь посреди ком-

наты въ гамакъ или койку, висящіе на шелковыхъ шнурахъ, такъ какъ ни шерсть, ни шелкъ не проводятъ электричества. По словамъ профессора Будена, къ грозѣ не слѣдуетъ относиться слишкомъ безопасно. Въ одной Франціи, за время отъ 1854 по 1869 годъ, убито грозою 1,630 человекъ, въ томъ числѣ 1,160 мужчинъ и 470 женщинъ. Это неравенство объясняется отчасти тѣмъ, что женщина, по образу жизни и по свойственному ей роду домашнихъ занятій, подвергается опасности грозы значительно рѣже мужчины. Люди, которыхъ убиваетъ молнія не видятъ ея блеска и многовенно умираютъ, не чувствуя ни ожога, ни какого либо иного ощущенія; жизнь пресѣкается въ нихъ, какъ при апоплексіи. Во Франціи отъ грозы ежегодно погибаютъ, по среднему расчету, 80 человекъ. Подобные случаи рѣдки въ городахъ, гдѣ не мало громоотводовъ, но въ деревняхъ они часты, чему причиною является нерасчетливая порубка лѣса, особенно растущаго на склонахъ горъ и представляющаго собою естественный громоотводъ. Молнія производитъ различное дѣйствіе на поражаемыхъ ею людяхъ. Нѣкоторыхъ она только обжигаетъ, ограничиваясь ихъ наружными покровами, въ другихъ производитъ общее органическое сотрясеніе, наконецъ—наноситъ параличъ и смерть. Людей, пораженныхъ молніею, слѣдуетъ, до прибытія врача, натирать полотенцами, смоченными холодною водою, или зарывать обнаженными въ сырую землю, что, какъ извѣстно, издавна практикуется, почти повсемѣстно, въ брестыянскомъ быту. Случается, что трупы людей, убитыхъ молніею, не представляютъ снаружи никакихъ признаковъ пораженія, между тѣмъ какъ ихъ внутренніе органы и тѣани находятся въ состояніи полного разрушенія. Нерѣдко бываетъ и такъ, что при вскрытіи трупа не обнаруживается никакихъ видимыхъ слѣдовъ умерщвленія, но въ подобныхъ случаяхъ причину смерти должно отнести къ пораженію головного мозга и вмѣсти съ нимъ всей нервной системы. Подобныя явленія могутъ имѣть мѣсто при сильномъ ударѣ молніи не въ самый организмъ человека, а даже въ нѣкоторомъ отъ него разстояніи. Люди, пораженные молніею, но возвращенные къ жизни, долго страдаютъ потомъ чрезвычайно раздражительностью нервной системы, сопровождающеюся нерѣдко бредомъ по ночамъ, галлюцинаціями, бессонницею, головою болью и шумомъ въ ушахъ. Наконецъ, случалось, что подвергшіеся удару молніи не обнаруживали признаковъ жизни въ продолженіе 48 и болѣе часовъ, оставаясь какъ бы въ летаргіи, и одно это обстоятельство, по мнѣнію Будена, Дю-

нона и другигь авторитетовъ медицинской науки, указываетъ на необходимость немедленныхъ предварительныхъ мѣропріятій, подобно принимаемымъ для возвращенія къ жизни утопленниковъ. Весьма любопытно, что въ большей части случаевъ наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ оказывается примѣненіе электрическихъ токовъ и электрическихъ ваннъ. «День».

— Извѣстно, что муравьи вредятъ цвѣточнымъ клумбамъ, и для устраненія ихъ нѣкоторые садоводы обливаютъ землю керосиномъ. Одинъ испанскій садоводъ, допустивъ предположеніе, что нефть можетъ вредно вліять на корни растеній, придумалъ новое средство для устраненія муравьевъ. Онъ обсыпалъ ближайшіе къ своему саду муравейники и излюбленно посѣщаемыя этими насѣкомыми мѣста древесными опилками, смоченными гнилостною водою, остающеюся отъ промывки рыбы и усвоившею ненавистный муравьямъ рыбный запахъ. Карболовая кислота, въ слабомъ растворѣ, въ свою очередь, можетъ изгонять всякихъ насѣкомыхъ, но ея запахъ для людей не приятенъ, и неосторожное употребленіе карболовыхъ соединеній можетъ вредно отозваться на растеніяхъ. Тотъ же испанскій садоводъ испробовалъ противъ вредныхъ для растеній насѣкомыхъ обыкновенную поваренную соль. Онъ насыпалъ ее въ небольшомъ количествѣ вокругъ клумбъ, и муравьи, благодаря этому средству, не заходили въ клумбы и не портили цвѣтовъ. Для предохраненія плодовыхъ деревьевъ отъ муравьевъ и другихъ ползающихъ насѣкомыхъ, въ Испаніи ихъ обматываютъ при основаніи шерстянымъ шнуромъ, пропитаннымъ табачнымъ настоемъ или растворомъ никотина, и это средство оказывалось до сихъ поръ наиболѣе успѣшнымъ. Впрочемъ, этотъ способъ давно уже извѣстенъ сельскимъ хозяевамъ и огородникамъ разныхъ странъ, такъ что нововведеніемъ въ этомъ отношеніи можетъ быть признано одно только употребленіе древесныхъ опилокъ, смоченныхъ гнилостнымъ рыбнымъ настоемъ.

— Для мытья половъ, вмѣсто мыла, которое ихъ портитъ, «Профессіон. Шк.» рекомендуетъ употреблять смѣсь изъ одной части свѣже-гашеной извести и трехъ частей обыкновеннаго песку. Въ эту смѣсь погружается мокрая щетка и вытирается полъ. Если оказываются жирныя или другія пятна, которыя не отмываются этимъ способомъ; то ихъ покрываютъ такъ-называемою валяльной глиной, разведенной горячей водою, и оставляютъ на сутки, а затѣмъ вытираютъ и смываютъ полъ чистой водою. Такой способъ мойки половъ обходится (гдѣ есть песокъ) чрезвы-

чайно дешево, а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ чрезвычайно гигиениченъ, такъ-какъ удаляетъ всякую грязь, убиваетъ насѣкомыхъ и дѣлаетъ полы совершенно чистыми.

## НЕКРОЛОГЪ.

Семнадцатаго мая, настоящаго года, скончался отъ продолжительной и тяжелой болѣзни протоіерей Николаевской церкви, слободы Бѣловодска, Старобѣльскаго уѣзда, отецъ Алексѣй Ивановичъ Ипниковъ, 66 лѣтъ отъ роду. Покойный, заслужившій себѣ глубокое уваженіе всѣхъ знавшихъ его, былъ носителемъ той старинной фамиліи, которая издавна была известна среди духовенства Старобѣльскаго уѣзда. Будучи сыномъ священника слободы Каменки названнаго уѣзда, покойный еще съ молодыхъ лѣтъ, въ домѣ своего отца, былъ приученъ къ тому трудолюбію и аккуратности, которыя отличали всю его службу впослѣдствіи. Поступивъ въ Харьковское Духовное училище, покойный Алексѣй Ивановичъ и здѣсь на первыхъ же порахъ насаждаетъ въ себѣ любовь къ усердному занятію дѣломъ, а также любовь и усердіе ко храму Божію. Выдѣляясь изъ ряда своихъ сверстниковъ музыкальными дарованіями, Алексѣй Ивановичъ, по распоряженію Высокопреосвященнаго Мелетія, былъ зачисленъ въ архіерейскій хоръ и, такимъ образомъ, развилъ въ себѣ любовь къ тому стройному, благомѣльному пѣнію, о которомъ заботился и въ своемъ приходскомъ храмѣ до послѣднихъ дней своей жизни. Окончивъ курсъ наукъ въ Харьковской Духовной Семинаріи, въ 1847 году, со степенью студента, Алексѣй Ивановичъ первоначально былъ рукоположенъ во священника къ Успенской церкви слободы Стрѣльцовки, Старобѣльскаго уѣзда, но въ томъ же году перемѣщенъ на праздно священническое мѣсто къ Бѣловодской Николаевской церкви, того же уѣзда, при которой и прослужилъ болѣе сорока лѣтъ безотлучно. Состоя приходскимъ священникомъ, покойный въ то же время несъ и другія болѣе или менѣе видныя должности. Такъ, онъ почти все время своего священства усердно трудился на поприщѣ народнаго образованія: онъ состоялъ наставникомъ, законоучителемъ и катихизаторомъ въ двухъ Бѣловодскихъ народныхъ училищахъ, состоялъ блюстителемъ за преподаваніемъ Закона Божія въ окружныхъ начальныхъ училищахъ; дважды, по выбору духовенства, проходилъ должность депутата въ округѣ и, наконецъ, состоялъ членомъ благочинническаго совѣта по четвертому округу Старобѣльскаго уѣзда. Въ продолженіе всей своей многолѣтней и многосторонней службы покойный былъ неоднократно отличаемъ Епархіальнымъ Начальствомъ: за похвальное усердіе къ храму

Божію оиъ былъ награжденъ набедренникомъ, за ревностную службу по-епархіальному и учебному вѣдомствамъ получилъ скуфью, камилавку, наперстный крестъ и, наконецъ, согласно ходатайству гражданскаго начальства, былъ возведенъ въ санъ протоіерея и удостоенъ ордена св. Анны третьей степени. Погребеніе покойнаго состоялось при многочисленномъ стеченіи пасомыхъ, которые явились отдать послѣдній христіанскій долгъ своему пастырю. При отпѣваніи, которое состоялось въ сослуженіи девяти священниковъ, было произнесено три надгробныхъ слова. Въ высшей степени симпатичный и общительный, покойный о. Алексѣй Ивановичъ оставилъ надолго глубокое уваженіе къ себѣ всей своей паствы и всего окружнаго духовенства. Человѣкъ труда и разсудка, покойный былъ выдающійся пастырь, который твердо держалъ знамя своего высокаго служенія церкви и обществу. Вся его многолѣтняя практика носила на себѣ отпечатокъ глубокаго пониманія жизни и нуждъ общества, и, сообразуясь съ этимъ, покойный ревностно трудился до послѣдняго часа своей жизни, умѣло смягчая своей поэтической натурой всѣ тѣ невзгоды и лишенія, которыя такъ часто присущи пастырской практикѣ. Да будетъ же и отъ насъ добрая память вѣрному труженику, доброму товарищу и усердному пастырю!

---

### ОБЪЯВЛЕНІЯ.

---

## МОСКОВСКІЙ МАГАЗИНЪ

### И. И. ВЫСОЦКАЯ

принимаетъ заказы для гг. воспитанниковъ духовной семинаріи.

Суконныя ферменные пары отъ 17 р. и дороже.

Лѣтнія отъ 6 руб. 50 коп. и дороже.

При магазинѣ имѣется громаднй выборъ разнаго мужскаго, дамскаго и дѣтскаго готоваго платья по весьма сходнымъ цѣнамъ.

А также имѣются всевозможныя матеріи для приѣма заказовъ.

Цѣны безъ запроса и торга.

Магазинъ помѣщается въ д. Пашенко-Тряпкина, уголъ Ключковской улицы и Купеческаго переул., въ Харьковѣ.

---

## Ц Ъ Н Ы

учебнымъ изданіямъ Училищнаго Совѣта при Свя-  
тѣйшемъ Синодѣ

для Епархіальныхъ Училищныхъ Совѣтовъ и ихъ отдѣленій,  
для Епархіальныхъ и Братскихъ книжныхъ складовъ и для  
Директоровъ и Инспекторовъ народныхъ училищъ вѣдомства  
Министерства Народнаго Просвѣщенія.

	Безъ пе- реплета. Коп.	Въ пе- реплетѣ. Коп.
1. Евангеліе на славянскомъ языкѣ . . . . .	18	26
2. Браткій молитвословъ на славянскомъ языкѣ . . . . .	3	—
3. Азбука для обученія отроковъ церковному и гражданск. чтенію	5	9
4. Церковно-славянская азбука Н. И. Ильминскаго:		
вып. 1-й для учителей . . . . .	8	12
вып. 2-й для учениковъ . . . . .	6	10
5. 2 таблицы буквъ къ сей азбукѣ по . . . . .	3	—
6. Обученіе церковно-славянской грамотѣ П. И. Ильминскаго:		
вып. 1-й для учениковъ . . . . .	15	20
вып. 2-й для учителей . . . . .	12	17
7. Часословъ учебный . . . . .	15	23
8. Псалтирь учебная . . . . .	20	28
9. Октоихъ учебный . . . . .	15	23
10. Обиходъ учебный . . . . .	30	48
11. Начатки христіанскаго ученія, церковной печати . . . . .	8	13
12. Наставленіе въ Законѣ Божіемъ. Учебникъ для церковно- приходскихъ школъ. Протоіерей П. Смирнова . . . . .	15	20
13. Начальные уроки по Закону Божію. Учебникъ для школъ грамоты. Протоіерея П. Смирнова . . . . .	3	7
14. Историческія Чтенія изъ книгъ Ветхаго Завѣта, новое изд. исправлен. и значительно дополнен. Училищнымъ Совѣтомъ, на русскомъ языкѣ . . . . .	15	20
15. Краткое руководство къ первоначальному изученію церковна- го пѣнія по квадратной нотѣ, Д. Соловьева . . . . .	20	25
16. Книга для чтенія и письменныхъ работъ по русскому языку въ церковно-приходскихъ школахъ. Годъ первый. (С.-Петербургъ, 1891 г.) Д. Цонова . . . . .	15	20

Съ требованіями на сіи книги по указаннымъ цѣнамъ слѣдуетъ обращаться  
исключительно въ книжный складъ при Харьковскомъ Каѳедральномъ Соборѣ или  
же въ Комитетъ, завѣдующій симъ складомъ.

# ГОДИЧНОЕ ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА

## „ВѢРА И РАЗУМЪ“

въ настоящемъ году по прежнему будетъ состоять изъ 24 №№ или полумѣсячныхъ книжекъ и будетъ раздѣляться на пять частей—съ особымъ счетомъ страницъ для каждой части. Первыя двѣ части составятся изъ церковнаго отдѣла, вторыя двѣ части—изъ философскаго отдѣла, а пятую часть составитъ собою „Листокъ для Харьковской епархіи“. Къ каждой части въ свое время будетъ приложенъ особый заглавный листъ съ обозначеніемъ статей.

# ОТЪ РЕДАКЦІИ

## СВѢДѢНІЯ ДЛѢ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

---

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію «Вѣра и Разумъ» свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по-полудни: въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

 Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особые заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

---

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 10 к., за два раза 18 к., за три раза 24 к.

Редакторъ, Ректоръ Харьковской Духовной Семинаріи, Протоіерей Іоаннъ Кратировъ.